

ERTOMIKON

ENERALD GARGONOV

BOROKUDO

KROKDERGAR

Энеральд Гаргонов — киборг, которому на роду было написано стать военным, ведь его дед — генерал, связи которого всегда помогали.

Избрав путь защитника Земли, через несколько лет он вступил на борт огромного космического корабля, где его космическая жизнь и закончилась, в отличие от внеземной, которая продолжилась на технологически слаборазвитой планете. На ней огонь и меч суды вершат, обряды вместо веры повсеместно, ведь Боги реальны.

Теперь у него ничего нет, но история этого нового мира будет пестрить его именами, потому как он обрёл бессмертие и жаждет вернуться на просторы звёздной бездны.

Глава 1. Как же ненадёжна тишина

Глава 1. Как же ненадёжна тишина.

Ранний вечер, узкие запутанные улочки средневекового портового городка, ужасная осенняя погода, дополненная мелким и частым дождиком и не самым приятным запахом от жизни большого числа различных разумных.

Когда-то этот порт задумывался как оплот цивилизации, как важный узел снабжения, он должен был помогать защищать внутренние земли государства, но это самое государство стало слишком сильным, слишком стабильным, оно расширило свою территорию слишком далеко и слишком дорого стало содержать бесполезную крепость.

Теперь порт переехал в близлежащий маленький городок, а на его месте поселилась бескрайняя зелень, которая уже поглотила всё побережье и изменила полуразрушенный каменный замок под себя.

В центре некогда величественной крепости красуется заросшая заброшенная цитадель, от её стен остались многочисленные осколки, большая часть которых, была перетащена и стала частью городских укреплений.

Пройдя через городские ворота, я, стараясь не попасть ногой между подгнившими мостками, краем уха услышал, как моя спутница ворчит что-то про болото.

— Добавь сюда запах тухлой рыбы, — подразнил её я.

— Обязательно, — огрызнулась молодая девушка. — Надеюсь, здесь скоро похолодает.

Ты говорил, что меньше века осталось до малого ледникового периода.

— Угу. И все начнут молиться, — злобно усмехнулся я, — будут пытаться горячей молитвой растопить льды.

— И как? Поможет? — невинно, будто не замечая моей ухмылки, спросила Эйлин.

В ответ я отрицательно помотал головой и добавил:

— А чтобы пока не скучали, скоро будет чума. Сейчас, конечно, чумная крыса не может добежать от деревни до деревни своим ходом, устаёт и впадает в ничтожество. Но как только она добежит,... а она добежит... или, скорее, доедет. У нас с тобой будет мало времени и много золота...

— Опять твой ручной царёк помощи просить будет?

В ответ я подмигнул и перевёл тему, — как найдём нашего монстра и получим вознаграждение за его убийство, сразу свалим отсюда на корабле.

Всё в этом мире ради денег. Если не знаешь из-за чего, то смело говори: “Из-за денег”. Вот и мы брали этот заказ, только для того чтобы свалить отсюда. А кораблик, вернее его охрана, из-за активности пиратов стоит разительно больше, чем мы изначально планировали.

— Скоро ночь. В такой грязи я копать не буду, — предвидев моё предложение порыскать в темноте, с недовольством ответила Эйлина.

— В тебе снова императрица просыпается? — В ответ, получив лишь недовольный взгляд, я сразу же отвёл от неё свой взор и решил спросить у местных, где можно остановиться на ночь.

Пройдя чуть дальше по улице и никого прилично выглядящего не увидев, решаю подойти поближе к сильно побитому жизнью жителю города Греондос. — Эй, пьянчуга! — Выдержав паузу и убедившись в зрительном контакте, продолжаю: — Где находится

ближайшее место, в котором можно переждать непогоду?

Пошатываясь, мужик лет под сорок подошел ко мне и, помявшись, явно соображая, что сказать, медленно начал: — Ваша... — Благородие. — Добавил я, решив не пугать его своим настоящим титулом. — Ваше Благородие, позвольте поприветствовать вас...

— На вопрос ответь. Без лишних слов. — Пресёк я попытки бессмысленного и мучительно долгого общения, присущие всем местным.

— Простите Ваше... — Он посмотрел на моё стремительно меняющееся не в лучшую сторону лицо и быстро как скороговорку начал говорить: — Постоялый двор дальше по улице... Справа будет.

— Держи. — Я кинул ему серебряный.

Мастерски поймав монету, пьянчуга встал в ступор. Но быстро придя в себя с испуганными глазами шныркнул за угол.

— Нашел, у кого спрашивать. И не много ли ты ему дал? — Одернув, уставилась на меня возмущенная Эйлина. — А за чисто символическую плату привратникам, наорал, запугал и чуть не побил бедных стражей.

— Символическую? Да там они куда больше содрать пытались.

— И что? Они хотя бы выполняли свою работу, а вот он, — она хотела указать пальцем на пьяницу, но тот уже испарился, оставив её в некой растерянности, — он этот серебряный сразу и проплет, а на утро его найдут мертвым с ножом в спине в том закутке, куда он убежал.

— Как же ты не веришь в людей. И почему сразу проплет? Может... Семье отдаст.

— Ты не почувствовал, как разило от него и как он ВЫГЛЯДЕЛ?

— Так все. Ну, дал и дал серебро. Мы, между прочим, можем себе это позволить. А так да, может и проплет, мне то какая разница?

— Ты убил его, — прошептав, взяла меня за руку.

Я не стал дальше препираться, к тому же Эйлин сжала мою руку так, что та начала похрустывать.

Дойдя до указанного места, мы увидели типичную картину для городов этого мира. Два амбала что-то не поделили и сейчас валяются в грязи в окружении толпы, выясняя отношения. Да еще прямо у порога.

Брезгливо обойдя дерущихся, поднялись на крыльцо и, стряхнув прилипшую к ногам грязь, вошли внутрь.

На первом этаже поистине большого двухэтажного побитого временем здания, располагалось место досуга. Заняться особо было нечем. Пожрать, выпить, можно еще в потолок поплевать и если повезет выманить какого-нибудь барда или загулявшего менестреля и почистить его лицо от лишней кожи, попутно окрасив в красный. Девки же стрёмные были до ужаса, но, может, кому и такая сойдет в углу. Собственно последним и были заняты те немногие, кто не участвовал в возне у входа.

— Ну и местечко мы нашли, — ухмыльнулась Эйлин.

Меж тем тишина стояла в зале полнейшая, все разглядывали меня и мою спутницу, и взгляды эти были явно далеки от восхищения. Впрочем, это их проблемы.

— Приветствую неспящих, — обратился я к бегающему и явно нервничавшему корчмарю, — нальете?

— Конечно, господин. Что желаете? — вежливо ответил уже немолодой мужик.

— Что-нибудь забористое.

От улыбки в тридцать два идеальных зуба, корчмарь побледнел. Откуда не возьмись к нам тут же подбежала относительно красивая девушка и предложила проводить нас в соседний зал, где потише.

Не зал, а закуток на два маленьких столика, — хотел я добавить уходящей девушке.

— Ты опять за свое? Может, не будешь пить хоть здесь? — Прошептав, пронзила меня бритвенно-острым взглядом Эйлин.

— Вот ещё. В первый раз, когда я в подобном месте надрался ...

— Я чуть не умерла, — перебила меня.

— В смысле?! Я тебя спас, да и к тому же, ты сама была виновата, — увидев, как её милое лицо наливается гневом, я отступил. — Чего уж ссориться, манипуляторша, давай я лучше тебе историю какую-нибудь расскажу.

Глубоко и облегчённо вздохнув, она насторожённо посмотрела на меня, явно услышав феминитив между строк. — Хорошо. Я, похоже, всё равно не остановлю тебя, — оглядев помещение, добавила: — Только обещай, что с теми вороватыми типами драться не полезешь. И не ори, я не хочу потом загулявшего мага или рыцаря какого закапывать. И ещё, это случайно не одна из тех историй про жидомасонов, иллюминатов, розенкрейцеров или неосапов?

— Не-не-не, тогда меня понесло куда-то, — судорожно помотав головой и хлебнув только что принесённое пойло, начал: — Так воот, я рассказывал тебе про то, как я был призван в Объединенные Войск Союза Пяти Секторов Галактики Млечный Путь? Нет? Ну тогда закажи винца себе. К слову, почему кроме вина ничего больше не пьешь? Ты же полудемон, пьянеть не должна.

— Боюсь сожрать тебя.

— А какой бы ты цветок положила на мою могилку? — поддразнил я её, надеясь застать врасплох.

— Ивовый, — не колеблясь ни секунды, ответила она.

— Синие такие. Те, про которые я тебе рассказывал? — Вспомнил я огромное ивовое дерево, вокруг которого ковром лежали его цветы и у корней которого росли от природы соленные и вкусные грибы.

— Не. Та ива мутант какой-то, — нежно улыбнулась девушка.

— Значит, он редкий? Получить такой — немалая честь, — хмыкнул я.

— Знаешь, ива всем своим видом напоминает мне тебя, — с намёком сказала Эйлина. — Она сильная, её корни глубоки, и она может спрятать в своей кроне меня. Она легко клонится под ударами бури, но не больше, чем сама того желает. — Девушка сжала кулачок и игриво ударила меня в грудь, затем взяла за шиворот и подтянула к себе, но я ей не дал ничего сказать или сделать. — Дорогая, неужто это была лесть? И можно ли тебя считать бурей?

Секунду Эйлин смотрела на меня, словно борясь с желанием поцеловать, — у ивы есть полюбившаяся мне особенность, — сказала она, положив руку мне на щёку, и ехидно улыбнулась, — ива повинуется желаньям ветра.

— А ветер желает рассказать тебе историю. — Мы страстно и надолго соединили губы и переплели языки. Хорошо, что в этот момент нас никто не увидел.

После, подумав с полминуты, я начал свой рассказ.

— Прилетаю я, значит, на Ио, спутник Юпитера. Пепелац, на котором я летел, был заполнен мехами и роботами. В креслах позади и сбоку от меня сидели синты: Грорк, Мрорк

и Зафаэль. Я бы никогда не догадался, что они не люди, если бы они мне сами не сказали. Беседовать с ними я, сначала, побаивался, но оказалось, что они и вправду во всем лучше людей. Жаль было тогда с ними расставаться.

Первым, кого я встретил по прибытии, был синий гном-распорядитель. Синий не потому, что он пил много, у него цвет кожи под антифриз. — Следующий! — значит, рывкнул этот гном. — Ты кто у нас?

— Специалист из корпорации Милитехнол, Энер...

— Плевать на вымя как тебя там. Бери шмотье и ползи налево, в казарму, как сменишь свой подгузник и оденешься в человека. Жди командира. А потом жди, как манну небесную, инструктора.

Я, конечно, тогда рвал и метал, но всем было как-то плевать. Потом я узнал, что этот гномик был голубым не только по цвету кожи, и это был его последний день, когда он ещё хоть что-то мог дать обществу. Его надолго закрыли.

Делать нечего, пошел по указанному направлению и вошёл в большое просторное помещение с пятью рядами шкафчиков, в каждом ряду ещё по тридцать шкафчиков.

В раздевалке народа не так много было, как я изначально предполагал. Прямо в центре человек пять кружком стояли и смотрели, как два качка на импровизированном столе соревновались у кого рука сильнее, в углу зачуханный поцак стоял и что-то читал хитрющими глазами, с рожей гопника смотрели на меня ещё трое.

Мда, эти матёрые бойцы выглядят как члены какой-то банды, — подумал я.

Переодевшись и сложив свои пожитки, я пошел искать место, где можно уединиться и сделать дела. Нашел довольно быстро.

Как я зашел в толчок, так душа моя из меня и вышла. Ничего из себя не представляющая комната с парой кабинок и умывальников, видимо, когда-то была пристанищем одного из всадников апокалипсиса. А его верный спутник, Смрад от химикатов и нечистот, намесничал здесь. Можно было даже увидеть, как он построил всех светящихся зелёным крыс по стойке смирно и начал их тренировать, как нужно плюнуть в глаз разумному, чтоб тот подольше мучился. Его даже не смущало, что я зашел. К тому же, два хмыря в углу за раковинами издеваются над валяющимся среди ошметков каких-то деревяшек человеком.

— Что-нибудь хочешь сказать? — выкрикнул смазливый с тонкими длинными ручонками, стройный как кипарис парень.

— П-прос... — не успел договорить избиваемый.

— А ты че вылупился? — Посмотрев на меня красными глазами рывкнула стена два на два метра с чисто орочьим хлебалом. — Ого. Да ты прям одно лицо со мной, с бородкой, правда. Это надо исправить.

И в правду мы были очень похожи, те же острые черты лица, тот же рост чуть больше одного метра восьмидесяти сантиметров, да и телосложение в целом спортивное. Одно лишь различие, он из расы Нагариан, то есть всего лишь большой чуть синеватый горбатый человек с сотней акульих зубов и жабрами на шее.

Видимо, его слова были адресованы кому-то за моей спиной. Я настороженно оглянулся, но так никого не увидел. Тем временем, тощий направляется в мою сторону, держа в руках небольшой нож.

— На колени, — ближе подойдя, сквозь зубы выпалила макаронина. — Я сказал на колени, сейчас устроим тебе барбершоп для бородатых жоп.

На нож у подходящего ко мне отморозка мне было нечем ответить.

В руках ничего, кроме подобранного рулона бумаги с края раковины, не было, кинув который, я взял первое, что попало на глаза, это оказалась какая-то палка, видимо от разбитого ранее стула.

Пока противник соображал, что я в него кинул, быстрым ударом выбил из рук нож и схватил за голову. Начал бить ей обо что-то твердое. Соображать, обо что времени не было, поскольку выбитый нож оказался прямо передо мной в чужой огромной руке, едва ли не касаясь меня. Увернувшись от удара бугая, я оттолкнул его ногой, тот спиной пробил закрытую дверцу кабинки и своим задом размогил унитаза.

Входная дверь позади меня внезапно открылась. А я, поскольку долго соображал, не успел сбежать до этого момента.

Разумеется, такой грохот не остался незамеченным. Заместитель начальника седьмого корпуса, проходил прямо над нами и, услышав звуки, вместе с помощниками решил проверить, что же произошло.

Дежурный открыл дверь и отошел.

— Че тут у вас? Откуда вода? Кто сломал умывальник?! Съебали отсюда, пока...

— Что пока? — спросил толстенький заместитель корпуса, выглядывая из-за спины.

Я под шумок решил попытаться тихонько уйти.

— Так, стоять, — схватил меня за шиворот один из помощников. С полминуты убивая меня взглядом, задал пару вопросов, что-то записал и отпустил. Так он проделал с каждым из нас. Тонкому он еще платок дал, а то кровь хлестала из носа довольно сильно, и поднял с пола нож. Как потом выяснилось, у Тонкого были проблемы с головой, и он был поваром в здешней корчме и нож взял там же, где работал.

— И вас не наказали за такой беспредел? — задались логичным вопросом внимательные глазки.

— Наказали, неофициально конечно, слава коррупции, моему деду и проверкам в соседних блоках. Нашу драку быстро замяли, никто не хотел лишиться головы из-за того, что не уследили. А за неуставные отношения мы стали рабами заместителя корпуса.

Нам выделили каморку на четверых. Режим больше походил на тюремный. Запускали нас ближе к ночи, выпускали ранним утром. А сил выяснять отношения ни у кого не оставалось, даже словесно. Днем дела обстояли иначе, но до драк больше не доходило, ругались, только вот, часто.

— А да, того больно доброго хозяина четвёрки невольных звали Вейрон.

Следующие три недели больше походили на какой-нибудь круг ада. Я, Веня, Вениамин то бишь, тот который огреб от толстого Хэнка и тонкого Джина.

Я думаю, все мы надолго запомнили те дни. Чего мы только не делали, самое легкое, что было это уборка какого-нибудь дерьма. Отдраить в четыре рыла необъятный корпус, отнести бесконечное количество жратвы и инструментов на пункт переброски. Откуда потом доставляли ресурсы на космическую станцию, и на ней же располагался космический порт просто нереальных размеров. А узел под номером 4 прозвали пожирателем, поскольку он был способен обслужить корабль размером до двадцати пяти километров.

Хоть и знакомство у нас четверых не задалось, но днем после пары пиздюлей от Вейрона, мы как-то быстро перестали конфликтовать, даже приходилось помогать друг другу, ничто так не связывает, как общие пиздюли за косяки одного.

— Чуть не забыл, прораб частенько выдавал своему любимому батраку особо ебнутую работу и невыполнимые задания. Просто готовил меня к службе, видимо, капитаном

дредноута. Корабликом размером всего лишь в пару лун, у которого весь офицерский состав содержится в пятилитровых баночках.

Подписав, почти через месяц, всем четверым вольную, хозяин выгнал нас строиться на улицу. Вернее под купол, тогда терраформирование спутника не было завершено. Зато небом можно было любоваться поистине бесконечно. На нашем искусственном острове были высажены бесконечные рядки метровых деревьев.

Подойдя к жуткого вида жёлтой двуногой кракозябре, не выше моего пупка, мы встали в строй. Я, конечно, много разных разумных повидал, но такие любят сниться в кошмарах. Ты только представь, четыре руки-щупальца, ноги согнутые в двух местах, ярко-желтые глаза и такая же кожа. Чуть что сделаешь не так, так оно тут же тебе откусит самое важное своей длинной крокодильей пастью.

Как только я примирился с его внешним видом. Оно заговорило!

Мерзкий, рычаще-скрипящий голос пробирал до костей. Тогда я просто решил абстрагироваться от мира на какое-то время. К моему горю, Вейрон это заметил и пообещал что-то, к счастью, я не услышал что именно.

После небольшого инструктажа меня и моих друзей определили в казарму.

Ближе к вечеру, когда Вейрон оставил нас, мы решили познакомиться со своими будущими товарищами.

— Благодарю, — прервал я рассказ, взявшись уже за третью полуторалитровую деревянную кружку какой-то, по их мнению, забористой бурды, название которой, я даже не пытался запомнить, — так вот.

— Подожди, — мне показалось, что слушательница хочет упрекнуть, что я половину переврал, а вторую приукрасил, но, прервав меня, она уставилась на дверь. — Там крики прекратились.

И вправду, ревушая толпа перестала быть таковой.

Через пару минут, человек десять городской стражи зашли внутрь. Одним из последних зашёл, видимо, глава патруля и с порога начал кричать корчмарю:

— Тех двоих за твоей жральной оставил, ноги в этот раз не ломал. Если сегодня я еще найду сюда, ты знаешь, что будет. А пока налей-ка моим парням по кружечке.

Снова презрительно оглядев зал, эта кукла, сшитая каким-то Виктором и носящая его фамилию, да к тому же закованная в железо, подошла к нашему закутку, по пути сняв шлем похожий на железную шляпу с полями, вместе с подшлемником отдав её своему подручному.

— Давно я в таком месте не встречал приличных людей. Позвольте узнать — кем будете?

М-да, обычно, такие наглые и беспардонные люди долго не живут, — задумался я. Но он был прав, мы, действительно, разительно отличались от здешних пьяниц и забулдыг. Хотя я и был по уши в грязи, но из-под верхнего невзрачного плаща проглядывалась расшитая мехом редкой живности одежда и дорогушая броня. А Эйлин, во всех отношениях, больше походила на сбежавшую из дома принцессу, чем на обычного путника.

— Приветствую, — решил я так же опустить все, на мой взгляд, ненужные слова. — Имя мне — Гадэс. Я буду, всего лишь, обычным охотником на демонов. Остальные же свои титулы, столь далеко от дома, называть “в таком месте” не горю желанием, — договорив, продолжаю смотреть на недоверчивую рожу командира и вываливаю на стол золотую печать с красным сияющим кристаллом, подтверждая мои слова.

Встретить охотника на демонов — не каждому дано. Обычно, охотники на нечисть

очень много зарабатывают и мрут, как мухи, поэтому и насрать всем, кроме шлюх, на них.

А вот на демонов, реликтовых монстров и других особо опасных тварей, охотятся лишь поистине не убиваемые и неуязвимые разумом существа. К тому же, их заказчики — это, в основном, короли да герцоги с епископами и митрополитами, одним словом — безмерно богатые люди.

Отсюда и легенды ходят о нас, как о полубогах. Жестоких, очень кровавых, опасных и богатых полубогах. Обычный люд меньше боится демонов, чем охотников на них. Бывало, что от меня в страхе убегали, когда узнавали, кто перед ними, а однажды было и так: меня чуть не убили лесорубы в лесу. Вот вам и бог, почти умерший от обычного взмаха топора.

— К нашему великому сожалению, — встав перед командиром стражи, начал смотрел прямо в глаза, — поздним вечером нам не удалось найти приличное место. Может, вы знаете, где нам лучше остановиться?

— Р-разумеется, — тут же поменялся в лице он, — господин демонический охотник, — не отрывая от меня настороженный взгляд, подозвал к себе паренька и велел ему показать дорогу.

Я, стараясь скрыть ухмылку, потому как понял, что он связан с тем, кого мы ищем, посмотрел на Эйлин, она сразу всё почувствовала и добавила: — Быть может, вы нас туда проводите? Мало ли какие люди нам по пути могут повстречаться.

Жертва неохотно согласилась, дав мне один из факелов, вместе со своими подручными повела нас к местным дворянам, или кто тут у них достоин приличия.

Когда мы отошли достаточно далеко, и тусклое свечение факелов уже не могло в полной мере развеять темноту улицы, где помимо нас никого не было, Эйлин решила действовать: — Ну что вампирчики. Здесь как-то мрачновато. Говорят, брызги крови могут освежить обстановку. Вас туточки пять, да? — Вытащив из под плаща любимый кнут с шилом на конце, она ехидно улыбнулась, слегка оголив свои длинные белоснежные клычки.

Раздались пробные щелчки от кончика кнута, сотрясшие спёртый ночной воздух. — Сделай мой голос рингтоном рассвета. Ха-ха-ха. — Заливисто рассмеялась девушка.

— Он же обращенный, — возразил я, — ему всё равно на Светило, да и слов он таких не знает.

— Значит, умрёт в корчах, — невинно сказала прямо в лицо командиру стражи, а по факту, ниточке к главной городской нечисти.

— Только в этот раз не жри никого, — с укором уставился на смертоносную красавицу я.

— Да когда это в последний раз было-то! — Возмутилась она.

— С гоблинами и было, — отведя от неё глаза, сказал я, и начал неотрывно следить, как враги нас окружают, становятся в выгодные позиции и тушат свои факела в лужах, оставляя лишь блестящие глаза в темноте.

— Это, это были кобольды, — замялась Эйлин.

Посмотрев на главную нашу жертву, мне захотелось выговориться:

— Представляешь, прихожу я, значит, в лагерь, а она там жарит чью-то руку и злобно хихикает, представляешь? — Все кивнули мне в ответ.

— Ножку, — похлопав красивыми глазами и приготовившись к битве, поправила меня.

— Да какая разница-то?! — гневно прикрикнул я на девушку.

— Хорошо, дорогой, — отступила та, — но нам нужна информация, поэтому сегодня я кожу всё же сдеру, — улыбнувшись, сладко облизала губы.

— Как пожелаешь. — Я спокойно кинул факел в большую лужу, и, когда свет окончательно отступил перед тьмой, мы начали жатву...

Глава 2

— Говорит Капитан крейсера Ир-1422 Экрон, Эрих Хартманн, запрашиваю разрешение на стыковку.

— Разрешение на стыковку с узлом 4 получено, — передал оператор Станции Ио-2.

Среднего размера универсальный боевой космический корабль, длиной порядка десяти километров и минимальным экипажем в пару тысяч, находящийся под управлением уважаемого героям Союза Пяти Лун. Ходят слухи, что особо отличившиеся капитаны, тело которых в бою получило несовместимые с жизнью раны, могли стать частью ядра, и тем самым обрести вторую, уже вечную, жизнь.

Миссия у кораблика была простая до нельзя. Забрать 374 дивизию и доставить её вместе с грузом на материнский корабль Удуун Молак -1рен4.

Двадцать пять тысяч сто три человека, в число которых входили обученные на Ио солдаты, были размещенные внутри и готовы к отправке.

Я, в свою очередь, сотрудник из корпорации Миллитех, которая заключила контракт с армией и теперь её можно было назвать поставщиком оружия, в том числе и живого, был повышен и теперь так же пребывал на корабле в месте с прошедшими жесткие тренировки и строгий отбор Веней, Джинном и Хэнком.

Благодаря многочисленным связям деда, я быстро начал продвигаться по карьерной лестнице, а один из самых простых способов подняться — стать охранником полковника. Более того, из-за связи с Миллитех, благодаря которой у меня усиленное аугментациями тело, из-за чего в разы сильнее и опасней любого разумного существа без таковых, а также тому факту, что полковнику по уставу требуется человек, который будет охранять его 24 на 7 и выполнять за него всю опасную работу, меня официально назначили прямым подчиненным Вейрона Вейерштрасса.

К сожалению, обеспечивать безопасность главнокомандующих — весьма опасное дело, чуть что, так сразу какой-нибудь робот-суицидник прибежит и подорвет себя, а то и какая гадость проберется и начнет разбирать на атомы всё и вся. При abordage одной из главных целей будет именно защищаемый мной, к тому же, в “мирное время” от меня всегда что-то требуют.

Не думал, что стану штабной крысой с повадками самоубийцы, но сейчас время, вроде, мирное.

Так или иначе, разобравшись со всеми делами и порядком утомившись, я, наконец, пришел к так вожденной особе.

— Моя каюта, — прошептав, вошел.

Как хорошо, когда у тебя есть свой угол. Да, он скромный и не шибко большой, как раз для одного человека, но он мой, личный, никто не зайдет и не начнет перебирать вонючие вещички прямо перед моим носом.

— Кроватька, я иду!

Не снимая одежду, плашмя упал на неё, она отпружинила, и я почувствовал себя как на волнах, мягких таких, удобных. Но не успел я насладиться перинкой, как какая-то мразь открыла дверь с грохотом от старой замызганной пушки, которая последний раз в своей

жизни выстрелила и убила всех в радиусе вселенной.

— Сэр Энеральд, — посыльный встал в проеме двери, — вас вызывает полковник Вейрон Вейерштрасс. Он также попросил передать, чтоб весь квартет был в сборе.

— Понял, — глубокий вздох, полная отрешенность в глазах и крики в душе: “Ай да... С-сука, чтоб тебя, Вейрон, черти драли кругом. Да еще и посыльного специально отправил, мы в начале девятнадцатого века? Зачем ты его заставил обратиться ко мне по имени?”

— Разрешите идти? — С недоумением смотрело на меня создание, которое мне хотелось придушить. С трудом переборов порыв я отпустил его.

Мне же сил хватило только на то, чтобы встать с кровати и подойти к стенке, отделяющей меня от Хэнка.

Выйти из комнатки да? Вот ещё, лишний раз такое испытание лучше не проходить.

Я ударил кулаком по стене, тишина, ударил ещё, снова тишина. Я со всей силы пару секунд барабанил, даже рука начала неметь.

Когда я уже хотел выйти в коридор и нормально позвать всех, услышал как полусонный Хэнк подошел к своей двери и открыл ее. — Кто там еще? — Постояв и посмотрев по сторонам, он, никого не увидев, пошёл досыпать, — приснится же. Лечится надо.

Подождав, пока дверь закроется, я ещё раз ударил по стенке и начал ждать.

Через минуту ко мне вваливается Хэнк. — Энеральд, тебе делать нехуй? Чего как крыса долбишься и шуршишь, попищи ещё.

Ехидно смотря на полумертвое лицо у себя в дверях, я снова ударил.

Тут даже я бы не выдержал, а он Нагарианин. — Хватит, блять, стучать по этой ебучей стенке! Чё те надо лучше скажи.

— Позови Веню и Джина. И осторожней с выражениями. — Недвусмысленно намекнул ему я.

Нагарианин натужно извинился и, чуть пригнувшись, чтоб не стукнутся об дверной косяк, вышел и пошёл всех собирать. Пока он шастал, я сменил рубашку и брюки, так же взял из рундучка новый ремень, подаренный мне дедом.

Через пять минут вся четверка была в сборе и уже шла к Вейрону по длинным ветвистым коридорам космического корабля.

Чувствуя какое-то умиротворение в созерцании однотипных стен, в скрипе открывающихся межкоридорных дверей, в пшике механизмов шлюзов, я оказался в новом-старом для себя мире. Всё пищит, жужжит, тарахтит, двигается. Корабль будто живой. Я очень хотел просто молча идти и думать о своём, летя где-то в космосе посреди холода сотен световых тысячелетий, но Джин не разделял моих чувств. Он начал бухтеть: — Этот человек даже на том свете достанет.

Почти засыпая, толстый Хэнк поддержал товарища. — А вывод какой? Мы дебилы и мудаки, надо было ещё тогда съебаться, нам же дали возможность, а мы выбрали повышение.

— Кто ж знал, что так и останемся под крылом ноктюрна. Да, к тому же, посмотрите кем мы стали под его началом, а затем посмотрите на тех, с кем мы должны были проходить обучение. Они же ничего из себя не представляют, а ... — в последнее время больно разговорчивый Веня резко остановился и замолк. Видимо, испугался наших гневных взоров.

— Не утешай нас, — сказал я, — мы и так знаем, что другой путь был хуже. — Договорив, я увидел перед собой улыбающуюся во все сто зубов лысую бородатую бочку на две тысячи литров, она сказала: — Пришли, — и по-дружески похлопала меня по плечу.

Не успел я взяться за ручку, как большая стальная дверь сама отворилась.

— О, долго вы, однако. — Открыл дверь лысый пузан в мундире с длинной полуседой бородой, от которого ощущается приятно знакомый аромат хорошего вискаря.

— Проходите, садитесь, отмечайте, — настораживающе дружелюбно он пригласил нас к себе.

— Что отмечать? — поинтересовались мы.

— Как это что? Моё назначение, ваше, кстати, тоже... Холопы вы мои, — последние слова прозвучали невероятно тихо, их расслышать получилось только у меня.

Внутри нас встретил просторный кабинет с двумя столами, стоявшими буквой “Т”, по обеим сторонам этой ножки мы и сели, Вейрон же взгромоздился на самый верх, подчёркивая свой статус.

Временный кабинет был прост, его украшала лишь голографическая карта во всю стену позади Вейрона, пара тумбочек, красный диван и столик с интересностями, с парой бутылок известного содержимого.

Устроившись в кресле поудобней, Вейрон, наконец, нарушил тишину:

— Среди нас лишь Энеральд с аугментациями. Это так?

— Так точно, — незамедлительно ответив, я начал переглядываться со своими подчинёнными и строить всевозможные теории о том, почему он сегодня такой добрый.

— Полно, не надо так официально. К тому же, корабельный ИИ на профилактике, мы давно друг друга знаем, — после этих слов он кивнул в сторону столика с пузатыми бутылками и уставился на меня, — Энеральд, не сиди, разливай.

Встав с места вместе со мной, интерес заставил задать вопрос: — Почему я?

— Потому что киборгам наливать опасно, да к тому же у тебя все равно наниты внутри, они напиток не дадут, а так, гляди, лишняя бутылка.

Дальнейшие свои действия я помню плохо, смутно.

...

— ...у меня такое постоянно. Сижу, бывало, у окна, смотрю на близлежащую жизнь и чувствую: мудрею. И поделать с собой ничего не могу. Мудрею, и всё тут!

— Мудрей, а коньячок не забывай!

...

Одно я знаю наверняка — ближе к ночи спиртное всё-таки закончилось. Вместо пары бутылок в кабинете будет спрятан целый ящик.

Снова ощущать себя я начал тогда, когда облокотился об стену где-то в коридорах корабля и услышал: — Товарищ Гаргонов, вы дверь откроете?

— Да... что-то я отвлекся просто, — ответил я и, пытаясь привести мозги в чувства, открыл дверь в хоромы Вейрона и вместе с Гнором, если честно, не до конца помню, кто это, положил сильно пьяного полковника на его кровать. Немного посидев и отдохнув, мы пошли за Веней.

Пришли, взяли, потащили, притащили. На последок была оставлена тушка Хэнка, благс его каюта рядом с моей.

— Ё-маё, — с трудом взгромоздив в месте со мной Хэнка на его постель, Гнор посмотрел на меня мутными глазами и сказал: — Энеральд, — он протянул мне руку, — было приятно с вами всеми поболтать, но я побежал к Насте.

Пожав руки мы распрощались, — заходите к нам в медпункт почаще, — напоследок сказал он.

С большим трудом справившись со всеми тушами, расфасовав все трупы по их

контейнерам, помахав вслед собутыльнику-помощнику, я, наконец, завалился к себе. Даже у киборгов после таких посиделок лютый отходняк.

Не знаю сколько часов мне удалось поспать, но выспаться мне не дали. Акула переросток ввалилась ко мне после обеда с атрофированным мозгом и вопросом: — Э, чё эт мы вчера делали такого, что я ни хрена не помню.

Не помнит он! Нормально, бля, я то все помню в деталях...

— Так это, как посидели? — Состроил максимально добродушные глазки бочонок с едким омбре без заглушки.

— Отлично, как ты помнишь. — Связвил я.

— Да чё ты драчишь меня? Лучше расскажи свою версию вчерашнего.

— Зови тогда остальных, — приказал я Хэнку и подумал: ”Чертовы Нагариани. Не выказывать почтение к начальству у них в крови. А наказать за это я или не могу, или не будет “эффекта”.

Глубоко вздохнув, зубастик отправился приводить в чувства остальных. Я, пока ждал их, задремал.

— Можно обратиться? — разбудил меня Джин.

— Можно Машку за ляшку, а у нас разрешите.

— Разрешите обратиться, — исправился он. В ответ я утвердительно моргнул.

— Почему мы у вас собрались? — облокотившись на стенку, встал напротив меня он.

Потому что идти куда-то мне природный магнетизм к постельке не давал. Пока сидится, надо лежать, — подумал я и, с усилием приведя себя в сидячее положение, сказал: — Потому что вещаю, если не хочешь слушать, можешь идти к Вейрону, он тебе всё напомним и припомним.

Уже с видимым раздражением я оглядел остальных. Хэнк сел рядом со мной на кровать, своим весом продавив её так, что мне пришлось отсесть на самый край, чтоб не скатываться. Веня попивал минералочку у двери.

Начнем, пожалуй, — сказал я сам себе.

— С начала, вы культурно сидели вместе с Вейроном.

— А да, эт я помню, ты нам наливал.

— Хэнк, сиди молча и не чавкай в ухо... Так вот, Сидели вы так до вечера, а потом одно чудо достало из под стола целый ящик спиртяги. Так понимаю после этого вам память и отшибло?

Все присутствующие дружно мне кивнули.

— Поняв, что столько бухла вы вчетвером не осилите, кто-то из вас предложил в меня влить ”немного”. Мол, какой порог передоза у киборга. Выяснили, что больше восьми бутылок не влить, места мало и я уже был почти в слюни. Еще бутылка и срубило бы.

Хорошо бы, если бы вы всё же добились этот фуфырь. А так...

Вы решили проапгрейдить меня. И мы впятером потащились к корабельному спецу по аугментациям и разным имплантатам. Долго добираться не пришлось, Вейрон знал куда идти.

Кабинет ничем особо не отличался от виденных ранее. Белоснежные стены, яркое освещение, угрожающего вида приборы и стенды с неведомыми инструментами. В центре стояла пара специализированных монструозных кресел, на одно из которых я, удобно устроившись, начал пускать слюни.

— На щепу, вставляй, — вывел из протрации резкий голос владельца белого халата,

всучивший мне шпекер от какого-то прибора. — Не заставляй ждать, вставляй, — грозно добавил он.

— В жопу? — ляпнул я первое, что пришло в голову.

С неестественно широкой улыбкой доктор кивнул. — Верно, в глаз.

После его слов я почувствовал, как что-то вошло мне в основание черепа.

— Транспозиция внутренних органов, интересно... — промямлил доктор и копнул поглубже. — Ого, — он явно не ожидал увидеть кого-то с моей “начинкой” и чуть ли прокричал: — А они знают кто ты? — От вопроса мои булки сжались, похоже, он догадался, что я не просто киборг, а скорее машина смерти. Всё что можно было улучшить без полной замены частей тела, у меня было значительно усилено. Следующей стадией, для меня, было бы переселение мозга в машину или переселение сознания в искусственно созданное биологическое тело на основе неведомой зверушки.

— Да знаем, давай быстрее, — сказал Хэнк.

К моему облегчению, моя группа поддержки начала терять терпение. Они знали про аугментации, но знать про то, что для меня киборг — это не простое прозвище, а мое нутро, они точно не должны. Хотя, Вейрон должен быть давно в курсе.

Доктор что-то сделал и я на мгновение потерял сознание, а когда открыл глаза, увидел, как из широких штанин тот достаёт прибор и начинает им перед моим носом вертеть.

— Ты чего в кресло вжался, не бойся, не больно. — “Успокоил” он меня.

А она, эта маленькая циркулярная пила, как зажужжит, как завибрирует, как подкрадетя ко мне со спины. А я мало того что пошевелиться не могу, так еще и зафиксирован ремешками.

Больно конечно не было, только вот, я кроме угашенного полковника, сидевшего напротив меня, и медсестры, которая кому-то строила глазки, больше оттуда ничего не вспомню. Да и не хочу.

Затем, когда я слегка оклемался, мы снова куда-то пошли, за кем-то вернее. А, точно, за робошпюхами.

Кое-как дошатаясь до места досуга, нам открылся весьма внушительный парк местных машин. Выбирали долго, все были просто иллюзорной красоты. Были и черненькие с натуральной кожей, и ослепительно белые с легкой краснотой спереди. И у всех, как на подбор, выразительнейшие голоса и хромированные бампера.

Фары пятого размера слепили, зад сиял, банки стояли, что еще надо?

— Так, а дальше то что? — Прервал мой рассказ Джин.

— Дальше очнулось тело, которые вы, Хэнк, и Веник, несли.

Оно, еле выдавливая из себя слова, видимо, сдерживая позывы, начало хрюкать и мямлить на командирском: — Вы че... Ни знайти хто я? А ну быы-ыр-ыстро нисити сюды всё самое лучшее, свежжжие. Аааа я буду... выбирать. — Разрядив желудок на пол и зарядив рукой Джину в лицо, оно снова отключилось.

Приказ был исполнен, нам дали всё самое лучшее. Лучше той пизды я на этом корабле ещё не получал. Выпнули нас со словами: — Это не ебальня для пехоты! — И в этот момент выяснилось, что Вейрон оставил свой мундир в кабинете, вместе со всеми опознавательными знаками.

Конечно, кто-то из вас попытался дать отпор обозревшим вышибалам... Получилось у него только со всей дури засадить кулаком в железную дверь.

— *Во бля.* А я-то думаю, — схватился за здоровую руку Хэнк.

Так или иначе, тогда наш голод по машинам было уже не унять.

Полчаса обивая пороги и получая нагоняй от местных верзил, мы не придумали ничего лучше, чем вскрыть их склад. Думать-гадать где он — не стали. Сразу поперлись всем составом обратно к кабинету Вейрона. Надо же было вспомнить большими мозгами, что у него там карта всего и вся была.

Немного поплутав, мы дошли.

На удивление, кабинет выглядел не так уж и плохо, был он немного грязноват и всюду лежали пустые бутылки. Одна початая стояла на столе, Хэнк быстро её осушил.

Карта же, естественно, оказалась нам не доступна. Нужны были отпечатки, голос и скан сетчатки полковника, благо один такой только что завалился на диван.

С отпечатками справились быстро, глаз тоже кое-как подтащили к сканеру. Вытащить же пару разборчивых слов с засадившего критическую массу младенца, сразу мы не смогли. Пришлось воспользоваться стимулятором.

Распотрошил аптечку и выудив нужный препарат, я сразу пациенту его всадил.

— Вы чего это тут со мной делаете? — Взревел оклемавшийся Вейрон.

— Доступ разрешен, — холодным голосом оповестила система.

— Ага. Вот, значит, где они их хранят, — проигнорировав вопрос, пальцем указал я на склад.

Каждый, вслед за мной, посчитал долгом подойти к карте и ткнуть пальцем в то место, которое я указал, попутно ехидно что-то прошептать и заозираться по сторонам.

— Громче, — начал Вейрон.

— Пошли быренько, — шепнул я.

— Громче, — зло повторил полковник.

— Будет исполнено, — мои бойцы так же тихо мне ответили.

— Громче.

— А, и еще... — Не успел я договорить, как мне прилетел смачный подзатыльник от Вейрона, создавая оглушительный хлопок от удара.

— Я... сказал... ГРОМЧЕ, — чуть ли не плюясь, сорвался он.

— КУДА ИДЕМ? ТУДА? — Взял свою указку и, чуть не продырявив подложку настенной карты, указал на склад с робошлюхами.

Мы синхронно кивнули.

— ЗА-А МНО-ОЙ, — продолжил орать, как иерихонская труба, полковник.

— Зря ты ему полный шприц вколол, — упрекнул меня приятный женский голос.

— ГРОМЧЕ!

— ТАК ТОЧНО. ЕСТЬ ГРОМЧЕ, — хором ответили мы и второй раз преодолел изнурительный извилистый путь. Ради того чтобы обнаружить, что склад располагается за массивными двустворчатыми пуленепробиваемыми самыми настоящими воротами.

— И ТАК, — полковник повернулся к нам, и призадумался, — РАЗНАРЯДКА БУДЕТ СЛЕДУЮЩАЯ-щей. ТЫ, В-Э-э...

— Вениамин.

— МОЛЧАТЬ. ВЕНИК БУДЕТ СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ. Ты, Толстый, ты, Тонкий, и т. вскрывайте. Энеральд, мальчик мой, проследи за ними, — дав отмашку, трубадур сполз по стене закатил глаза. — А ты чего встала? Вколи что-нибудь от головы.

С видом побитого жизнью инженера-взрывателя Джин смерил взглядом дверь и заключил: — Братцы, мы это чудо никогда не откроем.

— Бля... раз мешаешь, тогда предлагай, — чертыхнулся двухметровый слегка синий зубастый Нагарианин.

— Может тут другая дверь есть? Или склад, например.

— Голова Веня, голова, — мы поочередно потрепали мозговитого по плечу и принялись искать двери поменьше. К счастью, много времени это не заняло.

Найдя дверь поменьше, принялись вскрывать уже её.

В тишине открывать огромный амбарный замок было не по себе.

— Вы когда-нибудь бывали на планете Карнада? — начал Джин. — М? Хэнк?

— Ага, там ТАКУЮ снял, закачаешься. Не просто так Карнада — планета хоккеистов, проституток и неоновых улиц.

— Моя жена с Карнады! — Ожил Вейрон.

— ТОВАРИЩ ПОЛКОВНИК, ЗА КАКУЮ КОМАНДУ ОНА ИГРАЕТ?!

— Тише, не надо хором. И так голова болит, — полковник прикрыл глаза и начал массировать виски.

От греха подальше, продолжить вскрывать дверь решили молча.

— Только не говори, что вскрыли все-таки, — влез в рассказ Вениамин.

— Вскрыли, блять, вскрыли.

— И чё там было?

— Хэнк, тебе бы тактичности кроху.

Нагарианин ничего мне не ответил, а я продолжил снова прерванный рассказ.

Так вот.

Кто-то сказал: — Как по мне, одного выстрела на этот замок будет достаточно, но я не жадный, поэтому их будет пять.

— Выстрел? — метко подметил тонкий, ещё раз меня ПРЕРВАВ.

Попытался я вспомнить, у кого мог быть ствол, но не смог. — Там кто-то стрелял, это точно.

— Энеральд, ни у кого из нас нет ствола, — сказал Джин. — Даже у Вейрона. Отобрали при посадке.

— Тогда нас было шестеро, а может и семеро, но кто шестой?

— Я, кажется, знаю, Энеральд с каким-то хмырем тащил меня к себе.

— Не к себе, а к тебе, Хэнк. Но да, я тож что-то такое помню. На р звали, вроде. Ронг. Рорнг. А, этот... как его... Гнор.

Хорошо иметь, хоть и пьющего, но все же киборга, — начал подтрунивать Джин. — Только где этот, Гнор.

— Я вспомнил, я вспомнил, — вдруг заорал Хэнк и, резко попытавшись выбежать из моей каюты, ударился головой об косяк, и без сознания распластался в дверном проёме.

— Мда, не думал, что это скажу, но плохо когда размер моей двери чуть меньше двух метров. И как нам теперь стрелка искать?

Вениамин, как самый близкий к двери, склонился над тушкой, чтобы проверить, жива ли она вообще. Она оказалась жива, даже в сознании, и решила резко встать на ноги.

Хлесткий удар свалил с ног Веню, вместе с этим послышался душераздирающий хруст его носового хряща, и мою каюту оросила свежая кровушка и громкий слитный крик. Первый от боли, второй от неожиданности.

— О! Вот и кровавая баня подоспела, — пошутил я. — Да не орите вы так, живые же. Пойду аптечку возьму. А то моей не хватит.

Аккуратно переступив через раненных, закрыв дверь, от греха подальше, вдруг кто увидит, я вдруг вспомнил: — Кажется, он тоже пошел куда-то, в челнок вроде.

Снова распотрошив настенную аптечку, на этот раз за углом в тридцати шагах, я вдруг перестал слышать какие-либо возгласы. Подойдя ближе к своей каюте, так и не услышал знакомых приглушенных голосов.

— Эй, а вы чего притихли... — открыв дверь, никого не обнаружил, лишь небольшое пятно крови на полу и дорожку маленьких красных капель от двери. Делать нечего, побежал по этой самой дорожке. Бежать пришлось недолго, к тому же путь был до боли знаком, он вел к доктору.

Открыв дверь, я увидел, как в кресле сидит Веня, и его уже штопают.

— О, а мы хотели уже идти за тобой. Садись, — поприветствовал Джин и указал на свободных стул.

— Можешь уже не садиться, разве что только в знакомое тебе кресло... Я закончил. — Док снял перчатки, а затем всех нас выгнал, не забыв дать задание. Теперь нам нужно найти его помощницу, которую мы вчера, оказывается, захватили с собой.

Когда спец по аугментациям берется за обычную плоть, он становится на редкость раздражительным.

— А теперь идем к нашему челноку, — распорядился я и повёл всех за собой.

По пути, на всякий случай, мы решили посетить смотровую площадку. Она представляла собой панорамный обзорный полукупол, состоящий из множества прозрачных иллюминаторов. Это место изначально было предназначено для наблюдения за поверхностью планет, космическим пространством и работающими в открытом космосе людьми или техникой, но, со временем, стала использоваться как место отдыха, помогающее людям не сходить с ума.

Когда мы подошли поближе иллюминаторам, нам открывался удивительный вид на гигантский величественный материнский корабль Удуун Молак-1рен4. Навскидку, он был размером с небольшую планету, скрученную в бублик, в дырке от которого был синий кристалл не менее монструозного размера. Во все стороны от корабля тянулись бесчисленные вереницы мелких цветных точек. Крейсер Ир-1422 Экрон на его фоне был далеко не точной, но назвать его кем-то кроме букашки — я не мог.

— Мы же послезавтра должны были прилететь, — подметил странность Веня.

— Думаю да. — Продолжая созерцать махину, я с ним согласился.

— Э бля, вы че встали, пошли дальше. — Начал возмущаться Хэнк, — мы, ведь, почти пришли.

Веня, тяжело вздохнув, недовольно посмотрел на Хэнка, тот, заметив это, сказал: — Чё, мелочь захотела покататься на робошлюхах? Расскажешь потом мне сказку про свои похождения.

— Поцелуй меня в затылок, — парировала мелочь.

— Какой затылок?

— Ну дк, ты тоже издалека начал...

— Так блять, — остановил я зарождающийся конфликт, — молча идём куда шли.

— Это ещё не сказочка. Это лишь смазочка, — подкинул Джин.

— А ты! — тыркнул я пальцем в грудь Тонкому, — купи себе паяльник и запаяй хлебальник.

Прекратив созерцать километры пустоты, мы двинулись к десятку одинаковых шлюзов.

Подойдя к первому из них, моё внимание привлекли малозаметные царапины на полу, присмотревшись, мне стало понятно, что вокруг весть пол вдоль исцарапан, складывалось впечатление, что кого-то тащили. Я решил идти прямо по этим следам и вскоре увидел как они сворачивают к одному из челноков, шлюз которого приоткрыт. Недолго думая, я до открывал дверь и вошёл внутрь, кое-что вспомнив, пожалел, что не пошел тогда тоже с кем-нибудь “уединиться”.

Челнок внутри из себя представлял обычную прямоугольную комнату, скругленную к потолку. Два ряда простых одноместных кресел справа и слева. По центру был проход к органам управления и два навороченных кресла для этого самого управления, пройти вот только нельзя было к ним. Путь преградили два робота, сверху человекоподобные, но на четырёх ногах, видимо, они притащили и сложили в проход штабелями каких-то детей франкенштейна. И не ученого, а именно его лоскутного творения.

Напротив входа на импровизированном матрасе из одежды лежало два голых тела, с головой укрывшихся какой-то белой простыней, видимо из одного из вскрытых шкафчиков в задней части челнока.

Я подошел и пнул волосатую ногу, её хозяин что-то начал хрипеть и хрюкать, но всё же сел, поджав под себя ноги.

Полумертвое, ничего не понимающее лицо принадлежит Гнору. Выглядел он как черт, если отбросить это, то он особо не отличался от меня. Рядом с ним лежала и сопела пропавшая рыженькая медсестра. Рипера её нынешний вид вряд ли обрадует, надо обоих сначала в чувства привести.

К этому моменту, к нам ввалилась моя триада, и мы все смотрели на Гнора с одними и теми же вопросами.

— Че за пиздец в проходе в таких количествах валяется? — Наш амбал первым решил нарушить тишину. — Эт че, они нас вчера развлекали?

— Какие двери такие и робошлюхи, — начал пускать шпильку Джин.

— Не-не-не, я может и Нагарианин, для вас даже дикарь. Но вот Это делать не полену. Даже угашенный в ноль, растертый в пыль.

— Та-ак, может поэтому вы заставили меня из полуросликов сделать нормальных? — оживился Гнор.

— Заставили? — спросил я.

— Угу. Но вы мне помогали.

— Давай ка по порядку. — Собравшись с мыслями я продолжил: — Первое, вы что тут с Настей делаете? Вы же к себе пошли.

— Далеко было идти, — недвусмысленно подмигнул Гнор, — следующий вопрос?

— Что у тебя с рукой? — указал я на опухшую донельзя руку.

— Без понятия, — Гнор прикрыл простышкой прелести своей, уже очухавшейся, подруги, встал и начал одеваться, — может у продавца развлечений ударился, из-за вас, между прочим.

Отвернувшись, я заметил валяющийся на полу энерго-пистолет и взял его. — Ствол я пока у себя оставлю, — подобрал пустую кобуру, и, спрятав в неё пистолет, повесил всё это добро себе на пояс.

— Не забудь вернуть, а то сочту за неправомерный захват и задержу тебя.

— Я выше по званию. Или ты начальник местной охраны?

— Не будешь меня голенького рассматривать, может, ответу на твой вопрос.

Подняв с пола губную помаду, кинул её Насте, та с трудом поймала. Я, посмотрев Гнору прямо в глаза, сказал: — Мы пока выйдем, а вы оденьтесь. Быренько.

Глава 3

— Что Хэнки, — тонкий показал очевидно неприличный жест, как паровозик входит в тоннель, — детей любишь?

— С-с-сука! Рот еще раз откроешь...

— То что? — Вальяжно расхаживая перед его носом, перебил Джин.

— Закрою навсегда тебе! Его. Я.

— Хватит собачится, — рывкнул я на двух баранов, — как вообще мы смогли сделать из маленьких роботов целую робошлюху? Четырёхногую блять!

— Ножки оттяпать и притяпать к другой тушке. Делов-то. — Ответил на вопрос Вениамин.

— И чем мы их, по-твоему, оттяпали, а затем притяпали?

Немного подумав, Веня заключил: — Может, что-то другое было.

Мы не стали дальше думать-гадать, потому что один из нас точно знает, как это можно было сделать.

Подойдя к двери, отделяющей челнок и основной корабль, постучав и открыв её, я задал очевидный вопрос:

— Вы что это тут делаете?

— Я, как видишь, лечу его руку, — нежным голосом ответила Настя.

— А-а, так вот как это называется. Я то, грешным делом, подумал что, он тебя лапает, пока вы сидите на полу и лижитесь.

Хоть комбинезоны надели, синие, с длинной серебристой молнией, с глубоким декольте...

— Энеральд, заканчивай язвить и пожирающе смотреть, — оскалился Гнор.

Подойдя поближе, я указал на десяток кукол лежащих на пути к штурвалу. — А ты, Гнор, говори, что именно сделал с роботами.

Со стороны казалось что, я был готов спалить весь этот притон разврата.

— Собрал, настроил. Лучше погляди. — Слизав чужую помаду со своей губы вдруг заорал: — Внимание всем присутствующим, освободить проход, затем сесть на места!

— Всем, и нам тоже? — Тонкий, косясь на медсестру, подошёл ближе.

— Не, я просто без понятия как к ним обращаться, поэтому и общие фразы, на которые они должны откликнуться.

Все маленькие роботы одной большой кучей начали кататься по челноку, словно извивающийся шар из червей. Они, расползаясь в разные стороны и спотыкаясь друг об друга, достаточно быстро расселись по местам, заняв чуть больше половины всех доступных кресел, и неожиданно для нас выросли до размеров взрослых.

Да они в сложенном режиме были! — Хотел закричать я, но меня пробрало на смех, когда увидел, как четырёхногие роботы поджали под себя одну из пар ног и спокойно, как все, уселись.

Пока мы лицезрели картину маслом, крейсер, на котором мы все находились, начало трясти, сначала незаметно, затем еле осязаемо, а потом потрянуло так, что я ударился головой об потолок и на секунду забыл, где нахожусь. Артефакты в глазах неустанно твердили, что я

ещё не отошел в мир иной.

С трудом встав на ноги, я понял, что ничего не слышу, вокруг меня сидели или лежали одни только контуженные. Настя пыталась поднять их на ноги, хотя сама с трудом стояла, опираясь о стенку. Я же решил выйти из челнока и понять, что же произошло. Повсюду мелькали огни тревоги и, наверно, выла сирена.

Подбежав к смотровой площадке, я увидел как грозу галактики, гигантский материнский корабль, Удуун Молак -1рен4, что-то обволакивает. Не пропускающая свет, извивающаяся масса уже успела поглотить треть гигантского судна и начала подбираться к ядру. Когда она достигнет кристалла, за нами может прийти полный беленький, нет, даже жирнющий слепяще-белый писец.

Всепожирающая тьма постоянно испускает во все стороны мощнейшие лучи чистой энергии. Один из таких лучей нас и зацепил.

От появления угрозы до невозможности противостоять ей, прошли считанные минуты. Капитан крейсера не успел объявить боевую тревогу, как уже нужно было спасаться.

Вернувшись к челноку, я пошел к штурвалу, по пути скомандовал:

— Всем занять места, эвакуируемся.

За считанные секунды все сели в кресла и пристегнулись.

Челнок был рассчитан на двадцать человек. Нас, с учётом предположительных робошлюх, было восемнадцать.

На место второго пилота сел Веник.

— Ты умеешь им управлять? — сквозь звон в ушах я услышал, как мне орет в ухо сосед.

Ничего ему не ответив, я кивнул и дистанционно закрыл шлюз, отделяющий основной корабль и челнок. Запустил двигатели и заорал: — Отстыковываемся!

С помощью двух основных двигателей мы мигом отлетели на километр от крейсера, затем я начал раскрывать крылья. Четыре по диагонали, в точке пересечения которых, мы и находились. К несчастью, челнок мало приспособлен для длительного пребывания в космосе, всё же, его основной задачей была доставка персонала на или с планеты, но меня это не беспокоило, ведь мысль была одна: “Если сейчас же не убраться отсюда, нас разорвут на части обломки кораблей”.

Инициировав запуск дополнительных двигателей, часть которых находилась на крыльях, я ввел ближайшие координаты населенной зоны, за пределами текущей позиции, и приготовился к прыжку.

За секунду до того, как челнок должен был начать совершать прыжок, обломок корабля отрывает челноку два правых крыла. Крутясь юлой, мы попадаем в подпространство — Варп. Для нас это значить лишь одно — всё плохо, всё очень плохо. Неуправляемое судно может выбросить где угодно, поскольку координаты выхода становятся непредсказуемы.

Спустя несколько минут, мне с трудом удалось нас стабилизировать, но челнок постепенно начинал разваливаться. Времени больше не было, я решил выходить из подпространства, перед этим отключив все двигатели, если снова войдём в штопор — умрём.

Впереди оказалась лишь звездная бездна, тишина повсеместно никуда не спешит. Над нами звезды, под нами планета. Мы падаем словно метеор. Пока не поздно, чтобы выжить, я решил подкорректировать курс. К сине-зеленой планете спешат инопланетяне!

— Держитесь! — решил я отдать самый банальный, в такой ситуации, приказ.

Когда мой слух, наконец, начал приходить в норму, первое, что я услышал, были

системные звуки и оповещения, которые твердили о разгерметизации.

— Все, быстро в капсулы! — Встав из-за штурвала начал пробираться к отсеку с этими самыми капсулами.

В первую залезли Гнор и Настя. Во вторую толстый Хэнк и тонкий Джин. Я же, как капитан корабля, вместе с Веней, вторым пилотом, эвакуировался последним.

Впервые, за долгое время, мне стало страшно за свою шкуру. Когда за твоей спиной горы трупов, перестаешь ценить жизнь. Но эта жизнь всего однажды!

Падая в круглой капсуле, я мог через дверной иллюминатор наблюдать, как приближается земля, и как слева от меня молится Веня при тусклом свете “потолочной лампочки”. Не знаю, кого он там почитает, но мы не сможем выжить только благодаря его суевериям.

Достав из-под кресла полнолицевые маски, мы их сразу же надели. Вытащив оттуда же аптечку, я распотрошил её, у меня какой-то пунктик образуется на их счёт, но ничего больше не успел сделать, потому как нас сильно начало трясти, и все медикаменты разбросало по капсуле, до контакта с поверхностью оставались считанные секунды, мы вжались в кресла.

Упав камнем вниз, мы с грохотом приземлились в какое-то озерцо и начали тонуть. Иллюминаторы уже были погружены в воду. Всё вокруг нас бурлило.

— Почему мы не всплываем? — запаниковал Веня.

— Система ёбнулась! Надо вручную открыть капсулу и всплывать, — нащупав около двери рычаг, я взялся руками за него и приготовился открыть двухместный гроб. — Готов?

— Сваримся!

— Утонем!

Веник молча кивнул мне.

— Открываю! — Я со всей силы дернул рычаг, дверь пришла в движение, её механизмы с трудом справлялись с толщиной воды. Беспощадный мутный горячий поток пригвоздил нас к креслам.

Подождав пока капсула на две трети наполнится водой, мы начали выбираться.

Всплывать пришлось долго, водоворот затягивал в пучину. С большим трудом мы всё же добрались до поверхности озера, сильно обжёгшись и чуть ли не сварившись заживо. Осталось лишь доплыть до берега, который был в нескольких километрах, но у Вени совсем не осталось сил плыть, мне пришлось спасать нас обоих, пока сзади озеро всё шипело и бурлило, всё извергало пар и угрожающе кипело.

Добравшись до берега я, наконец, смог перевести дыхание и почувствовал, что, по какой-то причине, утратил связь с вторичным мозгом, отвечающим за мои кибернетические части тела.

— Хорошо, что на этой планете, тепленькая водичка и она похоже на воду, а не на хитвоыебаную кислоту. Да, сын Посейдона?

— Это да. Спасибо, — поблагодарив за спасение, Веня уставился на меня, — слушай, Энеральд, что у тебя с рукой?

Взглянув на свою правую руку, я понял, что мои боевые киберимпланты для ближнего боя вышли из строя — теперь можно было наблюдать, как из предплечья слегка выглядывает клинок.

Импланты рук, в простонародье называемые клинками богомола, состоят из двух основных лезвий и десяти позвонков. Позвонки частично заменяют лучевую кость, к позвонкам крепятся два клинка, в сложенном состоянии первый клинок входит в

специальную полость внутри второго, в разложенном же состоянии, два клинка, соединяясь, образуют меч длиной до метра.

Из-за своей подвижности позвонки могут превращаться в среднего размера кнут, с лезвием на конце. Пользователь получает возможность управлять позвонками, тем самым изменяя траекторию удара прямо на ходу. Первый позвонок, в таком случае, становится рукоятью и удерживается кистью владельца импланта. Второй клинок образует подобие наруча.

— А это, Веня, боевой имплант, — вручную сложив клинки, я подошел к ошарашенному бойцу.

— К-кто ты такой на самом деле? — Начал отползать он от меня, — боевой киборг, Да? И-и как давно?

— Кто я на самом деле, я предпочту не вспоминать. А что насчёт, давно ли, так с первого дня нашего знакомства. И я ничуть не изменился. Правда, на данный момент, я слабо отличаюсь от обычного человека. Мои импланты управляются через вторичных мозг, а этот самый мозг, после чуть ли не смертельного аттракциона, неисправен.

— А что насчет головного мозга? — Чуть подуспокоилась, Веня предпочёл сесть в позу лотоса.

— Со мной всё нормально, — начал успокаивать его я, — но, к сожалению, мне долго нужно учиться управлять аугментациями на прямую. Долго и опасно, слышал что-нибудь про кибер психоз и кибер психопатов? По глазам же вижу, слышал. Так вот, если я не смогу справиться с возросшей нагрузкой на мозг, я рискую его “спалить”. А дальше или смерть, или помешательство. Собственно поэтому существует вторичный искусственный мозг.

— А сейчас что?

— А сейчас даже клинки не могу убрать, не то, что орудовать ими. Может, лучше осмотримся? Допрашивать своего командира, после того как он тебя спас, такое себе дело, знаешь ли.

Солнце находилось в зените. Холодный легкий ветерок обдувал тело, не давая жару свалить нас. Приятный песочный пляж, на котором мы находились, был усеян следами различных существ. Видимо нас вынесло на водопой. В метрах пяти от кромки воды начинали расти восьмидесяти метровые деревья. Помесь джунглей с елью и сосной, но с огромными листьями как у лопуха переростка. Преобладал вид с какими-то небольшими орешками. Похоже, планета до космической эры, иначе нас бы или сбили, или уже бы нашли.

Еще раз осмотревшись, я заметил как в глубине чащи кто-то, периодически рыча, ревя и хрипя, к нам пробирается.

— Лучше отсюда свалить, не думаю, что местные аборигены будут нам рады. Вставай, говорю! — Вывел из прострации товарища.

Нащупав на поясе изъятый энергетический пистолет, я проверил его заряд.

— А пистоль-то больше не фурычит, саморазрядился при контакте с водой. А все остальное, что может нам помочь, на дне. Даже коммуникатор утоп.

— Может, в лесу спрячемся? — предложил Веня, — других альтернатив-то нет.

— Переплыть озеро? Но мы утонем скорее, больно большое и глубокое, а если та херь плавать умеет... Давай ка в лес.

Вручную вытащив левый клинок богомола, я, используя его как мачете, начал пробираться через не слишком густой лес. Следом, спотыкаясь, шел товарищ.

Через полчаса мы вышли на опушку, на которой было два существа отдаленно похожих на медведей. Двухметровая туша с коричнево-бежевой короткой шерстью, четыре длинные кривые лапы и, в довершении, чёрная сплюснутая морда с двумя выпирающими из верхней челюсти зубами.

— Энеральд, пойдём, пока не заметили, — согнувшись в три погибели, прошептал Веник.

Не успели мы сделать шаг, как два “медведя” рванули в нашу сторону. Путь назад тоже скоро должен был быть отрезан пробирающимся за нами третьим монстром. Долго не думая, решили бежать по кромке леса. Веня дал деру первым. Я же промедлил, разглядывая причудливых созданий.

Когда подбегут ближе, нужно будет петлять меж деревьев, хоть увеличу шанс на выживание, — подумал я, складывая мешающий клинок. Жаль не подумал о скорости зверюшек, потому как догонять стали быстро, зачем мы только им понадобились?

Количество деревьев вокруг постепенно увеличивалось, вскоре начался густой лес с одним единственным просветом, по которому мы и побежали.

Один из медведей дышал мне прямо в спину. Пару раз казалось, что он меня сейчас догонит, и я стану обедом для неведомых инопланетных зверьков.

— Река! — завопил впереди Веник.

В это время, я, пытаюсь не сбить дыхание и постоянно уворачиваясь от когтей и клыков, ничего не слышал, кроме пульсирующего звука собственного сердца в голове.

Чистая вода, каменистое дно, крутой берег и человек, сбивший другого человека, и вот уже два человека кубарем летят вниз со склона, на мелководье.

Приземляясь, рассадил руки о камни. — Ты че встал? Беги! — Я помог встать другу и толкнул его вперед.

Следом за нами из леса выпрыгивает один из медведей. Пролетев прямо над моей головой, он когтями обхватывает Вениамина и приготовливается откусить голову. Не успеваю сообразить, как следом почти трехметровый гуманоид с невероятно мускулистым телосложением и обожженной левой частью лица с повязкой на одном глазу, по всем признакам орк, одетый как бомж, коричневая набедренная повязка, больше походившая на изодранное платье, такого же цвета подобие кожаной майки без правой лямки. Он, не менее монструозной дубиной, превращает голову зверя в кровавое месиво с зубами. От удара Веня отлетает в сторону.

Не секунды не медля, я подхватываю пострадавшего товарища и затаскиваю нас за огромный валун. Затаившись, решаем переждать. Бежать дальше мы уже не в состоянии, я оголил оба клинка богомола.

После смерти первого “медведя” с одного удара дубины, второй попытался напасть на орка со спины. Монстр успел лишь поцарапать коричневую кожу, пока жертва его не перекинула через себя и не начала душить. Я слышал, как ломаются позвонки особо опасного зверя для нас и щенков для него.

Просканировав камень своим глазом, пальцем показал на мои клинки богомола, что-то буркнул, фыркнул. Со стороны могло показаться, что он разумен. Сильно высовываться из-за камня я не решился. Орк выдрал единственный сохранившейся клык первого монстра и оба у второго, положил в складку в одежде, закинул тушки на левое плечо, развернулся и пошел вверх по течению.

Не дождавшись, пока орк скроется за поворотом речушки, начал осматривать раны

Вени.

Три неглубоких горизонтальных пореза на руках, один на спине, скрытый под клетчатой рубашкой, из всех них не переставая сочилась кровь, сломанная правая нога, множество мелких ран от падения на камни и, по всей видимости, сломанное ребро.

Помогаю сесть Вене на более-менее ровное место и облокотиться об камень. Первым делом решаю остановить кровь на ноге, наложив жгут из рукавов своей рубахи выше и ниже перелома. Разорвав остатки рубашки, найдя более-менее ровную палку, притягиваю эту палку к ноге и начинаю обматывать раны на руках.

— Э-энеральд, похоже я это... Всё. — Через силу выдавливает слова бледное лицо, — ничего ниже головы не чувствую, — закатив глаза, покрывается мелкой рябью.

— Пессимист ты, Веня, всегда был им, и будешь. Слышишь? Будешь и дальше жить пессимистом.

Решаю осмотреть рану на спине. Чуть отодвинув друга от камня, вижу, что все вокруг сменило цвет на красных.

— Веник, ты... — медленно возвращая на место, смотрю в уже пустые глаза, щупаю пульс... Пульса нет.

От безысходности и обиды на самого себя, сижу рядом с товарищем. Также оперевшись на тот же камень.

— Отправляйся жить в лучший мир. В мир, где полно баб с пятым размером, где ты живешь в своем трехэтажном особняке с видом на море и вечно устраиваешь вечеринки с оргиями. Надеюсь, ты успеешь привыкнуть к такому образу жизни, потому как когда я приду, ты днями спать не будешь. Будет у нас гнездо разврата, походный бар, кальян с дурманом и всё что только захочешь.

До меня доносится звуки падающей гальки, не дающие продолжить монолог, подумать о смысле и подобной успокаивающей чепухе.

— И еще одна новая волна, меняются местами верха и низа.

Напоследок пожав руку холодеющему товарищу, покидаю берег реки уже в одиночку.

Отойдя метров на двести, слышу, как какие-то звери дерутся за труп.

— Не дружелюбная ты, однако, неизвестная планета. Могу сказать лишь одно: “Твоя история будет пестрить моими именами!”

Глава 4

Ближе к вечеру первого дня я решил развести костёр. Скорбеть по товарищам давно не могу, сколько сотен смертей повидал. Ну а слова, может он их слышал, может, нет, моя прощальная речь всегда примерно одна и та же.

Достав из кобуры энергетический пистолет, повертел его в руках. Ранее он автоматически, во избежание подгорания моей ляжки, саморазрядился при чрезмерном контакте с водой.

Умение ремонтировать лазерное, плазменное и импульсное оружие, предназначенное для космоса, я утратил вместе со всеми функциями вторичного мозга. Так что разряженный пистолет для меня был бесполезен, почти.

Пистолет внешне похож на револьвер, разве что барабан совершенно по-другому используется, да и в рукоятке, так сказать, патроны. Достал из рукоятки батарею, она похожа на обычный магазин, да и принцип работы схож. Осмотрел его и понял, что все же добыть искру из аккумуляторов нельзя, ученые с инженерами больно умные и осторожные, рвануть так просто боеприпасам не дадут, я мне мозгов не хватит чтоб использовать разрядившуюся батарею и, тем более, высечь искру. Я способен лишь превратить все в труху. Лучше оставлю все как есть, надеюсь, потом найду способ его зарядить.

А пока узнаем, работает ли способ первых людей добывать огонь.

Я мелко нарубил пару веток, из них получился неплохой трут. Сделал из дерева тонкую дощечку, проковырял в ней углубление для последующей установки деревянного сверла. Уложил все это на кусочек коры и, зажав руками, начал быстро вращать сверло в разные стороны.

Вращаю час, ничего, вращаю два, ничего. Я тебя, дерево ты сраное, всё равно умертвил, так дай же мне то, что я хочу!

С приходом ночи, я решил, что не так уж и плохо без костра. Сделал из пары огромных листьев сборщик для воды, много позже я догадался сложить лист капелькой, предварительно размягчив его, чтоб не сломался, и сделать из него импровизированный бурдюк, завязать горловину, обмотать куском ткани для прочности и повесить на ремень, к сожалению, рвался он очень часто. А пока что, положив крест-накрест ветки, а поверх них зелень, я облокотился об огромное дерево и попытался заснуть.

Жуткая ночь харкала потоками ливня. В шуме воды мне постоянно слышались чьи-то шаги. Мертвец все шептал строки из навязчивых мыслей.

Я перестал гонять мучительные думы о хищниках, главной угрозой моего выживания стали совсем не они. Мне было неизвестно где нахожусь, что можно из этих красиво выглядящих орешков, грибочков и ягодок есть, куда надо идти, чтобы выйти к доминирующей разумной расе, и как с ней подружиться, чтобы не очутится в канаве.

Утро встретило меня не только полным воды листом, но и мучительной головной болью, боль оказалась куда как опасней любых зверей встреченной мной. Мне казалось, что какой-то полоумный врач недоучка вскрывает мой череп, ножовкой делает пропил и ломом пытается отодрать мозг. Отодрать во всех возможных смыслах этого чёртового слова.

В лесу нечего делать без костра, поэтому я, выпучив глаза, яростно принялся добывать

огонь.

Руки стремительно начали покрываться мозолями, и, когда одна из наиболее больших лопнула, я закричал:

— О, Бог огня, дай мне сил! Подари частичку себя! — Вместо этого воды генерал дал мне по губам и с неба послал в атаку мокрых жалящих поганцев, и напомнил, что я давно ничего не ел. Пришлось с ним согласиться.

Меня обуял гнев. Я разбросал по округе собранные ветки и листья, но закричать не решился, к тому же ещё и всё тело ноет, кожа местами слезит от ожогов, да и вообще мне невероятно повезло остаться в живых.

Попив росы из листьев, я не решился испытывать удачу, пробуя на вкус тут и там проросшие непонятного вида и вырвиглазного цвета грибы.

Походив по округе, заметил на верхушке небольших, по меркам окружающего леса, деревьев орехи размером с пару пальцев. Я ничего не слышал о смертельно ядовитых орешках, поэтому вручную выпустив клинки из предплечья, начал взбираться по стволу. Кора, на удивление, оказалось очень мягкой, так что я не чувствовал как клинки входили в неё сантиметров на пять, пока не начинали вгрызаться в ствол. Кое-как добравшись до середины, я срубил ветку, на которой были орехи. Спрыгнув вниз, начал их открывать.

С трудом отодрав от ветки орех побольше, я замахнулся и хорошенько ударил прямо по центру.

— Бац, бац, сезам открылся, а там... — начал разговаривать сам с собой я. — Пусто... Бракованный видимо, — с моим предположением можно было согласиться, если бы был пуст лишь один, но не как не все.

Смириться с мыслью о сырых грибах во рту, было невообразимо сложно.

— Неизвестно далёко не будь ко мне жестоко, жестоко не будь, — тихонько напевал, пока взбирался на другие деревья и открывал несколько десятков орехов. Я ничего так в них и не нашёл. Ни водички, ни мякоти иль сердцевинки какой. Даже скорлупа не обладает чем-то, что можно было бы разгрызть зубами и сожрать. Просто полый камень, растущий на дереве.

Ничего не добившись, решил попробовать на вкус листья. Все же, люди — твари всеядные.

Поднеся Зеленого ко рту, смачно, с хрустом принялся жрать его. После новых ощущений и жжения во рту, я больше не пытался повторить этот фокус.

Мой внутренний крик подобен грому, не бейте, блять, по живому!..

А грибочки всё с прищуром смотрят на меня, и так сладенько шепчут, что я обормот...

И, в общем, правду говорят... Кто-то хочет над собою расправы, ведь поймать кого-нибудь мне не суждено. С каждой минутой всё сильнее подмывает посмотреть, что у грибов с начинкой, может быть, всего лишь согнусь в бублик на пару дней.

После новой бессонной ночи, я решил выбрать направление движения, ориентируясь по местному Солнцу. Утром я иду так, чтобы Солнце было слева, вечером, чтобы было с право. В полдень прячусь под кронами деревьев и пытаюсь добыть огонь. По идеи я должен идти или на местный север, или на юг. В пути я тщательно перебирал попавшиеся на глаза камни, надеясь найти среди них кремь.

Примерно так прошёл мой второй день. Ночью мне снова не спалось, какая-то птичья тварь, сидя высоко на дереве, орала, пока я тёр палки друг об друга.

К концу третьего дня бог огня всё сжалился и сделал меня своим адептом, к тому же

мне удалось убить нежащуюся на солнце змею, потом освежевать её и зажарить, её шкурку завязал вокруг ноги, так как не влезла в карман.

Ещё через день, опытным путём было выяснено, что живность не боится огня, а какая-то ящерица сама в меня плюнула чем-то очень горячим и шипящим, повезло, что не попала, а то бы вместо лесной подстилки меня бы поджарила.

На удивление, за все эти дни я не так часто встречал насекомых, думаю, что-то их приманивает и сжирает, или они входят в рацион каких-нибудь расплодившихся птиц.

Следующий день прошёл достаточно мирно. Я всего раз встретил местного зверя. Какой-то полутораметровый кот с длинной узкой мордой переходящей в подобие рога. Обойдя его за километр, продолжил путь.

С наступлением сумерек, я начал приготовления ко сну, но слишком сильно расслабился и позволил себе немного пошуметь. Как назло, на этот шум прибежала, уже известная мне киса.

Чудом заметив слабое не естественное покачивание кустов, встретился глазами с шуткой природы

— Тих-тих-тиха, — начал я успокаивать настороженную хищницу. — Я люблю кошек, а ты вон какая, давай мирно расстанемся? — в ответ кот скривил морду и рванул в мою сторону. Судорожно выпустив клинки богомола и слегка порезавшись, я готовлюсь дать отпор, но неожиданно для меня кот прыгает на дерево и начинает перемещаться по верхам, стало сложно уследить за ней, и в этот момент она, выпустив когти, прыгает прямо на меня. Я насаживаю её на левый клинок, она меня на рог. Не успеваю прочувствовать боль, как отрубая ей голову правым клинком.

— Говорил же, блять, — прокряхтел я, через силу давя лыбу, и медленно начал вытаскивать рог из своей груди, повезло, что он мягкий и не глубоко вошёл. Отвязав грубо снятую чешуйчатую кожу и отрезав кусок штанины, я перевязал всем этим добром грудь.

Никуда не отходя, уже проверенным способом с разными мразными выражениями развёл костёр и принялся свежевать и жарить новую добычу, в этот раз уже не было ощущения кастрации.

Наевшись от пуза жесткого мяса, всё же жертва бегала по лесам и на ферме никогда не бывала, я попробовал помедитировать. Неожиданно это помогло, медитация притупляла сводящую с ума головную боль. Иногда я стал засыпать подобным образом и неизменно видеть один и тот же сон, как я пытаюсь поднять рычаг переключения нанитов. Мол, поднимешь, сможешь научиться управлять аугментациями.

Примерно на двадцать четвёртый день пути, мне на пути попалось дерево похожее на плакучую иву. В высоту метров десять с многочисленными голубоватыми цветками на длинных ветках, которые спокойно доставали до самой земли и полностью скрывали ствол дерева, образуя внутри полость.

Вся земля вокруг устлана синим ковром, воздух пропитан нежным сладковатым ароматом. Без малейших колебаний я захотел сделать это дерево своим временным домом.

Тщательно разведав окрестности, ничего нового не увидел, разве что в лесу великанов стали чаще попадаться открытые места, да и сам лес как-то измельчал.

Бережно отодвинув ветки плакучей ивы, я увидел все те же красивые цветочки на земле и не примечательные серые грибы у самых корней.

— Кошатишка давно закончилась, — начал вслух рассуждать я, — мелкую живность руками хер поймаешь, змей давно не попадалось, на кого-то большого охотится слишком

опасно. Ловушки делать слишком долго, ждать пока кто-то попадетсЯ ещё дольше. Вот ничего не остаётся кроме, как зажарить и съесть представителя шляпников. Я ведь прав? — обратился к грибам, и, помявшись минуту, начал разводить костёр приговаривая: — Серые, значит больше шансов на то, что съедобные? Если что, надеюсь, наниты помогут вывести токсины.

Расчистив небольшое место недалеко от ивы, разжег небольшой костер так, чтобы случайно не спалить новый дом. От греха подальше, дополнительно обкопал костер по периметру.

Сорвав пару небольших грибов и насадив на заострённые палочки, я принялся их жарить. Подождал, пока шляпки покроются коркой и брезгливо снял пробу.

Пожевав и распробовав, заключил: — Гриб, как гриб, — и продолжил трапезу. Во избежание неприятностей, решил остановиться на четырех грибочках.

Ненасытная утроба хотела поглотить куда больше представителей шляпников, но сделавший петлю из души инстинкт самосохранения попытался её задушить.

— Таковую трапезу надо запить, — решил я и осушил изрядно потрепанный бурдюк.

Заготовив еду для огня, расставив повсюду водосборники из листьев, пару часов помедитировал и приготовился ко сну. Расположился аккурат под ивой, где из-за цветочного ковра было сухо и мягко. Часть веток раздвинул так, чтобы свет от костра попадал внутрь. Спалось сладко и без задних ног. Иногда мне казалось, что моя головная боль отступает.

Ранним дождливым утром, сидя под ивой, я принялся за сооружение ловушек. Самыми простыми, эффективными и быстрыми в производстве, на первый взгляд, были силки, но материала достаточной прочности и гибкости для изготовления петель у меня пока нет.

Мне бы ещё частокол вокруг ивы соорудить. И накопать волчьих ям. И копей бы штук десять. Метать их попробую.

Два дня потребовалось, чтобы смастерить нормальную лопату. Вытесанная из цельного куска ствола, сучка и ветки от него же, она стала незаменимым помощником в изменении ландшафта, я делал его опаснее для всех, кроме себя, разумеется.

Для начала потребовалось вырыть яму глубиной в полметра, туда были установлены заострённые колья, соорудить крышу не отличимую от окружающей подстилки леса и ждать.

Может через месяц другой чуйка какого-нибудь животного подведет, и он насадится на колья. Таких ям я накопал три, на больше сил не хватило. Они служили скорее для обороны, чем для охоты, ведь располагались не так далеко от ивы.

С приходом нового дня, я решил наделать ступ. Ловушка идеально подходит для ловли не очень крупных птиц, при этом чаще всего птица добывается живьем. Для меня было самое главное то, что её можно просто и быстро изготовить. Представляла она из себя корзину, сужающуюся ко дну. Мне даже можно не делать ступу заранее. Достаточно вбить колышки в землю, сформировав ловушку прямо на месте.

Сверху корзины устанавливаю жердь или специальную площадку, или вороток с приманкой, с ягодами, которые я стараюсь есть. Пока устанавливал ступы, мне на глаза попадались высокие пни.

— Хм, не лезь на рожон, да? — сразу вспомнилась дикая ухмылка моего деда.

— Эх, старые фильмы, множество специфических знаний. Спасибо вам за уроки, ныне почившего, слесарного дела и охотничьего промысла, — мысленно отправил я подарки в глубины космоса в неизвестные известные дали.

Все попадавшиеся мне на глаза высокие пни стали смертельными капканами на мелких

животных, например, местных лисиц. Я расщеплял верхушку пня, делая из него специальный капкан-трезубец, который называется рожон. Такие рожны позже нужно будет снабдить приманкой, чтобы животинка прыгала и попадала лапами в щели, и застревала.

Я заново изобрёл ещё пять видов ловушек. Большинство из них были разновидностями слопца. Эта ловушка состоит из нескольких бревен, один конец которых упирается в землю, а другой подпирается таким образом, чтобы, когда дичь подходит под бревно, второе падает и раздавливает жертву. Как именно подпирать и закреплять бревна я не знал, поэтому немного поэкспериментировал. Срубить деревья было той еще проблемой, хоть и выбирал небольшие.

— Нужно не забыть про самоловы... — прошептал я сам для себя. — Как найду материалы, может быть, вспомню про кучу подвешенных крючков.

Далеко не всегда получалось ставить ловушки на звериных тропах. Я как плохой охотник решил брать количеством, использую различную приманку: ягоды, шишки, грибы и листья с верхушки деревьев. Хорошие куски мяса я зажал, но внутренности обильно украсили лес.

На сооружение минного поля ушли все мои силы, но оно того стоило.

В один из вечеров, меня навестил уже знакомый воды генерал, и пошёл дождь без всяких видимых причин. И шел он четыре недели. Я узнал все виды дождя. Мелкий жалящий дождь. Старый и жирный дождь. Дождь, льющийся с боку. Когда земля представляла собой болото, я смог почувствовать, что такое дождь из-под земли. Дождь даже по ночам не спал и что-то нашептывал.

А потом дождь ушёл так же быстро, как и пришёл, но каждые несколько дней небо снова начинало гневаться, и генерал спускался ко мне со словами: “И не забывай, блядь, страдать! Потом воздастся”.

Мы втроем, к нам ещё частенько заглядывал Бог огня, приятно и много общались, помню, как вода залила под иву, и мы все вычерпывали её недавно изготовленной деревянной посудой. В один из таких дней, я, крутя в руках отсоединенный правый клинок, с помощью которого занимался резьбой по дереву, я у них спросил: — Может из ивы получится добыть сок, как из березы?

Полая палка и затычка. Этого было вполне достаточно чтобы проверить. Я проковырял дырку в иве и вставил в нее “кран”, чуть ниже прикрепил деревянную тарелку, чтобы весь сок стекал в нее.

За день можно набрать белой воды на целый гранёный стакан.

Я, для начала, решил поэкспериментировать с густой, вязкой с бальзамический ароматом жидкостью.

Выяснилось, что при кипячении на её поверхности выделяется воск, он в будущем пойдёт на изготовление свечей и жевательной резинки. Также она хорошо смешивается с водой, при этом, не сворачиваясь, на вкус — сладковата.

— Интересно, что ты за дерево такое, по виду ива, а по соку молочное дерево галактодендрон. Может ты к тому же съедобная? — странные мысли начали преследовать меня, но после употребления молочка, я ощутил на себе побочный эффект — эйфория. Закусить решил корой.

— От ивовой коры нет болезни головы. Чай, не химия какая. Чай, природные дары!

Так я подсел на сок молочной ивы.

Глава 5. Любишь медок — люби и холодок

Глава 5. Любишь медок — люби и холодок...

После налаживания какого-никакого, но стабильного притока воды, мяса, шкур и перьев, я обезопасил местность вокруг молочной ивы, нарыл волчьих ям, навтыкал везде кольев и наплёл верёвки из коры молодых деревьев. Смастерил простенькие солнечные часы, две палки воткнутые в землю, образующие прямоугольный треугольник. Полезность палочек сводилась к пониманию времени захода солнца. Удалось подсчитать продолжительность суток, получилось почти двадцать девять часов, принял за тридцать.

Для защиты на ближней дистанции я использовал левый клинок богомола, разобрал и вытащив из предплечья правый, я сделал копье-меч похожее на глефу и назвал его Гуань дао, не пропадать же такому имени генерала всех оружий, может потом нацеплю вымпел на него какой или хоругвь, и стану императором с гаремом.

— Что ты смотришь на меня? Да-да, знаю, нацепил твою башку на палку и теперь сижу болтаю сам с собой. А вот нехер было нападать на меня ночью близ моего же дома, ты же сам насадился на мои колья. Скажи спасибо, что я из-за своего врожденного благородства тебя добил.

Обхватив руками трофей, сказал: — Давай, леопардик, открой ротик... — Спа-сибо, — продолжил я гладить одной рукой отрубленную голову, а второй жарить мясо моего слушателя.

— Ты, к тому же жесткий, невкусный, как и вся дичь до тебя, — засокрушался я. — Хотя неееет, змейки ничего так.

— Кхм. Так вот, жертва, слушай дальше.

Потребность в оружии дальнего боя я решил с помощью дротиков.

Длинные, около двух метров, и легкие, не больше трети килграмма, метательные копья обеспечивали максимальные дальность и точность броска, для увеличения характеристик я часто использовал их с копьеметалкой.

Одно дело, когда я кидаю рукой, которая задаёт поворот копья, и оно будет обязательно кувыркаться, и совсем другое дело, когда копьеметалка зацепляется за кончик копья и метает ровненько туда, куда нужно. Осталось только наловчиться. К тому же, копьеметалка удлиняет руку, и сила броска тоже увеличивается, а это очень важно, ведь нужно не только палку добросить, чтобы она стукнула кому-то по спине, но и чтобы жертва была пробита насквозь и окочурилась, ради мяска на костре.

У такого рода метательных копий был существенный недостаток — плохая пробиваемость, поэтому я носил с собой и легкие и тяжелые. Первый вид я способен кинуть почти на сорок шагов, второй, лишь на двадцать пять. На охоте приходилось выбирать между дальностью и пробитием. Я даже сделал сумку для копий, в нее с удобством помещалось по два легких и тяжелых копья.

Интересно, я прав, или мои суждения о пробиваемости — полная чушь? Так или иначе, мне спокойней использовать два вида копий, разнообразие помогло мне обрести душевное спокойствие. К тому же, хер сделаешь одинаковые копья.

Провозившись с разделкой, неожиданно прилетевшей в мои руки туши, и проговорив с ней же, я лег спать ближе к рассвету.

— К-ши-щц, — в полдень разбудило меня шипение у уха. Это был Тугарин. Мой домашний питомец, мордovorот, каких непросто найти.

Полметра бурой шерсти с ехидным видом взирало на меня и требовало жрать. Лично мне зверек напоминал гоблина. Только необычно преданного и умного, и прожорливого. И с мягкой пушистой шерсткой, как будто кто-то постоянно наводит лоск.

А ведь где-то бегаёт его брат, Алеша, которого я при первой встрече чуть не убил. Тогда меня чуть самого медведь не убил.

Помнится, медведь долго ходил за мной. Он всегда был рядом. Вернее, не он сам, а его следы, то тут, то там, размером с дно от пятилитровой банки. И каждый раз — свежие. Собравшись с духом, я решил: надо убивать. Убивать так, чтобы потом можно было снять его шкуру и сделать себе красивый тёплый плащ. А то здешние ночи, последнее время, бывают весьма холодными. Но мечтать о роскошной одежде одно, а тут другое.

Я взял за правило каждый день делать петлю вокруг молочной ивы, прежде чем куда-то идти. Через две недели, лёжка прямо напротив входа.

Тогда я не знал, кто открыл охоту на меня. Сперва начал изучать повадки зверя, как он за мной ходит, как примерно выглядит.

Прикинув язык к носу, понял, что есть несколько мест, где он, если идёт за мной по одной дорожке, должен быть виден с другой. К примеру, я сперва прохожу вполсклона, а потом под гребнем. И с этой тропы под гребнем должен видеть тропу вполсклона. Но ведь это всё время ходить надо, а с каждым днем ходить всё страшней. И так уже один раз чуть медведи не убили. А Веню таки достали.

Следующие несколько дней я потратил на приготовления, попытался даже сделать щит, но ничего особо путного не вышло, тогда решил просто подготовить ловушку. Яму, да побольше, в нее загнать жертву, а потом сверху накинута и клинком богомола, вместе с Гуань Дао, умертвить.

Урон, который я при этом получу, меня не особо волновал, так как, к тому времени, я уже полностью освоил прямой контроль большинства основных аугментаций, а самое главное — наниты. С их помощью я чуть ли не бессмертный. Потеря крови — плевать. Разорванная кожа и мягкие ткани — плавать, если не тронута пузо, а его я защитил с помощью подкожной брони из нанитов и закрыл толстенным нагрудником из кожи и местного особо прочного дерева. В теории, даже если мне оторвут руку, сделав всё сразу, то смогу прирастить конечность обратно. Самое же главное — это не потерять сознание, потерю — не смогу поддерживать функциональность нанитов, а значит, я труп.

С новым днём, сперва решил расширить уже имеющуюся волчью яму, но вырыть достаточного объема западню мне оказалось не по силам. Зажать огромную тушу между сваленных деревьев и камней — рискованно. Поэтому думал о том, чтобы сделать решетку из палок, на нее насадить множество кольев, повесить за какой-нибудь сук и положить под ловушку приманку. Сотни острых деревяшек в теле должны дать мне время на его убийство.

Сделав петлю вокруг молочной ивы, после полудня я решил пойти присмотреть подходящее место, через час поисков, недалеко от себя, услышал хруст костей и увидел шевеление кустов. Молниеносное решение — бежать, бежать по направлению к лагерю, по пути есть достаточно открытая местность, свободная от деревьев и сучков. Не хочу чтобы трагедия случилась со мной, а не со зверем.

Я показал хищнику свой страх, одновременно спрятав за собой Гуань Дао, чтоб воспользоваться им в нужный момент. Медведь не должен его видеть ни в коем случае,

иначе я его могу спугнуть.

Выбежав на открытое пространство, я обернулся, шагах в двадцати был ОН. Я сжал покрепче Гуань Дао, на данный момент исполнявшего роль рогатины.

Огромная черная туша быстро сократила расстояние между нами и бросилась прямо на меня. Я, уже опытный охотник, встал в стойку. Типичная стойка боксера с левой ногой впереди, обе руки на глефе, глефа слегка отодвинута назад за правый бок. Чуть пригнувшись и мысленно перекрестившись, тщательно прицелился под лопатку.

Медведь стремительно заходил по дуге и рассчитывал наброситься на меня сбоку.

Как только зверь зашел в зону поражения, я, что есть мочи, вонзил Гуань Дао по черенок. Уперев в землю застрявшую глефу, увидел прямо перед носом сплюснутую, с двумя огромными зубами, выпирающими из верхней челюсти, пасть. Самая настоящая бездна разверзлась, ещё чуть-чуть, и я стану частью её смердящего дыхания.

Инстинкты взяли надо мной контроль. Мозг отказывался думать, он способен лишь действовать. Подставляю левую руку под челюсть, клинком разрезая оппоненту щеки, правой же молниеносно выхватываю костяной нож и ударяю зверю в ухо. Обработанная кость, висевшая у меня на ремне и используемая для разделки мелкой живности, не могла нанести серьезный урон, но сильная боль хорошо отвлекает.

Черный, как смоль, монстр, отпустив мою руку, взревел. В этот же момент клинок богomoла надрезал ему горло, запузырилась кровь и потекла вниз, унося за собой жизнь. Могучий зверь мигом встал на задние ноги, развел лапы и, утробно рыкнув, обрушился подобно колоссу.

Глухой удар грузной туши об землю был настолько силен, что чувствовалось как земля ходит под ногами. Да и сами ноги уже плохо меня слушаются. Я, не отрывая глаз, спиной вперед отбежал от зверя, схватился за копьё трясущимися руками, и тут же его метнул. Взялся за другое копьё.

Зверь лежал прямо передо мной, захлебываясь в собственной крови. Быстро таявшие силы не давали ему подняться и продолжить бой. Глефа застрявшая подмышкой лишь ускоряла потерю крови.

Решиться и подойти, чтобы добить его, я не смог. До самой ночи сидел в метрах десяти и ждал, пока он окончательно испустит дух, охолодев. Мне очень не хотелось чтобы, когда я приближусь, он захватил меня с собой на тот свет.

С первыми лучами солнца, я, залатав раны, надеюсь, что наниты и живой металл справятся с почти отгрызенной левой рукой. Потыкав палкой в бездыханное тело хозяина леса, начал думать, что с ним делать.

Для начала решил вытащить копьё. Гуань Дао застряло так, что пришлось его вырезать. Попутно осмотрел шкуру, больше похожей на кору...

А в ней копошение... Бесчисленные народы, задолго до меня, поделили шкуру медведя, сильнейшие армии, сталкиваясь в битвах за пылинку на куче грязи, оставили незаживающие раны. Маленькая цивилизация, для которой этот медведь бы домом, вот-вот прекратит свое существование. И перстень существа, значительно меньше погибшего мира, последний раз нарушает покой. Больше не будут расступаться облака, больше не будет мир содрогаться, больше не будет земля питать маленькую рать, потому как мир начал исчезать. Скоро его душа обретет призрачность.

Вытащив глефу, почувствовал, как смрад тысячи видов нечистот сжимает ноздри, похоже, так пах жир. Отрубив голову, вырвав клыки и когти, оставив тушу на полянке, пошел

домой. Никогда не думал, что что-то может так смердить. В первый раз побрезговал добычей. Плакал мой теплый плащ.

— Ха, — насадив голову на копьё, глядя прямо в умершие глаза, понял одну вещь. Он же раньше не встречал людей, та и здешние медведи не знают что такое рогатина, — хер бы ты человека с глефой-рогатинной испугался, а вот местные леопарды и пантеры уже за километр меня обходят. Понимают, кто в лесу хозяин.

Вернувшись в лагерь, услышал, как кто-то копошится за разделочным пнем-столом. Приготовившись к новому бою, подойдя ближе, заглянул за него и увидел, как два бурых маленьких существа, чем-то схожими с обезьянами, обглаживают недоеденное мной мясо с костей, тем самым избавляя меня от необходимости утилизировать остатки пищи. Меньше гнилого мяса — меньше вони. Так началось мое сотрудничество с Тугариным и Алешей. Двумя прожорливыми хищниками. От меня получившие прозвище — прихвостни.

Хорошо выспавшись, позлорадствовав над леопардиком, дождавшись спада жары, пошел осматривать дальние ловушки, пока шёл, поймал себя на мысли, что несколько месяцев назад, когда была битва с медведем, было не так жарко как сейчас.

За год проживания в лесу я, хоть и стал невероятно опасным, но лишний раз в бой не лез. Предпочитал выждать, наставить ловушек и безучастно убить. Так я "обезопасил" примерно сотню квадратных километров вокруг ивы. Также настроил временных убежищ. Мало ли в какую историю вляпаюсь.

Дойдя до границы "моего" леса, и подходя к последним ловушкам, увидел, как на одной из них, а именно на рогатине, висит змея и жрет кого-то. Начал подходить чуть ближе, чтобы её рассмотреть. Хвост у нее был похож на хвост гремучей змеи, серые оттенки и коричневые пятна на шкуре. Я достал легкое копьё и приготовился метнуть его. И тут она поворачивает свою окровавленную голову в мою сторону, расправляет огромный коричневый капюшон и начинает рычать. **РЫЧАТЬ, БЛЯТЬ!**

С перепугу промазал копьём, попал прямо в пень, на котором она сидела. Змеюка никак не реагировала, всё также продолжала пялиться и рычать.

У меня осталось три попытки убить издали.

Спокойно взял второе копьё, прицелился и бросил. Попал в капюшон, тем самым пригвоздив гадину ко пню.

Охренев от такого исхода, она, оторвав часть капюшона, прыгнула в мою сторону, но извиваясь, упала на землю. Я, на всякий случай, отпрыгнул и достал Гуань Дао. Чуть очухавшись, глист начал уползать от меня в кусты.

— Куда блять! — Завопил я и, подбежав поближе, нанёс стремительный и точный удар.

Тихий булькающий звук оповестил о преждевременной кончине. Голова покатилась в небольшое углубление в лесной подстилке. Тело начало извиваться, кровь брызгала во все стороны, пачкая мне ноги. Кровавое, но быстрое убийство.

Пока ждал, когда добыча перестанет жига-дрыгаться, сходил за копьёми. Одно застряло в отверстии от сучка, да так, что его теперь не вытащить, второе, прибыв капюшон, содрал кору и оголив древесину, расщепилось. Смирившись с потерей копий, сложил змеюку в спираль, уж больно длинная была, метра два, повесил на поясной крюк из кости рядом с небольшой пестрой птицей. Куски какой-то лисицы так и оставил на рогатине.

— Проверить осталось пару мест и можно идти назад. Ощипать пташку, закинутся молочком "антиголовная боль" ивового производства, попробовать новую партию лёгкой

алкашки из ягод. Вечер обещает быть быстрым, кайфовым, но не запоминающимся. Как всегда... Как всегда. — Привычные разговоры самим с собой прервал резкий пронзительный звук, — кто-то вдалеке гавкает, что ли, — стал прислушиваться я. — И кто-то визжит. Да, определенно, гавкают и визжат. Гавкают местные шавки, а визжит кто? Хм... Не свиньи же.

Интерес и головка, именно головка, не голова, заставили идти на звук. А её подруга, жопа, все кричала: ВСЕГДА ЖИВИ ПОД ДЕВИЗОМ — ГОТОВЬСЯ К СЮРПРИЗАМ.

Подойдя вплотную к приближающемуся источнику звука, забрался на небольшой холм и спрятался за поваленным деревом, не хочется понапрасну рисковать. В сумерках меня вряд ли кто-то увидит.

Крик и лай постепенно усиливались, и, вскоре, я увидел, как две женщины и один мужчина убегают от стаи собак-мутантов. Коричневый окрас, длиннющая шея, сильно вытянутая морда и хвост в черно-белую полоску. Уж не знаю, какой отбитый на все яйца местный академик Павлов их там так наскрещивал.

Не прошло и пяти секунд с тех пор, как я заметил мужика, а он уже был мёртв. Одна из собак вгрызлась между ног, в это время вторая вцепилась в шею и перекусила её. Увидев это, женщина лет под сорок что-то крикнула второй, помоложе, остановилась и смиренно со стеклянным взглядом стала дожидаться смерти. Девушка, вся в слезах, закрыв рот руками, бежит в мою сторону. За ней твари.

— Ну здравствуйте призраки завтра, — тяжело вздохнув, начал собираться с мыслями.

Подождав, пока девушка добежит до меня, хватаю её за шкуру и бросаю на землю прямо за деревом, чтобы не отсвечивала, а то её загрызут. В это время беру Гуань Дао и отсекаю обе передние ноги следовавшей по пятам шавки, клинком богомола дырявлю череп. За год я научился управлять клинком силой мысли. Быстро раскрыть, ударить, скрыть. Сожрать, похоронить. В душе я ассасин-пожиратель.

Следом улетает на тот свет вторая псина, с дыркой в горле от клинка. Третья оказалась порасторопней и даже укусила меня за правое предплечье, к глубокому сожалению для неё, правое предплечье — это аугментация. Прокусить можно кожу и задеть мягкие ткани, но не более, оторвать мне руку, этот зверь неспособен.

Правое ухо. Мозг. Левый глаз. Клинок прошёл насквозь. Третий труп. Три быстрые смерти, ни единого визга. Впереди своего часа ждут остальные моих жертвы.

Женщина умерла быстро, не мучаясь, собака играючи снесла ей голову и теперь тащит за ногу куда-то. От мужика уже мало что осталось.

Поняв, что незаметно подобраться я не смогу. Достая тяжелое копьё. Два лёгкий пришли в негодность после моих попыток убить змею издалека. До псины шагов тридцать. Беру копьёметалку, целюсь и бросаю. Копьё чиркает по ноге зверюшки. Остатки стаи обращают на меня внимание. Теперь я один против трёх монстров. Не так уж и плохо, да?

Втыкаю последнее копьё чуть правее себя, чтобы не мешалось за спиной. Убираю левый клинок. Становлюсь в боевую стойку и, чуть согнув руки, крепче хватаю Гуань Дао.

Стая ведет себя, как единый организм. Две собаки медленно заходят с флангов. В это время та, которая по центру, отвлекает меня. То подбежит ко мне и облает, то скалясь и рыча, отступит.

Ждать, когда ко мне зайдут в спину я не стал. Начал понемногу отходить влево, не отводя глаза от центра. И когда расстояние между мной и больно умным крокодилком стало критическим, шавка, решив что не заметили, прыгает на меня, я молниеносно поворачиваюсь и располавливаю её глефой.

Две оставшиеся животины тут же кинулись на меня. Обратная сторона глефы ударяет в грудь одной, та, взвизгнув, падает на землю, другая же получает клинок богомола в свою длинную шею.

Чудом выживший монстр, безумно оглядевшись по сторонам, дает деру. Но как бежать без задних ног?

— Хэ. Никак, да? Пизда тебе зубастик ёбаный, — уже привычным движением пронзак живот и, наслаждаясь визгами, начинаю крутить глефу, наматывая кишки.

Выбив клыки на память, отрезав хвост, оставляю труп в покое. Хвостик мне приглянулся, собрав все шесть, вспоминаю про девушку. Она, спрятавшись за поваленным деревом, закрыв рот руками, стараясь не дышать и не двигаться, смотрела на бойню и сбор трофеев.

Когда мы с ней встретились взглядом, её затрясло.

Убираю глефу за спину, запихиваю хвостики в саморучно сделанный из шкур поясной мешок и начинаю медленно подходить к насмерть перепуганной барышне, та, в свою очередь, падает на землю и начинает медленно отползать.

В отражении её голубых глаз я видел, как к ней подходит некто длинноволосый, длиннобородый, одетый в шкуры невиданных зверей, с ног до головы в кровищи, с костяными ножами на поясе. Там же смотанная змея и пёстрая птица, из глаза которой торчит заостренное ребро, исполняющее роль крюка. Одним словом — людоед.

Я решил не подходить слишком близко, поправив плащ из шкуры местных пантер, сел на поваленное дерево и, помахав рукой, поприветствовал.

Стройная красивая девушка с темно-фиолетовой кожей, с длинными черными волосами, в изодранном изумрудном платье, сквозь дырки которого виден бюст размера так эдак третьего, весь в мелких ссадинах.

А напротив сидит дикарь в шкурах и с трупами. Хорошо, что я не краснокожий, она бы тогда сразу самовыпилилась.

Неловкие попытки познакомиться, нарушили непонятные голоса позади меня.

— Видимо хозяева зверушек пожаловали. Ты сиди здесь, а я посмотрю, сколько их там и кто они, — пальцем приказал девушке сидеть, а сам пошел за оставленным копьём, попутно размышляя о том, почему я всегда что-то говорю вслух. С ума начал сходить?

Взял копьё, бесшумно направился к дереву, чтобы спрятаться за ним. Через пару минут на место бойни вышли два легко одетых черномазых полурослика с факелами и плетками. Хоть и были уже сумерки, но я прекрасно видел, может быть, они как куры, чуть стемнеет — сразу слепнут.

Кожаные штаны и грязные ободранные подобия рубашек — я не рассматривал в качестве добычи, а вот две плети могут пригодиться.

— Во уроды, — прошептал я, увидев их рожи.

Все перекошенные, с язвами, покрытые коростой. У одного были в коллекции и заячья губа, и кроличьи зубы. У второго копьё в бочине.

После меткого попадания бросаюсь в атаку на полулюдов, которые, к моему удивлению, уже пришли в себя. Полузаяц метким ударом хлыста выбивает у меня из рук Гуань Дао, второй, с копьём в груди, осев и захлебываясь в собственной крови, с трудом единожды бьет хлыстом по моим ногам, взрывая кожу и оставляя кровоточащие раны. Но я неостановим.

Метра за два до стоящей на ногах жертвы, я получаю от неё ещё один удар. Хлыст мертво наматывается мне на правую руку. Полурослик выхватывает кинжал и тянет хлыст на

себя. Перспектива насадиться на кинжал мне не улыбалась, поэтому я, раскрыв клинок, насаживаю его первым. Повертев жало туда-сюда и сделав дырень в пол глуди, отпускаю уродца в иной мир. Второй к этому времени уже сам сдох.

Осмотревшись, сразу же потушил факела в крови. На секунду задумавшись над этичностью грабежа, я решил опираться на Маркса. Если я правильно помню, он говорил, что первоначальное накопление капитала происходит путем грабежа.

Взяв две плетки и сняв две пары кожаных сапог с длинными голенищами, конфисковал кинжалы.

Брезгливо обшманав тёплые тела, в маленьких сумочках нашел пару каких-то монет и огниво, больше ничего дельного не было. Мелочевку запихнул обратно в мешочки и повесил себе на пояс.

— Даже карманов нет. Дикари ебаные...

Не успев вдоволь повозмущаться и отойти от трупов, слышу, как какие-то недобитки сзади кричат. Без ненужных действий бросаюсь к девушке, всучаю ей в руки плетки и одну пару сапог, вторая в руках у меня, закидываю зарёванный третий размер груди на плечо. Мягкая задница падает мне на руку. Дивица же не издала и звука, лишь тихо шмыгнула носом.

Обернувшись, вижу, как целая толпа низкосраких уродцев с копьями, плетками и короткими обоюдоострыми мечами, с одним небольшим отростком, больше похожими на оружие из секс шопа, выбегают и вляпываются в свежую кровь. Один счастливчик, выставив перед собой острый дилдак, поскользывается и падает прямо на него, проламывая грудину и, ползая в крови, хрипя, выпучив глаза, в судорогах, кровавой пеной исходит на нет. Его товарищи, вытянув физиономию от ученной бойни, неподвижно стояли, боясь идти вперед, лишь глаза беспорядочно бегали то по мне, то по ошметкам существ.

Я, пригнувшись как провинившееся собачка, по одному шажку начав уходить за холм, встретился глазами с полуросликом в костюме с широкими рукавами и штанами, подобием дерьмового пластинчатого доспеха, закрывающего грудь, и в огромной шляпе с перьями на покрытом фурункулами голове.

— ИРГХ ГРУАЛ КАЛБА! — вдруг завопил он, указывая на меня своим мечом.

Ждавшие команду гномы, облизнув губы, один даже засунул язык в нос, с зажжёнными факелами бросились за мной.

Все же побежали, — подумал я и, чуть подбросив девушку, чтобы поудобней было, сорвался с места.

Отзвук шагов от мокрой после вчерашнего дождя земли, хруст веток под ногами, редкие мелодичные возгласы у меня под ухом — всё это никак не помогало заглушить крики чипиздриков. Гнаться за мной им не мешали ни рост, ни незнакомая местность. А ведь даже я, с перепугу, начал забывать в какой стороне мой новый дом.

Миновав заросли местного кустарника, взобравшись на небольшой холм, увидел до боли знакомую картину. Огромный кошак раздавленный не менее огромным бревном. К моему сожалению, забрать добычу времени не было. К моему счастью, я знал, куда теперь бежать.

Задерживаться было нельзя. На пятки наступали уродцы с вертикальными затруднениями. Чуть отдышавшись, побежал дальше, стараясь собирать по пути как можно больше ловушек, благо я заранее много нарасставлял.

Примерно через полчаса моё сердце начало отказывать. Жесткое непреодолимое существо, которое так и норовит выскочить и лишить меня жизни, единственное, что его

сдерживает, — это крики угодивших в мои ловушки полуросликов. Кому-то не посчастливилось упасть в волчью яму, кто-то попался в силки и сломал ногу. Я даже видел, как один, перепрыгнув яму с кольями, угодил носом в рогатину, но не умер, лишь уронил факел, превратив лес в голодное всепожирающее пламя.

Огненный демон, бестия ада, широко разинув пасть, откусила голову призывателю и, окропив себя от рогов до копыт, с закрытыми глазами, то жуёт, то поёт, то свистит. Огромный топор разделяет свежую тушку, начиная с макушки. На лесной кухне стучит молоток шипастый. Мелодично водичка журчит, жирок на сковороде скворчит.

Пестик в ступе мерно растирает пальцы в пыль. Свежие куски мяса смиренно прыгают в казан. Поймав парочку окорочков, сатир-душекрад замачивает их вместе с рассолом из под мозгов. Глаза, купаясь в алом вареве кастрюли, сверкнув нечистой силой, послушно утонули.

Уколовшись от ножа всего один раз, будто в сказке, уснуло сердце без лишних фраз. Сатана мелко нарезает свежую кошачью тушу, пока жена готовит кушать. Жучки-паучки по-мужски мастерски, наперегонки наполняют пирожки.

И дым коромыслом, ведь повар от бога, а еда — искусство. Увидев это, Ветер закружился, заметался, деревья начал с корнем рвать: — Вот вам корешки-коренья, давайте вместе сядем жрать.

Гремлины накрывали на стол, приговаривая: — Забудь страх, ты и так уже прах.

Черт из-за пазухи достал пузырь, налил треть стакана, затем, слегка взболтав янтарную жидкость, вдохнул терпкий аромат, долил до половины и одним махом опрокинул содержимое. Удовлетворённо хмыкнув, поставил стакан на стол и налил остальным. Вся огненная семья села трапезничать.

Добрый Сатана, он хороший был весь год, с женой любезно пригласили всех, кто был поблизости, на поздний ужин, но я вежливо открестился. К сожалению, от приглашения к такому шикарному столу мою спутницу затошнило, а когда я остановился, чтобы проверить её состояние, она потеряла сознание. Отдышавшись несколько минут и подождав пока девушка придет в себя, снова взял на руки и понес дальше.

Последнюю треть пути спокойно шёл на автопилоте, пытаюсь оторвать глаза от изодранной барышни. Красивая ведь, чертовка.

Налившиеся кровью, светящиеся синим глаза хозяина леса, пронзая душу, сводили с ума, однако в его действиях я не чувствовала агрессии. Жуткий человек прекрасно ориентировался в темноте, к рассвету он донес меня до своего логова.

Очищенная от всевозможной растительности местность вокруг огороженного пышного дерева с одним проходом к нему и парой пней с меня высотой, с бесконечным количеством ловушек и колеб, в том числе из кости.

Самая настоящая маленькая крепость. Местами подгнившие деревянные стены усеяны трофеями. Где голова висит, где пёстрые хвосты образуют причудливые узоры, где красуются кровавые надписи на неизвестном мне языке, гласящие: “Вива ля анархисто!” и “Как заплачено так и зафигачено”, а с другой стороны: “Тримаса боли — всего лишь перевёрнутая улыбка” и “Если ты зверь — пыл свой поумерь, но для тебя есть и хер”.

Войдя в лагерь, я увидела сотни небольших подвешенных шкур близь костра, огонь и жар которого использовались для сушки, а дым, зола и пепел — для выделки. Также из золы

и топленого жира производилось мыло. Недалеко от мыловарни был вырыт колодец, но воду из него нужно предварительно очищать.

Чуть дальше была большая обтесанная чурка, она использовалась в качестве разделочного стола, вся пропитанная кровью, всюду красовались комки красной слизи вместе с мерзкой жижей, приправленные ошметками различных существ и сгустками мездры.

Я инстинктивно задержала дыхание и смотрела, как первые лучи солнца падают на насаженную на кол кошачью голову, близь которой сидит метровый, с бурой короткой шерсткой, в штанах с лампасами, зубастый монстрик похожий на помесь гоблина и волка, который смотрит на меня большими карими глазами и грызет кость, ребро размером с него самого. Хозяин леса подошел к нему, вырвал из зубов одну кость и погрозил пальцем: — Не шипи Тугарин, ты тут и так один пируешь. Куда, кстати, Алеша сбежал? М? — и дал ему другую кость. Обглоданную кинул в овраг. С пугающим звуком она скатилась с вершины огромной груды белых осколков без единого кусочка мяса.

Я шла между мелкими постройками из палок и огромных листьев с вершущек деревьев. В углублениях, созданных с помощью листьев, была вода, чуть дальше на каркасе из палок висело мясо, вялилось.

Стоящие близь обложенного камнями костра, четыре высокие палки, с полтора моих роста, поддерживали кожано-лиственную крышу, под которой были накиданы шкуры, к которой мы и направились.

Пока хозяин леса вёл меня, я заметила, что его раны на ногах и руках зажили. Мой спаситель подошел к высокому полному пню, убрал сверху камни и сдвинул крышку. Взяв в руки неизвестную мне птицу, он посмотрел на меня и вырвал пару ярких синих перьев из хвоста и крыльев. Саму тушу, вместе с мелкой добычей, закинул внутрь. Подошел ко мне и пощекотал пером нос, из-за чего я чихнула, что-то сказав и посмеявшись, он дал мне два пера, последнее вставил мне в волосы. Достав трофейное огниво, зажег костер, я села на шкуру у очага. Остальные вещи он, отодвинув свисающие ветки ивы, отнес под дерево и там же переоделся, помылся и побрился.

Возвратившись ко мне, в руках он тряс запечатанный глиняный кувшин, затем откупорил его, налил содержимое в глубокое деревянное блюдо и сел рядом со мной. Погоняв красную жидкость и вкусив аромат, медленно, причмокивая, осушил блюдо, затем, посмотрев на меня, пододвинулся ближе, налил до половины и протянул его мне вместе с кусочком копченого мяса. Сам же взял что-то похожее на кубок. Жестом сказал: — Пей.

Я пригубила. Кислая агрессивная жидкость, которая вяжет десны и сушит рот, с бодрящим фруктовым ароматом укусила за язык.

Блюде быстро осушилось ... Нутро дрожит... Мы... Хотим... Ещё...

Глава 6

Возвратившись в лагерь и проводив гостью к очагу, я зашел под иву, скинул трофеи, взял деревянную бадью и наполнил её водой из растительно-деревянно-глиняной бочки, зашел за иву, там к частоколу был привязан наливной умывальник, по пути к нему споткнулся об неудавшийся гончарный круг, пнув мешающую мерзость из адской дыры, целиком залез в бочку. Пока она трещала по швам, я, не теряя времени, смыл с себя засохшую кровь, надел шикарные, по моему мнению, кожаные штаны с теснением и жилетку с плащом из пантеры, и сбрил длиннющую бороду.

Отрачивалась растительность не просто так. Когда я не умел напрямую, без нерабочего вторичного мозга, управлять аугментациями и нанитами, волосы использовались при наложении швов на раны, поскольку позволяли сшивать рану достаточно крепко и не вызывали инфекций. Сейчас я преимущественно использую их в шитье, как обычные нитки, хотя как-то удалось сделать несколько струн и присобачить их к доске, получив примитивный музыкальный струнный инструмент очень похожий на лирообразные гусли.

Пять струн, проем в верхней части, туда помещал левую руку, а правой ударял по струнам в районе держателя. Сам инструмент упирал в бедро, хорошо, что можно было играть на ходу, не скучно было ходить проверять ловушки. Чувствовал себя богатырем из сказок, играя на них.

Подстригать волосы на голове не стал, с помощью палочки завязал в конский хвост. Подумал, что больно долго копаюсь. Мало ли, что может учудить моя гостья без присмотра.

Захватив копченое мясо и фруктовое вино собственного производства, направился к девушке.

— Кшшщц, — шипел на нового жителя деревни Подъивово Тугарин.

— Кшщщщц, — начал ходить он кругами перед вжавшийся в койку, у ствола ивы, барышней.

Девушка цвета ночи смотрит на меня и молча просит о спасении. А ведь вчера было совсем всё по другому, она, вылакав все запасы алкоголя, что я нагнал за три месяца, рыдая, полезла целоваться со мной, Тугариным и Алёшей. Зверье её не поддержало, совершенно другой вид как-никак, а вот я согрешил.

Верно мой дед говорил: — Как только мужчина приносит в дом кровать, появляется женщина и прощается аскетизм.

Сжалившись над девушкой, я крикнул: — Тугарин! Место!

Монстрик, зыркнув на меня как на идиота, незамедлительно метнулся к будке у очага, в которой нежился Алёша.

С трудом поднявшись, поскольку всё тело затекло, я, пошатываясь, побрёл умыться и сменить верхнюю одежду.

За несколько последних месяцев, это первый раз, когда мне пришлось спать на шкурах. Нужно было подумать о запасной кровати, набить пару дополнительных кожаных матрасов

пухом, кто ж знал, что кровать сломаем, а матрас Алеша с Тугариным разорвут.

Умывшись и окончательно проснувшись, посмотрел на чистое синие небо и не заметил как начал летать в облаках, и смотреть на то, как бесится зверье.

Переодевшись в новые шкуры и лоскутную кожу, я вспомнил про трофейные сапоги. Мне они не были нужны, поскольку мои родные до сих пор были живы. С потертостями, зацепками, мелкими дырками, но синтетическая ткань, пришедшая из моего мира, мира космических технологий — не убиваема. Она специально разработана для производства одежды, легкая, мягкая, прочная и, к тому же, хорошо изолирующая. Сапоги из неё, без сомнений, лучше каких-то там сапог полуросликов, к тому же, как не пытайся, они на меня не налезут.

Выйдя из-за ивы, я прихватил с собой многострадальную деревянную бадью, налил в неё дождевой воды и демонстративно умылся, сменил воду и пошёл к Фенрии, так, как я понял, звали девушку. Воду поставил прямо перед её носом, рядом положил полотенце из вычиненной шкуры, сапоги полуросликов с портянками и пончо, которое представляло собой большой прямоугольный кусок лоскутной кожи, висящей складками вокруг тела, с отверстием для головы.

Фенрия, сидя близь ствола дерева и частенько поглядывая на меня, умылась. Брезгливо взяла пончо и, долго копошась с ним, надела поверх своего изумрудного платья. Поправив перо в волосах, сняла единственную туфельку, неумело замотав ступни портянками, обулась.

Тем временем, я почти закончил готовку. Мирно, молча, без конца переглядываясь, позавтракали ароматной похлебкой из мяса с ягодами и грибами из лучшей моей глиняной посуды. Ради интереса дал запить разбавленным вином, по девушке было видно, как сильно она разочарована. К тому же, в этот раз, я откупорил кувшин без добавления молочка ивы.

— Хм, — я задумался, — такой сильный эффект не мог образоваться от слабенького вина, видимо, сок ивы каким-то образом его усилило. Так, молоко ивы. Мне крышу лечит, а остальным сносит, — проговорив всё вслух, записал выводы в воображаемый дневник.

“Черт, хер теперь избавишься от привычки проговаривать свои мысли.”

После трапезы мы начали собираться в путь. Вчера, как мне удалось понять, она меня упрашивала доставить её к сородичам. Наши цели совпадают, я тоже не прочь попасть к её сородичам.

Сперва подошёл к будке, за которой стоял маленький склад, метр на метр, в нем лежала засушенная голова медведя и закутанные в шкуры вещи: энергопистолет, лук, рогатка, праща, каменные стрелы и их неудавшиеся прототипы.

Стрел наделал видов десять. Обычные, с прямым, косым, широким, узким срезом, в виде долота и вилки. Боевые, черешковые и с гранёным наконечником для пробития толстой шкуры. Попытался даже сделать с полой сердцевинной, дающие леденящий звук при полёте, но эффект пока слабоват.

Единственная причина по которой я не использовал лук — это тетива. Мне так и не удалось сделать достаточно долговечный лук, больше двадцати выстрелов не выдерживает. Зато получилось сделать добротную пращу, но с ней тоже возникли проблемы — хер научишься. Да и шанс зарядить себе камнем в лоб велик. Рогатка делила одну и ту же проблему с луком. Вот и использовались: глефа, клинок богомола, копьё. Безотказная и эффективная тройца. В углу склада так же лежали духовые трубки, против местной живности малоэффективны, но против людей пригодятся. Найти бы яд для дротиков.

Лук, стрелы, новую “не обплеванную” трубку с дротиками и охотничьи трофеи, в том

числе и голову медведя — несла Фенрия. Помог ей упаковать все в самодельный рюкзак. Надеюсь, обменяю пару голов на нормальную тетиву и броню.

Сам же взял почти все пригодное для умерщвления средства: метательные костяные ножи, обычные костяные ножи, больше похожие на кукри трофейные ножи, легкие и тяжелые копья, духовая трубка с дротиками, две плетки, Гуань дао, парочку бумерангов, которые я почти не использовал из-за того, что вечно терял или ломал об дерево и, наконец, клинок богомола. Разумеется, не забыл энергопистолетик, как найду кузнеца, попрошу сделать медные пластины для простейшего генератора тока, хоть бы батареи не взорвались во время зарядки. Лепоту прихватил, на всякий.

Дубинки решил не брать, больно тяжелые и малополезные в моем случае. Загрузил в свой рюкзак провизию на две недели. Решил не рисковать и не доверять спутнице вяленое мясо, копчености и кувшины с бухлом. Больно пристрастна к алкоголю, она оказалась. Хотя, я то не против...

В рюкзаке осталось не много места, я набил его наиболее ценными, по моему мнению, штуками, взял пару трофейных хвостиков. Будущий капитал на первое время. А то спизженных денег будет явно маловато.

К рюкзаку были примастрячены крючки, на них я повесил гусли и пару мешочков с мелочевкой: монетами, запасными костяными крючками и иголками, нитки и струны из волос, порошком из под сока ивы, голова до сих пор дает о себе знать.

Огниво, тряпки для факелов и жир для них же, веревки из растительных волокон, тонкие полоски кожи — всё, что смог унести, взял. Поход обещает быть долгим и, скорее всего, я больше не вернусь к моей молочной иве. А ведь сильно она меня привязала к себе за год с лишним.

Достал из закрюков ошейники с костяными шипами и нацепил их на Алешу с Тугариным, мне не хочется, чтобы какие-то шавки моим друзьям в шею впились. Эти два придурка попытались снять ошейники, только лапы ободрали и успокоились. Теперь с жалобным видом за мной по пятам ходят.

Собравшись, отправились в путь после полудня, когда жара начала спадать.

Впереди шёл я, петляя меж ловушек, которых, в попытках выжить, наставил в каких-то непостижимых количествах. Боюсь, что сам скоро попадусь. Фенрия разделяла мои страхи и шла след в след. Зверье же, мерно бежало побокам, избегая ловушки, не знаю, как они это делали.

Уже пару часов идем, — мелькнула мысль, — пора бы хоть как-то развеять скуку.

Я взял гусли, левую руку вставил в окно в верхней части, правой ударил по струнам.

— Мы идем на восток, да? — спросил я окружающих, те не ответили, — Drang nach Osten, значит... Натиск на Восток.

— Эй, давайте споем. Слышали команду? Гимн тупой пехоты запе-вай! — крикнул я всем. Тугарин и Алеша сразу начали шипеть в такт моих слов. Спустя пару куплетов, Фенрия пыталась повторять за мной. Я бы тоже на её место запел, а то мало ли.

Надоело мне работать

И с большого бодуна

записался я в пехоту

Дранк нах остен, ё пты бла!

*Я теперь конкретно модный
Шапель, пика — все дела,
Навтыкаю всем я в морду.
Дранк нах остен, ё пты бла.*

*Мне не надо звездной славы —
Это шняга для дворян.
Я простой железный малый
Пехотинец-уебан.*

*Лесная я пехота,
Я небритый и бухой.
Мне не надо на работу,
Патамушта я тупой.*

*А все риальные туп ы ци
Шнапс хуярят до утра
Нам де впору колбаситься
Дранг нах остен ё пта бла!*

*Надоели песни бардов,
Звезды тоже не влекут.
Щаз как ебну алебардой,
Яйца в сапоги стекут!*

*Отчего ландскнехт имперский
Не садится на коня?
Потому, что пьян мертвецки,
А за руль таким низя!*

*После битвы нихуевой
Нахуярюсь я бухла.
Отрыгаюсь и по новой!
Дранк нах остен, ёбанный рот!*

Проголосив до самой ночи и уже устраиваясь на ночлег после дневного перехода, я начал вспоминать и петь отрывки из песен, которые когда-то услышал от деда: — Алое солнце сгорает дотла, день догорает, ночь, — надеюсь, не переврал эти строки.

С помощью трофейного огнива я развёл костёр и поджарил свежепойманного зверька, и задумался, по поводу того, что в одиночку мог бы спокойно пройти примерно сто километров, сейчас же, мы с ней прошли максимум четверть этого расстояния.

Тяжело будет путешествовать с кем-то у кого куриная слепота. В сумерках я достаточно хорошо вижу дорогу, но вот девушка давно на ощупь идет. Да и ноги у неё отказывают.

Совсем не подготовленная попалась.

Покушав, мы заночевали, закутавшись в шкуры. Алеша забился под мою правую руку, Тугарин в ноги. Свернувшись калачиком, девушка спала под левым боком. вздрагивая от каждого шороха, всё крепче сдавливая мне руку, к тому же, целую ночь плакала.

Мне что-то тоже не спалось. Быть может, потому что, таким как я, прививки сделаны от снов и грез тяжелых, от дурных болезней и от бешеных зверей, но не от порочных мыслей.

Разрушив пару небесных замков, помусолив воспоминания, помацав пустоту, помучив рядом спящего Алешу, придумав всевозможные сценарии обо всем, что можно было бы сделать, маленькая мыслишка помогла наступить рассвету и дойти одной очевидной истине: Я не обладаю ночным зрением, но даже так, я худо-бедно могу видеть в темноте, а другие нет.

Мы снова молчаливо позавтракали. Уж не знаю, как общаться с тем, кто побаивается меня и не понимает язык. Да и у меня самого коммуникабельность не отшлифована, шероховата. Ну и бог с ней.

После нового дневного перехода мы вышли на полянку недалеко от моего перевалочного пункта, который был больше похож на бревенчатый плот с подпорками по углам, насаженный на толстенный ствол одиноко стоящего дерева, похожего на сосну. Этакая мечта ребенка, дом на дереве, собственно, поэтому я его и построил. Не лень ведь было...

Какое-то время назад, мне очень нравилось строить убежища, где-то землянку вырою, где-то шалаш построю, но обычно просто вырубал местность вокруг высокого дерева с толстым суком, чтоб спать на нем, и даже ни разу не свалился с такого.

Вокруг ставились ловушки, зачастую грохочущие. На ветки я цеплял пару всегда нужных вещей: лоскуты выделанной кожи, костяные ножи, кувшин вина, розжиг для костра и всякая мелочевка. Еще на такие деревья бывало подвешивал добычу, которую не мог унести, но после того, как её начали угонять, я перестал так делать. Начал просто разделять животного на месте. Всё, что не мог унести вместе с остатками туши, оставлял так, иногда закапывал.

Пройдя сквозь невысокую траву, девушке она была бы по колени, осторожно приблизился к дереву, у ствола были подтёки свежей крови. Я скомандовал прихвостням защищать Фенрию и, взяв в руки трофейные железные ножи, осторожно полез наверх. Забравшись, ничего кроме обглоданных останков не увидел.

— Какая-то тварь оборзела, — скидывая останки с высоты, я снова заговорил вслух, — ггр, бесит.

Очистив место будущего ночлега, развел костер недалеко от дерева, сытно поев, помог всем забраться наверх и, нарубив побольше дров, чтобы было что подкидывать ночью, сам залез наверх.

Каждый, замотавшись в свою шкуру, заснул. На дереве спалось неплохо, до той поры, пока чуйка меня не разбудила глубокой ночью.

Открыв глаза, я увидел, как Тугарин всматривается в непроглядную чашу, которую от света костра заслоняет ствол дерева. Закутавшись в плащ из пантер, я сел рядом с ним и свесил ножки с края платформы.

Прохладная ночь, легкий ветерок приносит свежесть, редкая звёздная бездна над головой, треск костра и играющие повсеместно тени, шелест далекой листвы и скрип бревенчатого пола, лишь мурашки пляшут на теле, заставляя иногда подрагивать.

Наслаждаясь редким моментом спокойствия, я услышал, как вдалеке какая-то птица угукает, хотел бы её найти и рассмотреть, но у меня не выходит ничего определить, кроме кромки леса на фоне неба. Вокруг маленького пятачка с костром, тьма полностью вступила в свои права, она залила чёрным цветом каждый сантиметр, да так густо, что кажется, кто-то пожирает мои глаза. Поэтому вглядываться в пустоту, как мой прихвостень, не вижу смысла.

Вслед за далёким угуканьем послышался свист. Он одобрительно, мелодично и мягко приманивал к себе. Наслаждаясь неожиданным подарком для ушей, я ощущал порывы страстного желания слезть и найти ту, что так меня манит. Поборов странные чувства, я просто лег на спину и с наслаждением закрыл глаза. Долго так лежать мне не посчастливилось, свист постепенно перешел в протяжный, тяжелый и сухой.

А потом, у границы леса что-то блеснуло. Я тут же забрался на плот и встал в полный рост, в надежде увидеть хозяина глаз.

Бесконечно всматриваться в никуда — мне надоело. Я с помощью Гуань Дао отсек ветку, поджёл её и, вместе с трутом, бросил подальше от дерева. Через пару минут огонь разгорелся. Истошно дыша и трепыхаясь, свет дополз только до первых деревьев. Я подкинул дров.

Ветер усилился и начал что-то шептать на непонятном для меня языке. Фенрия с Тугариным в ногах поближе подползла ко мне. Звуки леса её явно пугали.

А ночная тварь рыскает кругом, нюхает, фыркает, когтями сдирает кору, прыгает с дерева на дерево, воем и по-детски плачет.

В первый раз встречаю хищника, который может издавать поистине огромный спектр звуков и, к тому же, запугивает жертву перед ударом. Он не действует, полагаясь только на скрытность, он охотится с помощью страха и безрассудства жертвы. Ночью, один на один — невероятно опасный зверь.

Тем временем, костер исчерпал свой запас жизненной силы и начал умирать. Я продолжил подкидывать дрова сразу в оба костра. Моя текущая задача: дождаться утра.

Ночь тянется неестественно долго. Пламя голодает, сухая трава рядом сожрана, мне его уже нечем питать. Я решаю убить ночной кошмар. Если костры падут, а зверь нет, то Фенрия может не дожить до утра.

Встряхнув девушку и приведя её в чувства, всучил в руки копьё. Она только сильнее затряслась, пришлось прижать её к стволу дерева, поставив в неуклюжую стойку. Алеша, привыкший к тому, что я самый опасный зверь этого леса, вскочил и, вместе с Тугариным, стал защищать Фенрию. Одобрительно кивнув, я взял в руки Гуань Дао и начал спускаться вниз.

Быстро осмотрев местность вокруг дерева, бросил в ближайший костер лежавший на земле гнилой сучок. Огонек облизал мокрую палочку и, чуть пыхнув в мою сторону, плюнул искрами.

Послышалось рычание и детский плач. Существо явно не нравились пылкие светлячки.

Чтобы поддержать ослабевшее пламя, я начинаю рвать траву и кидать её в костер, кора с дерева отправляется туда же. Таким образом, худо-бедно получается осветить клочок земли.

Скормив ещё немного травы и коры, слышу, как справа от меня, хищник срывается с места, я наношу слепой удар с разворота и чувствую, как ломаются кости. Но нанести смертельный удар у меня не получилось, тварь чиркнула кончиком рога об мой лоб, образовав глубокую длинную рану. Кровь стала заливать глаза.

В мгновение передо мной оказались два ряда острых зубов, и они метят в горло. Тварь обхватывает меня своими длинными человеческими руками и, вгрызаясь в глотку, вонзает когти мне в бока.

Закрыв налившись кровью глаза, я бросаю Гуань Дао На землю, раскрываю клинок богомола и бью монстру в грудь, после тяну руку к поясу..

Короткий рык, взвизг, звук упавших костяных и железных ножей, глухой удар об землю, сверкнувший желтыми глазами монстр, вскочив на две ноги, спотыкаясь убежал в лес, оставив причудливые узоры на земле своими когтями.

Хватаюсь за разорванное горло рукой, кровь хлещет во все стороны, дышать не могу, захлебываюсь. Оторванный кадык болтается на остатках трахеи. Вставляю его на прежнее место и, сильно сдавив шею, останавливаю кровь с помощью нанитов.

У меня не больше пяти минут, чтобы “починить” себя и убить чудовище.

Убрав кровь с глаз, резким движением ноги подбрасывая Гуань Дао за древко близ наконечника, хватаю его обеими руками и бросаюсь в чашу вслед за зубастым пидарасом.

В полумраке, чуть не врезавшись в прямое тонкое дерево с содранной корой, слышу, как впереди хрустят ветки и неестественно танцуют кусты. Нырять прямо в танцоров, вижу убегающие волосатые ноги, наношу полный гнева удар.

Оторванные кровавые ошметки плоти застилают взор, что помогает, откуда не возьмись, прилететь когтям, которые попадают прямо по древку глефы, разламывая его.

Клинок улетает и скрывается во мраке чащи. Я бью оставшимся в моих руках деревянным обломком.

Попадаю то ли в жопу, то ли в спину, но существо это не останавливает.

Я хватаю окровавленные волосатые ноги и подтягиваю их себе, откуда-то доносятся вопли на непонятном языке. Быстрый точный удар клинком богомола меж ребер заканчивает охоту. Жертва победила.

Наблюдать, как хрипит и бьется в конвульсиях охотник, я не могу, сиңею уже. Так и сознание потерять можно, а за ним и жизнь.

Вокруг становится невыносимо темно, тьма пожрала и небо, и землю. Дрожащими руками пытаюсь сорвать с ремня нож. Рука ничего не чувствует и несколько раз хватается воздух. Ножи валяются где-то в выжженной траве на полянке. Сейчас нет шансов их найти.

Задышавшись и спотыкаясь, подбегаю к мёртвому костру. Падаю на колени и судорожно ищу обглоданную кость птицы, оставшуюся после ужина. Вырыв из-под заны почерневшую полую косточку в виде трубки, отряхнув её, клинком заостряю один конец, делая подобие кончика иглы, и бью ею себе в трахею.

Любой человек бы помер от такой трахеотомии, но, слава богу, я не совсем человек.

Полумертвое существо сидит и жадно глотает воздух, придерживая окровавленными руками черную косточку.

Дышать невероятно тяжело, легкие наполнены кровью и грязью. Попавшие через трубку остатки костного мозга с золой вызывают приступы кашля, усугубляя ситуацию.

Я неподвижно сижу у тлеющего костра, пока наниты оперативно выводят из организма грязь и залечивают раны. Постепенно становится легче.

Когда своенравная костлявая госпожа разжала свои объятия, я, чуть успокоившись и отдышавшись, услышал, как шипят братья, и как прерывисто дышит Фенрия.

Она наблюдала за моей схваткой сверху, хоть и мало что видела, но тут и без слов понятно. И мне понятно, кого сейчас трясет. Похоже, она плачет. И до конца неизвестно кто

сильней её испугал, то ли я, то ли зверь.

Я сидел и смотрел на костры, они не пережили эту бурную ночь, даже тлеть нечему. Да и я хорош. Секундное промедление чуть не стоило мне жизни. Теряю хватку, теряю бдительность. Но это сейчас не имеет никакого значения, ведь тварь мертва, ночь испугалась и отступила, из-за леса показались первые золотистые лучи, невысокая трава постепенно скрывала следы ночного боя, алая кровь исчезала, превращаясь в густое черное пятно, молодые капли света задорно прыгали на верхушках деревьев, стреляя бликами в глаза.

Наступил долгожданный рассвет...

Глава 7

Отдохнув и отдышавшись, насколько это было возможно, я под первыми лучами Светила принялся осматривать поле боя. В подгоревшей траве мне удалось отыскать свои ножи и неимоверно длинный коготь.

Протерев глаза от своей крови и зайдя в залитый теплыми желтыми лучами лес, я увидел окровавленные густые кусты, в которых лежал свежее тело. Это Нечто с оголенными ребрами, силуэтом напоминающее человека.

Подобрав наконечник Гуань Дао, я осторожно подошел ближе, чтобы проверить тело.

Высокий, около трех метров, лежавший на боку гуманоидоподобный зверь с совершенно лысой вытянутой человеческой головой без носа и кончиков ушей, но увенчанной ветвистыми рогами. Огромные прикрытые желтые глаза злобно смотрят прямо на меня. Большой рот в виде улыбки джокера, с разорванными губами и большими острыми зубами еле заметно подергивается.

На покрытых шерстью руках не хватает нескольких пальцев с длиннющими когтями, переломанные ноги лежат в неестественной позе.

Подойдя вплотную и перевернув ногой тело на живот, заталкиваю остаток древка поглубже в зад и вонзаю меч-Гуань Дао в спину в область сердца. Существо чуть дернуло рукой, а ведь, это должен был быть его последний удар.

Я думал, ты еще ночью помер, — про себя то ли проговорил, то ли, пробулькав, прорычал я.

Сел на корточки возле лысой головы, тяжело протяжно вздохнул через маленькое отверстие в горле и приготовился отпиливать рога.

Кем бы ты не был... Прощай... Несмотря на животную натуру, ты был... Умен? ... Опасен...

Закрыв монстру глаза, повесив на пояс трофейные рога и пару когтей в мешочках, отрезал голову, чтобы быть уверенным в его смерти. Выйдя из леса, поднял голову и, наслаждаясь утренней прохладой, встречаюсь взглядом с неуклюже стоящей наверху Фенрией, не прошло и секунды, как она вздрогнула как от удара воображаемого тока и, выронив копье из рук, с безумием в глазах упала ниц.

Когда я забрался на дерево, девушка стала бить челом об бревенчатый пол домика, разбивая лоб в кровь. Я пригнулся и положил руку ей на плечо. Она медленно подняла голову.

Достав из лежавшего возле неё рюкзака полотенце из вычищенной шкуры и шепчу: — Потом голова болеть будет. Да и шрамы могут остаться...

Легонько прижимаю полотенце ко лбу, — ну вот, ты ещё и заплакала.

Осторожно вытерев слезы, даю ей кувшин фруктового вина с добавлением высушенного сока, листьев и коры ивы.

Созданный мной синеватый порошок — это очень сильное успокоительное и препарат против памяти, вероятно сильный наркотик. Я называю его Забудин или Противопамятин, если коротко, средство, которое железобетонно лечит голову на ближайшие несколько часов. Сам я старался как можно меньше принимать его. Пусть лучше мучает головная боль,

хоть помнить буду что происходило.

Как только девушке в руки попал кувшин, потребовалась пара глотков, чтобы содержимое исчезло.

Своеобразно успокоив Фенрию, скормил вяленое мясо ей и Алеше, который подлез под руку и теперь кайфует от поглаживаний. Тугарин же поступил умней, залез мордой прямо в сумку и, вытащив что-то оттуда, посмотрел на меня, отвернулся и сожрал за два укуса.

Я терпеливо покормил троицу. Убрал в рюкзаки вещи и помог аккуратно спуститься краснолобенькой и Алеше. Тугарин демонстративно спрыгнул сам.

Чуть отдышавшись, убрал рога в рюкзак.

“Что смотришь дорогуша? Что с боя взято, то свято, знаешь ли.”

Глаза девушки были прикованы вовсе не к рогам, а к трубке, через которую я дышу. Спасителем я уже для нее стал, не хватало ещё и в пантеон богов записаться. Повезло, что не на ее глазах рана на лбу зажила.

Пропустив спутницу вперед, быстро отвернулся и вытащил кость из горла, теперь она не нужна, но лучше будет убрать в рюкзак, пригодится еще. Горло почти зажило, говорить, правда, какое-то время не смогу, да и дышать легче не стало, легкие будто жженые, но меня больше беспокоит чувство опасности. Прямо сейчас мне кажется, что за мной кто-то наблюдает. Тонка же грань между здоровой настороженностью и легкой паранойей.

— Как же тело болит...

Закутанное в черный как смоль балахон и длинный грязный плащ некто издали из-под глубокого капюшона наблюдает за уходящим человеком и двумя вампалами.

Когда-то это существо само было человеком, но после смерти преобразилось. Его длинный и острый язык теперь мерзко свисает изо рта. У его крючковатого носа осталась только одна ноздря. Поговаривают, Убором может стать тот, кто умер в ярости, или тот, чей дух не желает покидать тело.

Убор не стал дальше преследовать группу, лишь смотрел в спину уходящему на восток мужчине и, когда убедился в том, что он далеко ушел, направился к обезглавленному трупу в кустах.

С минуту надменно постояв и поразглядывая тело, упал на ноги и принялся слизывать с земли черную кровь.

— Редко попадают такие свежие, — причмокивая, он облизал трахею.

Выдернув из зада сломанное древко, перевернул тело на спину, сел сверху и запустил язык прямо в рану между оголенными ребрами. Немного поковырявшись, кончиком языка достал до сердца и почувствовал, как его пронзает экстаз. Предвкушение хорошего пира заставило, ломая когти, разорвать грудину и вгрызться внутрь. За пару минут он сожрал все вкусности и, украсив округу ошметками, успокоился. Задыхаясь, удовлетворенно прилег возле ног.

Отдохнув, отгрыз ногу и закинул одубевшее мясо на плечо, чтобы в дороге было что грызть.

Порыскав по округе, нашел голову и, переваливаясь с ноги на ногу, пошел в ту часть леса, куда никогда не падает свет.

— Никогда не ел... Вендиго, — смотря прямо в мертвые желтые глаза, косноязычно

проямлил Убор и, скрыв отсеченную голову под мешковатой одеждой, начал размахивать вторым трофеем, иногда его покусывая.

Навеселе петляя меж деревьями, Убор не заметил выступавший из-под рыхлой укрытой листвой земли корень и споткнулся об него. Упав, прикусил язык, молниеносно поднялся и гневно начал ногой бить по узловатому обитчику, превращая того в труху.

— Ты зачем это делаешь? — донесся сонный девичий голос. — А вы чего? Разбудить нормально не могли? Гаина, наказать бы вас всех...

Убор отпрыгнул, теряя трофеи и судорожно срывая с пояса нож, с выпученными глазами начал озираться по сторонам.

— Милый, я сверху, — с макушек деревьев начинают демонстративно спускаются лианы. — Эй, падаль. Зачем тебе такое примитивное оружие? Против Лесавки твоя иголочка бесполезна. Или же... Ножик под боков, ходим под Богом? Ха-ха-ха.

Заливистый смех лесной девы сбивает с толку даже сильнейших существ этого мира. А жалкое отродье, стоящее перед её деревом, не способное шелохнуться, вызывает лишь жалость и охоту подарить милосердие в виде быстрой смерти.

Упавшие листья задрожали, земля вздыбилась буграми, из-под нее стали подниматься корни и обвивать тело жертвы.

— А вот и нет. Бог не Тимошка, видит немножко! Упыри отвратительны. Тебе никогда не стать похожим на моего очень далекого деда, Кощея Великого.

— Я... Я не Упырь, я... Я вампир. Ваше Высочество... Пощады... Молю...

С дерева, качаясь на длинных лианах и вся обвитая ими же, спускается прекрасная с длинными зелёными волосами бледная стройная высокая молодая девушка в белой грубой рубаше, подвязанной осокой.

— Ха, вампир? Какой вампир будет питаться падалью и закусывать дерьмом?

Вампир-упырь хотел было что-то сказать, но дева подняв руку, поднесла длинный пальчик к своим нежно-розовым губкам и нежно сказала: — Я лучше тебе ротик зашью. Ток ты не кричи сильно. Хорошо?

Тонкие игольчатые корни мучительно вгрызлись в плоть, намертво скрипим верхнюю губу с нижней, оставив лишь маленькую дырочку для свисающего языка.

— А теперь. Не хочешь ли прогуляться со мной и моими подружками до моего отца? Лешего.

Убор в ответ начал крутить головой, мычать и подергивать языком.

— А, ха-ха-хрр... Ой... Я буду расценивать это как да. Ты же кивнул. Кивнул?

— СУКМА-АНРУ-ВЫПУС-ТГРР...

Обыкновенный лиственный лес, редкие полосы лугового разнотравья, постепенно начинают разбавляться подгорелыми стволами и совсем уж черными пнями, украшенными сеткой давно истлевших вен.

Далекую пронзающую душу крики, стоны, вой и рёв, гул ожесточенного сражения, короткие яркие вспышки и густой черный дым пожирающий небо, медленно обволакивающий местность запах гари, за которым следует едкий удушающий туман.

На выжженном поле среди обугленных трупов и догорающих остатков деревянных башен, опираясь на большой двуручный меч, стоит огромный черный доспех, весь покрытый

мелкими наростами и глубокими алыми порезами. Его горящие угрозующим изумрудным светом глаза пронзительно строго смотрели на тварь перед ним, а из-под глухого шлема доносилось напоминающее рык дыхание.

Странная тварь похожая на полупрозрачный переливающийся сиренево-лиловым шар левитирует напротив доспеха. Она, не переставая, шевелит четверкой длинных щупалец с кинжалами на концах, а под кожей пульсируют черные толстые прожилки, тянущихся из глубин тела до множества мелких ямочек на щупальцах. По поверхности шара перемещаются сотни сетчатых бледно-красных глаз, жадно рассматривая противника.

Я прошла мимо тлеющих стволов и вышла к месту битвы, оставляя за собой дорожку из свеженьких цветов и травки. Со странным наслаждением вдохнула запах гари и уселась смотреть дуэль вместе с многочисленными духами, потерявшими свои тела в битве. За мной еще шла моя подруга и охрана, но они благоразумно решили потеряться. Хозяина с Хозяйкой на отдыхе лучше не беспокоить.

Мои лианы подтащили ко мне упыря, он уже оставил попытки освободиться и сбежать.

Черный рыцарь сделал первый шаг и тут же был облит с ног до головы маслянистой жидкостью с вкраплениями черных шариков, монстр чиркнул кинжал об кинжал и раздались взрывы.

Рассекая горящие изнутри серое облако дыма, создавая завихрения, двуручный меч с поразительной легкостью отсекает препятствующие удару щупальца и уходит на добрую треть вглубь фиолетового шара. Раздаются новые взрывы, только больше, ярче, мощнее.

Закрывшись скованным убором от летящих в мою сторону ошметков, я слышу, как справа от меня кто-то заливается смехом: — Не лезь, дорогая, к волку, коль у тебя хвост телки. Ха-ха...

О, похоже, папенька острит.

— Блядские энты, как ты их сделал огнестойкими?

Похоже, тот шарообразный монстр был маменькин.

— Нежным голосом говорить такие грязные слова. Окстись поганка.

— Поганка?

— Дорогая. Я сказал до-ро-га-я. Тебе что, мерещатся всякое? К тому же, созданные мной энты не огнестойкие, а огнеупорные. Они все же горят, хоть и очень плохо.

Я подошла ближе к развалившемуся на травке Лешему.

Ничем не примечательный лысый, но с роскошной бородой жилистый мужичок лет под сорок в подпоясанной рубаше с косым воротом и штанах, заправленных в онучи, довершали образ лапти.

Любит же папенька играть с заблудшими.

Напротив него, почти вплотную сидит Баньши. У маменьки от Баньши остались лишь острые черты лица и голос, вернее крик, остальное папенька поправил. А дедушка Кощей VI Горнский материализовал тело.

Невероятной красоты молодая женщина с длинными распущенными белокурыми волосами, в которые вплетены пара ромашек. Белое платье до пят и полупрозрачный плащ с капюшоном подчеркивают изящную фигуру и не маленькие формы.

— Ладно, я выиграл. На что мы там играли? — спросил Леший, в ответ Баньши подползла к нему, склонила голову, почти прикоснувшись к нему губами, медленно и нежно сказала: — А что... или... кого ты бы хотел в качестве выигрыша?

— Может, вы не при всех будете ЭТО делать? — подошла я развалившимся на зеленой

травке посреди пылающего леса игрокам.

Отец посмотрел на меня сквозь белокурые локоны, — знаешь доча, любовь как костер, не кинешь палку — потухнет. К тому же, здесь только мы и духи. А духам сейчас не до этого. Все, кроме одного из них, потеряли свои тела, через пару минут я им дарую новые, и они начнут уборку.

— А Убор, которого я притащила?

Обняв Баньшу, Леший продолжил: — Так он уже нежилец. Или ты поиграть с ним захотела?

— Всё ты знаешь.

— Знать то знаю. И у меня к тебе есть дело. Но сначала перекусим. Заодно и передашь вкусности Бабе Яге. Её избушка недалеко от Водяного сейчас, — приводя тело в вертикальное состояние, Леший, полапав Баньши и скрестив с ней языки, махнул рукой, и из земли начали расти корни, обвивая друг друга и образуя большущий стол и три стула.

Вслед за столом появились метровые энты с многочисленными подносами. Свежеприготовленное мясо ягненка было украшено ягодами и фаршированными фруктами. И это были только первые два подноса, дальше я краем глаза увидела рыбу, какие-то ребрышки, пару кувшинов и целую очередь из поленьев с ручками да ножками, и сидящих в них духов.

— А лес тушить не будете? Или это такая большая палка? — поинтересовалась я у севших за стол Хозяина и Хозяйки леса, но на меня лишь посмотрели как на дурочку. — Может, Бабушке Яге сами передадите? — сев за стол, увидела перед собой первое и второе блюда, но решила начать с пирожных.

— Вот еще. Я же потом на месяц там застряну, а времени нет. Бери Убора и Древобора с дружиной. Древобор сам всё сделает, тебе нужно только смотреть и учиться. Наследница должна вникать в суть управления. — Леший, махнув рукой, решил начать с мяса, пока из чащи выходил бородатый старичок с красивым резным посохом в руках, булавой на поясе и щитом за спиной, была у него мания всегда носить с собой оружие.

— Она же его сожрет, — сказала я, пока в это время маленький энт шмыгнул за мной и убрал со стола обглоданные кости, налил мне чаю с медом и испарился, так же как и появился.

— Убора? Представь, как ей приятно будет? Гостинцы от меня получила, с внучкой пообщалась, да и избушка перекусила вампиром,

— папенька что-то приказал слугам, затем продолжил: — Только смотри, когда возвращаться будешь не наткнись на Каина, он в этом году больно далеко ушел от Матерь-Ивы. Надо его вернуть назад, только вот как?

— Как? Ты что его боишься? Дожили сам Хозяин леса...

— ТИШЕ будь, дочурка. Поживешь подольше, увидишь побольше, — глаза его запылали, появился зеленоватый ореол, гнетущая атмосфера стремительно пожирала присутствующих. Никогда я еще не видела, как папенька впадает в гнев от безобидной шутки.

— Не вздумай. Слышишь? Не вздумай. Каин опасен, он появился из ниоткуда во времена Коцея VII Горнского. Он убил всех, сколько бы то ни было опасных существ вокруг себя, его территория кишит опасностями, чуть оступишься, и тебя погребет под землей, посмотришь не туда — тебя раздавит бревно или попадешь в яму с кольями. К тому же, за ним по пятам ходят два Вампала, у одного из них к спине привязана голова Дубовика,

который когда-то позарился на его территорию. Сам же Каин бессмертен, его не сгубила своим соком Мать-Ива. Он не ведает страха, усталости, его стеклянные глаза вечно горят синим пламенем, даже сквозь закрытые веки видно свечение. И он прекрасно видит в темноте. Вечно говорит сам с собой на непонятном нам языке. А самое страшное, я его не ощущаю. Никак. У него как будто нет души. Только его и Коцея Великого я не могу почувствовать в своем лесу.

— Это тот, кого называли Синим Пламенным Оком? Пару лет назад, не он ли великий пожар начал? — Лесавка, поняв что задала неуместный вопрос, больше не могла смотреть на отца. Она отвернулась и впиалась в пирожок. Задать вопрос: “Почему ему дали имя?”, не решилась. — Так, может, переждать пока он не вернется?

— Слишком долго. Каин будет бродить по лесам ещё не один месяц, если не год. А помощь водяных и влияние матушки нужно сейчас. Грядет большая война. В Аверианских горах Крысолюди в шатком союзе с Кумо бьются с гномотварями, целые отряды которых уже бродят по моему лесу. Темные эльфы прощупывают границу, их останавливают лишь древесницы и ырки, но последним лучше не доверять, больно злые духи. Кристальная дева пока бездействует.

— Кумо? Это которые паучихи?

Отец с минуту молчал, успокаивался, затем дал ответ: — Да. Весьма редко они выходят из своих подземных городов. Да и сами они весьма редки. В обычном облике выглядят как огромные пауки, размером с человека, с горящими красными глазами и острыми жалами на лапах. В человеческом облике — прекрасные женщины с холодной красотой. Когда-то у отца с ними был союз. Но времени с тех пор ушло много. А сейчас новая царица решила укрепить свои позиции, а может ей что-то от тамошних крысолюдей понадобилось. Узнать мне надо будет причину, но позже.

— Так, может, я одна пойду? Быстрее будет.

— Помнишь, что в прошлый раз приключилось? Как кое-кто в черной рясе собирала урожай.

— Угу. Беспощадною косою полоса за полосой. Хе-хе.

От наших слов матушка поперхнулась вином и начала откашливаться. — Да хватит... Мне это припоминать! Сколько можно. Давно же было... Да и вообще. Достали со своими хитровыебаными выражениями.

— Ты смотри, — отец погрозил пальцем, — завтра такое во дворце не ляпни, а то уже с месяц речь не контролируешь. Пара снова становится достойной титула Хозяйки.

— Вот вы бяки буки. Дайте отвлечься, дайте насладиться безнаказанностью слов, дайте почувствовать бессмысленность своих поступков, — матушка отобрала кувшин у энта и сама налила себе полный бокал, слегка взболтав, тут же его осушила и снова наполнила. Покрутив в руках разведенное вино, тяжело вздохнув, приказала прислуге принести чего покрепче и, прислонив бокал к губам, пуская пузырьки в вино, продолжила: — А то сокрушать великих, поднимать безликих, открывать тайны бытия, менять мир, достойных призывать к себе, вести души за собой... Надоело. На-до-е-ло... Сам же говорил, что грядет война. Даё отдохнуть перед ней, а то завтра дела живьем есть меня будут, костями похрустывая.

— Эвоно как тебя, дорогая, пробрало-о, — Леший встал и подошел к Баньши, наклонившись, взял и помял в руке белокурые локоны, укусил за мочку уха и что-то шепнул, отчего Баньши слегка покраснела. — Хорошее желание загадал, не правда ли?

— Уху.

— Гррр, вот ведь морока с ними, — еле плетя ноги по лесной тропе в центре маленького войска из восьми десятков древолюдей, немалого количества вьючных животных, почти каждое из которых что-то тащило на себе, разного рода сопровождающих и бесчисленного количества прислуги, я все капала на мозги своей няньке. — Сами не хотят ехать к Водяному и гостящей у него бабушке, так меня посылают, мол, опыта набирайся, правит будешь. И напутствие дали. Мол, не хотят увидеть через год новорожденного домового, не хватало, чтобы Лесавка с Водяным бракосочетались. А сами развлекаться при мне начали! Да сколько можно-то? Я что совсем в их глазах маленькая и глупая? А Древобор?

— Отнюдь Ваше Высочество, — старичок с внушительным изогнутым резным посохом, со щитом за спиной и булавой на поясе, в безразмерном балахоне, под которым виднелась кольчуга и выглядывали высокие сапоги, шёл прямо за мной, — но опыт нам всем нужен, мы его всю жизнь набираем, а в посмертии за него душу выкупаем. У кого его больше, у того больше шансов встретиться с Древними. А там уж как повезет. Может возродят, может даруют вечную жизнь в другом мире, может отправят с заданием в Рай или Тартар, может даруют вечный покой. Кто ж их знает... Но я точно знаю одно — с ними лучше все же встретиться.

— Ваше Высочество, — я передразнила старичка. — Ты же знаешь, что из твоих уст это звучит раздражающе. Да и вообще, лучше бы ты со мной согласился, а то мало ли, взойду на трон... и ты с Древними раньше времени встретишься. — Зловещая ухмылка налезла на мое лицо, такого поворота Древобор никак не ожидал, в его глазах появился... Страх? Удивление? Явно что-то недоброе.

— Да не смотри на меня так, шучу... Или почти. Хи-хи-ха, — Зловеще хихикнула Лесавка, глядя прямо в ошалелые глаза.

— Ваш-ше Высо-о-очество-о, — вывела меня из приступа злодейства моя подруга, Гиана. Высокая красивая девушка в сереньком платье и с русой косой до поясницы, которая, как всегда, что-то мастерила в руках из двух длинных толстых нитей. — А где хоооть один баку? — спросила она. — Где эти пожиратели снов? Где эти большие каба-анчики? Мы же не весь путь будем идти на своих двоих?

Я скептически посмотрела на Древобора. Он чуть осел, но все же твердо ответил:

— Хозяин сказал, что вам нужно научиться отвечать за свои поступки, поэтому мы пока идём пешком. Хотите услышать мое мнение по этому поводу?

— Когда я захочу узнать твое мнение, я его тебе скажу.

И ведь мне даже не захотелось спросить, что такого я натворила по отношению к свинорылым лошадям. Но мне почему-то захотелось прикончить Убора, которого вели два больших энта позади нас. Он, похоже, что-то почувствовал и яростно начал мычать. Я не выдержала его стонов и оторвала ему язык ко всем чертям и псам болотным.

— Слушай, — вдруг я обратилась к Древобору, — а если серьезно? На чём нам ехать? — прикрыв глаза и улыбнувшись, добавила: — Ответишь: “Пешком”, закопаю.

Уголки губ старичка ползли вверх, он усиленно пытался это скрыть.

— К ужину будут, — ответил он. — Скоро к деревне подойдем, там у дриад возьмём.

Перед самым закатом, остыв и, наконец, увидев перед собой свинорылых лошадей,

решила специфически извиниться перед Древобором, а именно: выжрать несколько бутылок с известным содержимым.

Хороший ведь мужик, хоть и не молодой. Умный, сильный, частенько выручает и помогает выпутаться из неприятностей. Наверно, он единственный, к кому из отцовских приближенных я питаю глубочайшее уважение, к сожалению, срываюсь на него слишком часто. И из-за его шуток тоже. Воспитывать пытаются, а как получает ответную фразу, каждый раз реагирует так, будто это в первый раз и я его убивать планирую.

Глава 8. Мыло не мило, коли лицо твоё гнило

Глава 8. Мыло не мило, коли лицо твоё гнило .

Луч солнца золотого тьмы скрыла пелена. Из той тьмы ко мне прикоснулся явно не человек, он улыбнулся и произнес: — в Рай тебе закрыта дорога, ты в Боге видишь себя самого.

Я резко вынырнул из сна и долбанулся об Тугарина. Этот гад сидел и, свесив морду, смотрел, как я во сне разговариваю. Теперь сотряс наверно.

— Переживу как-нибудь. Не сугроб не растаю. Сотряс не простатит, за неделю пролетит, — утешил сам себя Энеральд.

В его случае так вообще за денёчек. А вот ручному монстрику явно очень больно. Скрючившись, он лапой трет лоб.

С него не убудет, зато думать в следующий раз будет.

— Стоять, блять! Что за коляды? С ума сходим? — Я напрягся и сел напротив Тугарина, скрестив ноги.

— Энеральд, так не полож-жено. Больно ж-же, — медленно, растягивая и смакуя некоторые согласные, возмутился он.

— На положено хуем наложено... ДА СУКА! — закрыв рукой рот, я вопросительнc уставился на говоруна. Тот снова потер лапой лоб, сел и продолжил: — Быстро ж-же у тебя горло заж-жило, так воп-пить... Но... Наконец-с, ты видиш-шь во мне меня. Это хорош-шо. Язык с-странен твой, очень слож-жно научиться было на нем говорить. Даже сейчас-с, я не всегда хорош-шо говорю. Получится нужно мне побольше... П-поучиться.

Убрав руку ото рта, сорвал с ремня меч-Кладенец, так я назвал обрубок Гуань Дао. Усевшись жопой на хворост, с минуту смиренно смотрел на Тугарина, за это время тот подошел к моему рюкзаку у дерева и вытащил оттуда кусок вчерашнего мяса, затем взглянул на меня и принялся есть, причмокивая.

Играть в гляделки я не стал: — Ты все время умел говорить?

— Рас-зумеется, — снова отвернувшись от меня, Тугарин продолжил рыться в рюкзаке.

Я же подкинул дровишек в костер, а то холодновато утром и спросил: — Так чего молчали-то?

— Мы с Алеш-шей, так ты его называеш-шь, говорили с тобой. Обс-щение пытались устроить. А ты нас-с не понимал, вот и выучить твою речь приш-шлось нам-м.

— Ты же не за день выучил, чего только сейчас заговорил?

— Мы и до этого говорить пытались. Ты нас-с Фенрия с-звал, и бегал са нами иногда, братц-са голову Дубовика зас-савил тас-скать на с-спине. Реш-шили мы, чшто ты тронулс-са умом. С-забавно было за тобой наблюдать.

Хорошенько протерев глаза, я, убрав меч и начав массировать виски, заметил, что не хватает одного человека.

— Подожди. А где Фенрия? — спросил Энеральд.

— Я с-сказал тебе уж-ше. Не знаю кто это, но могу предполож-шить что ты с-сам с-себе её придумал. Ночью час-стенько звуки с-странные издавал. И говорил с-сам с с-с-собой. И с-стонал.

— Да не может быть! Я же её от полуросликов спас! Или... Или они тоже... Никогда их

не было?

Алеша подошел ко мне и, взяв у Тугарина мясо, уселся рядом: — Они были. И люди были. А эти полурослики тренировали своих собачек. Отпускали в лес пару разумных, затем устраивали на них охоту. Ты нашел их и всех перебил, потом дождался, когда за нами придут, и снова всех перебил, а потом дал деру. Потом пожар начался. Вон мне шкурку подпалило. А братец мой у ивы сидел, ты пришел и начал как-то странно себя вести.

Я направил взгляд в сторону от дерева, под которым мы общались, и в нежных лучах утреннего солнца увидел, как Фенрия машет мне рукой, а на губах лишь одно слово: — Прощай.

Встав и слегка поклонившись, помахал рукой и сказал: — Спасибо тебе. Фенрия. И прощай, — я проводил взглядом дымку, потом с опустошением в душе сел и склонил голову, закрываясь в себе.

— Как то ты прос-сто пр-рынял тот факт, ч-шго её нет, — рычаще-шипящий голос вывел меня из паралича.

Закрыв глаза, я лег на землю, — она была миражом, она перестала существовать. То есть умерла. А к смерти я привык. Много перевидал. Смерть всегда жаждет и хочет напиться. А я её маленький апостол. Все вокруг меня умирают. Умирают. Снова и снова. Все... С-сука.

Такой удар даже мне “закаленному” перенести сложно. Я спятил. Я надумал себе невесть что. Но надо искать плюсы. Так всегда говорят всякие утешители.

— Плюс первый: я жив. Лучше тихо кричать от едущей крыши, чем свободно висеть на суку.

— Хороший плюс, — переглянувшись с Тугарином, Алеша мне кивнул, продолжая чавкать.

— Плюс второй: Алеша нормально говорит, а Тугарин шипит, хоть и не сильно. К тому же, у меня больше не едет крыша, наверно, — открыв один глаз, посмотрел на братьев и добавил: — Надеюсь, вы и вправду разговариваете, а то как-то иронично получается... Хотя, ирония — это лучший вид юмора, разве это не иронично?

— Ладно, третий: я поборол страх и отошел от Ивы уже далеко, очень далеко, боюсь, уже не смогу вернуться. Или очень долго буду искать путь назад, да и незачем мне это делать.

— Так мож-шет продолж-шим насш путь? — Тугарин достал бурдюк с водой и отпил из него, посмотрев на меня, достал кувшин с вином и протянул мне.

Сев, я подмял под себя шкуру, а то холодно на голой земле.

— Да, лучше идти, — согласился я и, залпом выпив все содержимое, кинул кувшин в дерево, издав глухой звук, содрав кору, тот даже не треснул. — Говорят, что страх перед неизвестностью мозги прочищает... Надеюсь на это, ха-ха...

Вывав из лап Тугарина рюкзак, сложив шкуру и пустой кувшин в него, закрыл.

— Почему один из вас говорит по-человечески, а второй шипит и рычит?

— Братца в детстве чуть не сожрали, вот травма... — Алеша покосился на дожовывающего крылышко брата и добавил: — Физическая.

— М-м, понятно, — ответ меня не сильно заинтересовал, поскольку я уже открыл рюкзак и достал из него порошок ивы. Посмотрев на братьев, закинулся Противопамятинном и шатаясь потопал дальше на восток.

— Энеральд, сумку хоть закрой, — окликнул меня “не травмированный”.

— Э?! Это рюкзак!

Что-то бухтя на матерном, я завязал горловину покрепче. А пока завязывал, заметил кое-что: — Отку-уда вы имя мое знаете? И где второй рюкзак?

Братья посмотрели на меня и, переглянувшись, закатили глаза. — Ты сам как-то говорил. Мол, меня зовут Алеша, его Тугарин, а ты сам Энеральд.

— Рюкзак?! — рыкнул я.

От такого изменения настроения прихвостни изрядно удивились, но быстро и кратко ответили: — У Ивы.

Я, с минуту полетав в облаках, быстрым шагом пошел в сторону Светила.

— Ничего не предвещало вроде бы, а теперь, не понимаю: вы есть или вас нет, — вопросительно посмотрел через плечо, прищурился, спросил: — Где второй рюкзак? — Не услышав ответ, продолжил мерно, насколько это возможно, вышагивать. — Почему не совпадает, в чём секрет?

Братья, недоумевающе смотрят, как я вслепую уворачиваюсь от низко растущей ветки и, не найдя что сказать, отвечают вопросом на вопрос — Что не совпадает?

— То тебя уже нету, то меня ещё нет... Я сегодня словно между двух огней... или на краю обрыва, если быть точней, — успев остановиться на самой границы склона, я предательски качнулся вперед и, чувствуя, как земля уходит из под ног, начинаю кубарем катиться вниз.

Перевернувшись через голову, больно саданувшись жопой о корягу, начинаю осторожно соскальзывать по желтому песочку к ручейку.

В самом конце спуска, огибаю искариотски торчащий в мою сторону сучок давно упавшего и мешающего потоку дерева, падаю мордой в воду. Обрадовавшись такому благоприятному стечению обстоятельств, встав на четвереньки, начинаю пить без рук, губами втягивая в себя жидкость.

Напившись, скидываю с себя рюкзак и, порывшись в нем, достаю мыло, — мыло не мило, коли лицо твоё гнило...

Сдержав порыв безумного смеха, скидываю с себя одежду и начинаю яростно тереть кусок давно сваренного мыла об свою кожу... Помогая камнем.

Сначала лицо в кровь, потом руки в кровь, потом ноги в кровь, потом кровь в кровь, потом кору в мыло. Кору? Ах да, в овраге два соседа, ручеек да полено.

Прихвостни, тихо матерясь и громко охуевая от такого зрелища, шептали:

— Рано мы обрадовались. Он свихнулся окончательно.

— Про ошейнички хоть с-забыл.

Я краем уха слышал их разговор, — да что вы понимаете! Мыло черно, да моет бело!

— Мылос-с-сектант, — заключили братья.

— Да! — кинул окровавленный кусок мыла с ошметками кожи в их сторону. — Объявляю вас первосвященниками только что образованной церкви Мыла! Да здравствует Мылоцерковь! Да здравствую я!

Немного посидев в воде, подумав о сказанном, кряхтя переполз на дерево и крикнул:

— Чарка вина не убавит ума! Неси вино на вот это бревно! — рукой стукнул об древесную труху.

Подойдя к краю обрыва, Тугарин демонстративно разводит лапы и говорит: — Вин-на больж-жше нет, ты пос-следные выпил. Лучше вылез-сай, пора и чезсть иметь...

Еле слышно, чуть дыша, Алеша добавляет: — Брат мой, кто её только не имеет.

— Честь поесть. Но и честь — не есть... Сытым не будешь, пока вода студит, а человек блудит, — продолжил я на своей волне.

Тяжело вздохнув, Тугарин сел и сказал брату: — Мы здесь надолго. Разводи козстер.

Алеша сел рядом, — так огниво у Энеральда. Будь добр спустись и заberi его.

— Кто добр, тому бобр. А кто не добр, от того и выдра бежит... Идите сюда кракозябры. Мыться будем!

От моей безумной улыбки “от уха до уха” передернуло всех, даже меня, — чё смотрите как на ежа? Лучше как дурак лыбиться, чем на дыбе дыбиться!

— Не, Энеральд, давай мы поесть сготовим.

— А вы знали, что ёж — птица гордая? Не пнёшь — не полетит. Ха-ха-ха... — неудержимо захохотал я.

— Да вы че!? Смотрите на меня! — обвёл руками кровавое месиво под названием “мое богатырское тело” и вернулся к начатому: — Был уродец, а стал новгородец!

— Да, мы видим, видим. И мы хотим есть. Кинь нам огниво, а?

— Как хотите, так и расхотите, а коли не хочешь, так захочешь! Идите сюды! — Я достал из рюкзака оставшийся порошок ивы, затолкал его в пустой кувшин и залил водой, — а пока. Мертвец сказал: “Хороша!” и заснул не дыша. Хэ-гэ-гэ. — Залпом всё опрокидываю и сваливаюсь в ручей. Тем временем, мои тараканы уходят спать, подсчитывая потери.

— Ты с-смары, все выш-щю не так уж и плохо, — Тугарин посмотрел на Алешу, — что стоишь? Ъды поднимай егхо, пока не захлебнулся.

Наутро следующего дня, глядя прямо в мертвые глаза медведя, голову которого тащил на себе Алеша, мне вспомнились слова деда: “Пиздец у каждого свой. Важнее всего не сдаваться, когда он случится с тобой!”.

Через неделю очухавшись, именно под таким девизом я уговаривал Тугарина обучить меня местному языку.

— Тугариничек, — сев рядом, максимально дружелюбно и заискивающе я обратился к разорившемуся на шкуре, под деревом возле костра, прихвостню — научи своему языку. Я прилежный ученик! Я...

— Тц, — цокнув, перебил меня Тугарин — Какой жи ты шживучий, быстро отошел... Будэш и дальше поговоркхами говорить?

— Ты чего? Нет конечно... Научи, а? Век должен буду, не забуду.

— Знал зже я, чшто так и будет. Ну и кхакому языкху ты хочеш-шь овладеть? Только не прос-си научить одному из древникх. Они слишком сложны будудт для тебя.

От такого быстрого согласия я немного опешил. Чуть поразмыслив сказал:

— Научи, сначала, самому распространенному языку в ближайших землях. Кстати, ты стал немного по другому разговаривать...

— Такх времени немало прош-шло...

Тем временем Алеша незаметно подошел сзади, обошел и кинул недалеко от меня тушку какой-то птицы, — это можно, но ты лучше продолжай рыть яму, воды у нас мало осталось из-за твоего... Сушняка. — Он намеренно выделил последнее слово. — Сначала доберись до воды в земле, Тугарин ощидай эту птичку. Обучение начнем попозже, а я пока приготовлю ночлег поудобней. Ночь будет долгой. Как и все... последующие.

— Да, мне как-то все равно, знаешь ли, я не заметил, как прожил где-то сотню лет. Сотню! Вам двоим по семьдесят! Кто знает, сколько я без вас прожил... Так что, долгие ночи — это даже хорошо... Не сойду же я из-за этого с ума... Хга-ха.

— Ты пережил пагубное воздействие сока Матерь-Ивы, при этом не наделённый даром Кощея, — Алёша подошёл и похлопал по плечу, тем самым выказал почтение.

— Может и так... Отходнят от неё был такой себе...

— Да не, я не про это, — смутился вампал.

— И что с ней не так? — спросил я.

Алеша, сделав место для ночлега из хвороста и шкур, подсел ко мне и начал свой рассказ:

— Есть легенда, что Матерь-Иву посадила сама Морана, жена Кощея, Богиня зимы и смерти, царица ночи. Матерь-Ива высасывает жизнь из всех, кто рядом с ней, поэтому нет ни одного насекомого, и животные боятся подходить слишком близко, она безопасна лишь для тех, кто наделён даром Кощея, как я и мой брат. Посажена же она для того, чтобы в далёком будущем дерево принесло плоды, а Морана их собрала, и когда она полакомится плодами, тогда наступит вечная зима. Явь, мир земной, наш мир, и Навь, обитель Мораны и Кощея, подземный мир, сольются воедино. Скорее всего, ты первый кто это дерево нашёл, или же первый, кто выжил после его нахождения. Так или иначе, когда я был маленьким, я думал, что это просто легенда. А потом, когда мы с братом немного подросли, стали крутыми, у нас же дядя был тогда вождём, к тому же, Вампалы неприкосновенны в лесу и защищены самим Кощеем, в общем, решили попутешествовать и изучить лес, оказалось, что дерево и вправду существует...

— Ну... Цветы я, конечно, пробовал заваривать, но, видно, они ещё не созрели. Хе-хе...

— А сок? Ты его годами пил. В нём когда-то содержалось очень много силы. Синеватая жидкость, молоко ивы — это Иخور, кровь Богов, которую ты полностью истощил.

— Если всё это — правда, то мне остаётся лишь лечь и помереть...

— Может и так, но до этого можешь сделать мне новый бумеранг? — решил Алеша перевести разговор в другое русло. Не хочет узреть новый “срыв”.

— Не сегодня, — не захотел я ничем больше сегодня заниматься. — Потерял его, да?

— Сломался. В дерево неудачно угодил, — мохнатик, так я его про себя иногда называл, виновато опустил глаза. — Вот, ты научил нас с бумерангом охотиться, а сам-то чего не носишь их с собой?

— Почему же не ношу? Вон в рюкзаке парочка. А так, смысла не вижу. Мяса разного — хоть жопой жуй. А бегать искать, куда упала птица с бумерангом — ну нахер. Поди найди в зарослях.

— Так, ладно, — я откинул самодельную лопату в сторону рюкзака, чтоб не забыть потом. — Я, наконец, докопался до грунтовых вод, дамочки. Слава Богам, что они совсем близко к поверхности, а то я бы помер. Готовь костер Алешка. Выпаривать всякую бяку будем. В смысле... пар в чистейшую водичку конвертировать.

— Ты с непонятными словами поосторожней. Мало ли...

В глубине леса под кроной столетних гигантов стояли серенькие палатки, тенты и тентеллеты. Бесчисленное множество маленьких укрытий окружили один монструозный, украшенный двумя скрещенными когтями поверх дерева, сине-белый округлый шатер. Вокруг него отмерено много пустого места, достаточного для того, чтобы там свободно могли ходить ночные караулы и те, кто заходит в шатер днем.

Левее от шатра была разбита палатка протовестиария, начальника гардеробной, церемонимейстера, правее — стального, отвечающего за кушанье, позади — начальника стражи и личных слуг Лесавки. Остальные палатки служили для расположения воинов, слуг и сопровождающих. Также в лагере были навесы, под которыми находились вьючные животные и пара свинорылых коней.

Недалеко от центра лагеря трещит костерок, там скворчит на сковороде жирок, пока прачки снуют как маньячки. Хорошая посуда лишь добавляет воинам немного уюта, позволяя готовить неплохие блюда, но в кругу у здешнего повара нет ни одного лизоблюда. Слишком свиреп и жесток.

Не было и часа, когда в лагере стояла тишина. То ходящие вдоль периметра часовые и усиленные патрули периодически громко перекликались, на каждые сутки начальник караула получал новый пароль и ночной клич, то из центра лагеря доносились возмущенные крики.

Богато украшенный как внутри, так и снаружи, шатер служил местом попойки Лесавки и её подруги Гианы, которые сейчас кидали ножи в спинку “непомерно” роскошной отгороженной ширмой кровати состоящей из трех стульев, накрытого покрывалом матраса и изодранной перьевой подушки.

Две молодые особы соревновались кто первая попадет в вырезанный маленький кружок. На этот раз первая попала зеленоволосая девушка, но осушить выигранный кубок ей не дали.

— Боробудур! — мертвецки пьяная Лесавка возмущалась от того, что у неё отобрали дарованную бабушкой бутылку.

Подойдя к резному столику и поставив на место стулья, старик с укором посмотрел на девушек.

— Древобор, Ваше Высочество, — личная нянька будущей хозяйки леса уже не первый день безуспешно пытается привести в чувства свою подопечную. — И вам уже хватит, — отобрал недопитую бутылку и приказал служкам отнести её подальше. — Пара и меру знать.

— Дамой пэра! — С криком Лесавка вывалилась из шатра вслед за служками, постояв и пошатавшись, медленно зашла обратно и села на сундук при входе, — я передумала. Завтра давай. Ты пока соберись и... И уложи спать Гиану, а то она перебрала. И позови повари... — Лесавка вдруг остановилась на полуслове и, посмотрев на Древобора, резким движением сорвала у того с ремня булаву.

— Ваше Высочество, что случилось? — Старик ненашутку испугался и взял в руки свой посох.

— У нас гости. Много. С севера.

— Понял.

В тот же миг лагерь был поднят на уши. Гудели трубами трубачи, прислуживая, шныряли служки, командиры командовали, воины готовились воевать.

Наспех сооруженная защитная линия из поваленных деревьев, опрокинутых повозок и присыпанных землей столов и стульев, была дополнительно сплетена корнями, за ней спешно возводили частокол.

В центре лагеря были лишь пять существ: Древобор и два его десятника, Гиана и сама Лесавка, последняя сидела на голой земле с мокрой головой и спиной. От нее в разные стороны шли дорожки из корней.

— Они остановились... Трое отделились и обходят нас с запада, — холодно произнесла я.

— Перехватить, — обратился воевода к одному из своих воинов, — возьми с собой ещё четверых из своих. Взять в плен, если будете долго возитесь, прокончить. Сразу вернуться.

— Будет исполнено, — паренек в кольчуге и с одноручным копьем и щитом, поклонившись, побежал исполнять приказ.

— Гиана, набери воды почище и вылей на меня, — я обреченно посмотрела на небо, зажмурила глаза, затем хорошенько проморгалась, — Что же случилось за эти два месяца, пока я гостила у бабушки... Откуда в глубине леса враги...

В этот момент подбежал посыльный и сообщил, что огненная западня готова. Древобор ведя, как наворачиваются слезы у Лесавки, грубым командирским голосом отдал приказ: — ИВАР, залезай на дерево. Проследи, чтобы Горотор был готов. Затем лезь на соседнее дерево. Как отдам приказ, продублируешь его. Затем с Горотором помогите вернуться поджигателям. Исполнять!

Воевода хорошенько встряхнул свою подопечную и шепнул ей на ухо: — Ты как-то говорила, что в тебе видят ребенка. Соберись, ты давно не ребенок. Это твой лес, так помоги его защитить... И не трясись ты так.

От важности момента слеза ползет к губе, только об одном сейчас переживаю я: — ты же поджигать мой лес собрался...

Древобор приобнял меня и необычайно спокойным голосом ответил:

— Все будет отлично. Перед стремительным взлетом часто следует небольшое падение. На пепелище лучше растет свежая травка и больше места для молоденьких деревьев...

Простые слова и обычные объятия помогли мне вернуть себя.

Как только меня отпустили сильные руки, я увидела перед собой Гиану, она перехватила ведро и подняла над моей головой, наклонила и обдала холодной пробирающей водой.

— Бррр. Хорошо... — мои мозги чуть охладились и больше не лезли воевать с остальным телом, только сами с собой.

К тому же, моё колдовство требует слишком много сил, и у меня сильно поднимается температура, а холодная вода помогает не упасть в обморок. Иногда даже молниями стреляю во все стороны, да и перепила я немного...

В момент прояснения я почувствовала, как большая группа неприятелей отделилась от основного войска и двинулась в нашу сторону.

— Они идут... С севера. Примерно сотня. Дюжина пошла на запад. Отправляйся к воинам, ты им сейчас нужнее чем мне.

— Моя дорогая Ольга... А ты говорила не будешь такой, как я. Смотри, уже и командуешь, — Древобор излишне низко поклонился и искренне улыбнулся, — моя жизнь в твоих руках...

Глава 9

Ночью в глубокой лесной чаще на небольшой выжженной полянке под кроной огромного раскидистого дерева сидели три существа, сидели и пиздели.

— Да посче́му ты не кхочешь науч-шиться проявлять уважение в ретчи, поведжении? Как ты будешь обспаться с с-сильными мира? — Спросил Тугарин, снимая с костра мясо, насаженное на веточку, и передавая его мне.

Взяв в руку еще горячую птичью ножку, зубами вырвал из неё небольшой кусок и сразу проглотил. Мясо сгнуло внутри меня, жгя горло и пищевод, пока я чувствовал себя живым. Нутро-то пылает. А пылает оно только у живых.

Закинув в утробу второй кусок, спросил:

— Меня и так поймут, верно?

Тугарин махнул рукой и пару раз кивнул, а затем уставился на меня, не желая давать готовую грудку.

— Да не буду я этому учиться, не нравится мне это как-то ... — Посмотрев на визави и поняв, что он ждет внятных объяснений, затянулся свежим лесным воздухом и настроившись, продолжил:

— Понимаешь, мне больше по душе простой язык. Без заунывных речей, без бессмысленных обращений, скрытых мотивов и всяких многосмыслов с тому подобным. Засорять речь и так есть чем. Особенно мне.

Договорив, я почувствовал, как кольнула едкая мысль про мое помешательство, — знаешь, все это выглядит забавным... Мне кажется, что у меня просто какая-то травма, ведь, именно потому, что я всегда или почти всегда отстаивал интересы, как ты выразился “сильных мира”, только в менее извращенной варианте, я и попал в этот лес. Лес, который забрал у меня жизнь. Забрал моих подчиненных, моих товарищей и друзей, да даже родных. За столько лет там, в небесах, могло произойти что угодно.

И каков шанс, что мои пра- пра- и еще много пра- внуки узнают меня? К тому же, они не мои прямые потомки. У меня даже жены и детей нет и никогда не было. Так, что и внуков у меня нет. Я просто дяденька для n-го числа людей, а может и нелюдей.

— Тако-ва цена безс-смертия. Ты с-сам избрал этот путь, когхда выпил молоко Ивы.

— Бессмертие... Пфф... Я далеко не обычный человек, из-за аугментаций и так бы прожил значительно дольше большинства. Я домой хочу... Я хочу попасть в город, которого нет. Там для меня горит очаг, как вечный знак забытых истин, мне до него — последний шаг. И этот шаг длиннее жизни...

Эх... Нельзя унывать. Если я бессмертен, то рано или поздно выберусь из леса, найду остатки своего корабля, вызову эвакуацию. Нужен ли я буду тем, кто этот сигнал получит?

Пытаясь отбросить гнетущие мысли, я решил их озвучить:

— Вы говорили, что не знаете где граница леса, так ведь?

— Да, и не один раз, — немного подумав, Алеша добавил: — Знаем только примерное направление. На восток.

— Люди и их города где-то там же? А в лесу одни монстры.

— В лесу людей нет.

Тяжело вздохнув, я решил продолжить отвечать на ранее заданный вопрос: — Так вот, говоря как какое-то необразованное чмо, я не теряю себя, свое “я”. А то выверенная сухая речь окончательно убьет мои мозги. Лучше я буду оставаться веселым дурачком, тем серьезным сумасшедшим. К тому же, там много тонкостей знать надо, чуть что не так употребил, так сразу заклятые враги. А тут что? Ну спизданул хуйню, ну и все. Лучше пускай пальчиком погрозят и у виска его покрутят, да на дверь покажут... Хэх, — усмехнулся я, — чем бегают за мной и убить пытаются... А если дворянину почестей не оказал — тоже плевать. Целенаправленно гонятся не будет. Так, прикажет поймать и выпороть, а потом не до меня будет.

— Хм... — Я задумался. — Если мне голову отсечь, а потом обратно к телу прилепить, я воскресну?

— Хватит вопросов, темно совсем, давай спать, — нервно выдавил из себя Алеша и указал на приготовленный ночлег.

Я уселся на шкуру, под которой была солома вперемешку с ветками, и продолжил:

— И то верно. Но знаешь, бессмертные они как дети... Встречал я парочку таких долгожителей. Каменюку семьсот летнюю и моллюскоеда под пару тысяч лет. Вряд ли они бессмертные, но всё же... Тогда человечество только-только вступило в Союз Пяти Лун. А у меня маячило будущее великого воина... Может, даже стал бы полководцем или флотоводцем, по дедовской дорожке бы пошел...

Накачавшись воспоминаниями, я продолжил. — Моллюскоид, похожий на наutilus с ручками и ножками в виде щупалец и атрофированным панцирем, торгашом был на космической станции, на которой я частенько бывал. Достать этот страшила мог что только угодно... Я у него алкашку специфическую брал и всякие, мягко скажем, необычные вещи.

— Как-то купил ви-героин в шоколадной глазури, а то к дедовским друзьям нельзя было идти с пустыми руками. Удивить каждый раз пытался, а они, гады такие, никак не удивлялись. Но тот вечер всем запомнился надолго... Может, как-нибудь поподробнее расскажу. Ге-ге-ге... Кх...

— Кхм... — я прочистил горло. — А камня встретил на поле боя. Я тогда только-только получил свои аугментации. Надел матово чёрную броню из живого металла и наноматери, которая способна саморегенерировать. Мой первый настоящий бой начался... в общем... я потерялся... и прибил к штурмовому отряду, которым командовал литоид Махарэм. Чисто трехметровый кусок скалы, самый настоящий гранитный голем. К слову, тогда из-за некоторых особенностей планеты, нельзя было вести неограниченную войну, поэтому было что-то типа наземной операции спецслужб. Планета называлась Панган... — Я посмотрел на братьев, те притворились, что уже спят. Ну и бог с ними. Про себя повспоминаю. Впереди равно полночи осталось не спать.

О! Лучше попробую синеву с глаз убрать. Кстати, почему я не замечал никаких странностей, когда умывался и смотрел на своё отражение в воде? Так, ладно, оставим этот вопрос на потом.

Я взял меч-Кладенец, хорошенько его протёр, чтоб блестел, и присмотрелся. В отражении были хорошо видны расплывчатые голубые кружки и оранжевое свечение от костра.

Мда, ну и страху то будет, когда люди увидят. Демоном нарекут... Чёт не хочется, чтоб меня сожгли, надо попытаться исправить zenки, хотя бы свечение приглушить.

Вслушиваясь и вглядываясь в чашу, я приступил к штурму своего мозга, защитники

которого, наниты, активно сопротивлялись, пытаясь выбросить меня в бессознанию. Но волевыми действиями, далеко не с первого раза, удалось поставить штурмовые лестницы, перебраться через стену вместе с полчищем тараканов, костылем надавать своим мозгам по мозгам, отчего те быренько заперлись в цитадели. Я уже перешел к разграблению города и осадил внутреннюю крепость, когда меня сменил Алеша.

После мозгового штурма, я быстро уснул, тяжело встал с первыми лучами солнца и ещё тяжелей собрал вещи. Затушив костер, продолжил путь, первым ступая по мокрой траве после ночного морозящего дождя.

— Нет.

— Чегхо нет? — удивленно посмотрел на меня Тугарин.

— Лучше научи. А то огребать от боярина из-за того, что не проявил уважения — не хочу.

— Я вот научился понимать твою речь, но поток мыслей от меня вечно ускользает, — вклинился Алеша.

— Да ладно вам. Я же... Это... В общем... Научите?

С укором взглянув, Алеша попытался улыбнуться, но вышел скорее оскал, — куда мы денемся? Только скажи чему, а сейчас лучше вперед смотри, как-то кровью пахнет.

— И то-х вергну, — согласился Тугарин.

Через пяток минут, мы подошли к лесной тропинке. В нос ударил сильный запах всевозможный послесмертных выделений. Пахло хоть и не слишком сильно, но рвотные порывы иногда приходилось сдерживать.

Ступив на саму тропу, я чуть не поскользнулся и не упал прямо в жижу, потому как, на тропинке этой, кровь текла рекой.

Между высоких деревьев, лежала дюжина знакомых мне полуросликов, изодранных и без рук, и пара-тройка тел незнакомых мне двуногих существ, перепачканных в грязи и крови, одетых преимущественно в рванину с обносками.

Некоторые полурослики были расчленённые, явно после смерти. Их руки со следами зубов были пригвождены к деревьям обрубками копей, смею предположить, принадлежавшим им самим.

Я подошел неизвестному мне гуманоиду поближе. Большое, чуть меньше меня, с мелкой черной шерсткой немного сгорбленное крысиное тело, лежало на боку, неестественно согнувшись, причиной этому было сломанное копьё в груди и рассеченная морда.

Подобие местами порванной стеганки с кое-где закрепленными на ней тонкими полосками железа и небольшим пришитым полотном из железных колец, не сдержало прямой удар, предательски порвавшись. Хотя к ее оправданию, видно что уже ей долго использовались, а в последнее время еще и плохо следили. Державшиеся на последних нитках заплатки не смогли удержать один из рукавов и тот сбежал. Да и закрывала дай бог половину тела, не доходя до низа живота. Эдакая саморучно сделанная детская версия брони нацепленная на взрослое тело.

Кроме оборванной и погрызенной стёганки у крысы были дырявая накидка из лоскутной кожи и набедренная повязка из шкуры зверя, тоже от нее мало что осталось. Владелец тела видимо был небогат, к тому же давно не мог привести одежду в порядок.

Я взял меч-Кладенец и потыкал им в тело, чтобы определить, как давно оно умерло. Труп был свежий, а если брать в расчет то, что ночью был дождь, а труп сухой, то получается битва между полуросликами и крысами произошла совсем недавно.

— Энеральд, — обратился ко мне Алеша, держась поодаль от побоища, — это крысы из клана Кристальной Девы. Будь осторожней, она опасна и могущественна.

— И насколько она сильна? С такими-то воинами, — я указал на второго крысюка с цаком в носу и примерно такой же дерьмовой броней. Да они же почти голые ходят!

Алеша обошел место битвы и встал недалеко от меня, — достаточно сильна для того, чтобы с ней считался Леший и называл её младшей сестрой.

— А, кажется, вы про неё как-то рассказывали. — Я взял в руки наиболее уцелевшее копьё, покрутив в руках, заключил, что оно непригодно для меня. Один раз ударишь — сломается. Но вот тупой наконечник из дерьмового железа я все же снял. Как будет время, заточу и к своим копьям приделаю.

— Рассказывали, но ты уже забыл, — помотал головой Алеша.

— Ну да... в смысле нет... Может быть... — смирился я. — Так ладно, значит... идем по их следу. А вы давайте рассказывайте, насколько они разумны, что умеют и как можно с ними договориться. — Уйдя со скользкой тропы, я пошел вдоль неё.

Наконец какая-то движуха. Похоже, я скоро дойду до обитаемых земель.

— А кхрыс-с ты недооценивай, — вклинился Тугарин, — они с-свирепы и с-сильны. У них ш-жесткая иерархия. Что бы не с-сказал вождь — это будет ис-сполнено. Ос-особенно, если глава клана крыс-солюд, а не крыс-сотварь.

Я, подсчитав наконечники, их удалось собрать десяток, расфасовал по их мешочкам, часть повесил на крючки рюкзака, часть убрал внутрь. — А разница между ними в чем?

— Крыс-солюди умны и с-сильны, обладают с-зачатками сверхъестественных сил, но их рождается мало. Ос-особенно в с-сравнении с крыс-сотварями. Внешне они отличаются только с-цветом шерс-сти. У Крыс-солюдей она ш-серая или белая.

Те, что тут лежат — это лежат крысотвари, — пронеслась логичная мысль.

— Получается Кристальная Дева тоже крыса?

— Не зная, — честно ответил Тугарин.

— А как ты понял, что они именно из её клана?

— Он единс-ственный, кхто з-живет в этом лес-су...

Я, наконец, вышел на сухую дорожку, на всякий случай решил провести ревизию своего снаряжение.

Два копия за спиной, я уже перестал их подразделять, копьё есть копьё. Ножи, пара бумерангов в рюкзаке, копьеметалка и плётка на ремне, меч в руках и сложенный клинок. В остальном оружие смысла нет. Оно или бесполезно, как разряженный энергопистолет, или я им не умею убивать, как праща или духовая трубка. Был еще лук, но им, разве что, долбануть, затем задушить можно.

Из брони была подпоясанная жилетка с небольшими рукавами из толстой и прочной шкуры монстра, пояс-португепя, буквально недавно созданный для удобного ношения меча и пары кинжалов, плащ из цельной шкуры местной пантеры, штаны, над которыми я постарался, лоскутная кожа, аккуратные стежки из собственных волос и тисненый рельеф, простейшие геометрические фигуры, которые уже и не видно почти. Даже карманы сделал. Единственные вещи из “моего” мира — это ботинки и ремень с приделанными крючками. Синтиткань военного назначения — не убиваемая вещь, но и она уже скоро придет в негодность. За столько то лет. Жаль кобуру где-то проебал.

Пока на ходу проверял оружие и броню, спереди повеяло дымом, а затем и белая пелена опустилась, принося запах горелого мяса.

Алеша посмотрел на то, как я резко скинул с себя рюкзак, и слегка смутился, — Энеральд, что с тобой?

А ведь он прав, я рефлекторно встал в боевую стойку, покрепче сжал меч и выпустил клинок богомола. Чувствую, что меня начало потряхивать и глаза от сухости гореть. Мир вокруг меня начал плыть, как будто я смотрю через рыбий глаз.

— Впереди смерть, — немногословно ответив, подался вперед. — Вижу голубеющую даль, нарушать такую просто жаль. Жаль, что ты её не видишь сквозь белеющий туман, но это не обман. Путь мой долог и далек, но я несусь лишь на восток!

— Энегкральд, не надо лезть в огхонь. Там узже нет лес-са, он выгхорел.

— Ха! Лес как интерес-с-с, нет леса — нет интерес-с-са. А мне интересно, значит — там что-то другое есть! Понял?

Алеша ринулся к Энеральду крича:

— Да, горелые трупы! — но не успел он догнать и остановить безумца, как тот скрылся в дыму.

Пронизывая, как стрела, густое белое полотно, оставляя завихрения за собой, пару раз чуть не слившись воедино с угольками от дерева, страдая от жжения в глазах, я встретился лицом к лицу с пулоросликом. Он заметил меня и повернулся, открыв рот, стоял и смотрел, ничего не делая.

Ха! Такой же тупой, как и его копьё. Секундное промедление стоило ему жизни.

— Одна голова хорошо! А две лучше! И лучше в руках! — Оскалившись как зверь и выбежав из дыма на полоску земли, между лесом и земляным валом, за которым вдалеке слышатся звуки битвы, я начал жатву, смотря, как отсечённые головы катятся в ров. Ров?

Вопросы волновали всё меньше, всё больше холодело моё тело, слушая, как под ногами ребро хрустело. — Ха-ха! Вот это уже совсем другое дело! — прокричал я отряду расфуфыренных чипиздриков в кольчужной броне перед собой. Те, конечно, обратили на меня внимание, повернулись и оцетинились копьями.

Пф-ф. Копья. Я голыми руками опаснейших зверей душил! Выдели бы они того, из кого у меня плащ сделан.

Я чувствую, как превращаюсь из холодного и расчетливого в безумного и горящего. Нужно научиться сдерживать себя.

Горящего?

— Бляя, борода горит!

Попытавшись остановиться, чтобы потушить, я предательски подскользываюсь на мокрой после ночного дождя траве, спотыкаюсь об корягу и лечу прямо на этот самый отряд из пяти смертников, которые уже выставили копьё вперед и встали в две шеренги на манер гоплитской фаланги из трех спереди и двух сзади. Как назло, твари были со щитами. Так что, просто увернуться и вгрызться в строй у меня бы не вышло, поэтому я решаю принять на себя одно копьё, а остальные разрубить мечом и клинком богомола.

В моем мозгу вырисовывался неплохой план, и я начал его исполнять.

Налетаю на строй и тут же получаю по копьё в левое плечо и живот. Пронзить меня были готовы ещё три, одно из них маячило перед самым носом, его я первым схватил и потянул на себя, оно не поддалось, и тогда я просто его обрубил мечом. Ещё одно прошло в опасной близости от моего паха и воткнулось в землю, последнее же, больно оцарапало бок.

И тут я понял, что меня пытаются поднять, из моего живота хлынула кровь, плечо начало хрустеть, в икру что-то ударило и поползло вверх к сокровенному, а потом и снизу в

подмышку прилетело и начало рвать жилетку вместо с моей кожей, пытаясь отрубить руку. Земля начала уходить из под ног.

Инстинктивно почувствовал, что если им удастся подвесить меня, я труп, поэтому начал судорожно обрубать несущие на смерть палки.

Сломав половину из них и снова крепко встав на ноги, я получаю краем щита в грудь, теряю Кладенец и падаю на землю.

Мерзко улыбаясь, разомкнув строй, ко мне медленно подходят полуметровые уроды, желая поржать надо мной перед смертью.

Я благоразумно решаю подождать, пока они окончательно потеряют бдительность. И окружают меня, воткнув копье в левую руку, чтобы клинком я их не порубал... Да, я гений прям.

Единственное, что я сделал по-умному, так это заблаговременно, еще перед боем, приготовил ножи к втыканию оных в незащищенные шеи и лица врагов, которые как раз опустили щиты.

Невероятно уродливый, весь в язвах и шрамах полурослик с грязным алым ирокезом, в котором я разглядел пару вставленных костей, вдруг заулыбался. Да так, что я увидел его зубы, все в золоте, сквозь которое проклевывалось гнилое основание. Он поправил кольчужную бармицу, только у него был сей элемент гардероба, и, плюнув мне в лицо, сказал:

— Я тебя сожру, ты вкусно выглядиш-щ-щ.

Я не пожалел, что выучил все доступные Тугарину языки.

— Эй червь, — я обратился к людоеду, — ш-сильней пади ниц передо мной, и тогда я шепну тебе на ушко. АННИГИЛЯТОРНАЯ ПУШКА! — С этими непонятными для урод словками, я метая в его открытое лицо два железных ножа и бью по коленям копьеметалкой, раскалывая ту на множество увязающих в икрах щепок. Особо большой кусочек дерева, попав прямо в пах, тут же покраснел.

Оба ножа достигли врага. Один из них застрял в бармице, второй по рукоять вошел прямо в рот, сломав нижние зубы и застряв нёбе.

Соседу ирокезника повезло не больше, запустив все оставшиеся костяные ножи тому в ноги, краем глаза увидел, как от таких нагрузок ножи лопнули и острыми осколками позастривали, помогая спустится и ощутить землю струйкам крови.

Продолжая использовать секундное промедление полуросликов, вскакиваю и достаю из-за спины уже свое копье, благо оно маленькое и вместе со мной подлетело вверх, выпав из своей сумки, где я его и поймал, поймал и сразу ударил.

Копье с чудовищным чавкающим звуком вошло прямо в глаз, на мгновение, я почувствовал сопротивление, наконечник-то полностью деревянный, вот и не осилил, пришлось надавить до характерного хруста и копья, и черепушки.

Полурослик с остатками ножей в ногах взвыл, начав опираться на копье, по которому я и ударил, заставив упасть возле меня орущую голову, где та встретилась с моим сапогом, переставая голосить и начиная хлюпать, забавно пружинить и дергаться, прям как желе.

Главарь отряда, тот, кто получил от меня подарок и теперь из его рта и носа весело выбегает кровушка, с ненавистью в глазах что-то булькает и, встав на остатки коленей, старается попасть по мне невесть откуда взявшимся мечом. Моим мечом!

Я, уклонившись от слабого удара, ногой вышибаю Кладенец из рук и, попытавшись дотянуться до него клинком богомола, обнаружил, что в левую руку что-то воткнулось и

сдерживает меня. Приходится возле наконечника сломать и эту палку, воткнув ее своему хозяину в шею, как раз там, где кончается кольчуга. Получилось образовать чудовищный рубец, который стремительно выплёвывает из тела жизнь, толчками проталкивая её сквозь бледнеющие пальцы и мертвеющие в ужасе глаза.

Вернувшись к главному уроду, которого про себя прозвал каплуном и который уже сидит на земле, весь в собственной крови, я молниеносно сношу ему голову, даже не замечая бармицу и подставленную под удар руку. Подбираю с земли меч-Кладенец и вспоминаю про последнего чипиздрика, перекатом ухожу за спину обезглавленному, даже не заметив боль от разрывающих моё тело железно-деревянных обрубков.

С трудом встав, встречаюсь глазами с перепуганным пятым членом отряда. А я только сейчас замечаю, что в моей спине торчит копьё. С хрустом вытаскиваю его и готовлюсь бросить во врага, который, в свою очередь охреневший от резкого поворота событий, просто бросает щит и падает на колени передо мной. Переведя дух, вытащив остальные копья из себя, проверив что легкие не задеты и я могу нормально говорить, подхожу ближе к склонившемуся и громким четким командирским голосом приказываю:

— Подними гголову!

Полурослик незамедлительно выполнил мой приказ.

На меня смотрело кругловатое лицо с шрамами от какой-то болезни, чуть побитое, с синяком под глазом, вроде не я его офонарил, с носом в виде огромной картошки, но вполне нормально выглядящее, особенно в сравнении с его сородичами.

— Кхто ты такой и кхахк называется твоя раса? — Начал я.

— Я-я раб и-и щит гос-господина. Бывшего. Бывший... — Хныча и заикаясь ответил мне дрожащие тело. — Мы г-гномы.

Я, пошире открыв глаза, чтобы получше рассмотреть тела, подняв бровь, — гномы?? — сильно удивился.

— Г-гномотвари. — Тут же исправился он и начал еще сильнее хныкать. — Умоляю, пощадите, я буду все для вас делать! Все-все-все. Все, что попросите! — Начал умолять гном... Или гномотварь.

— В чем отличие гнома от гхномотвари? — Всплыл логичный вопрос.

— Я тварь, г-господин, тварь. Тварь... — начал он кивать смотря мне прямо в глаза, пока из его носа сильно текло и повсюду летело. А я понял, что из нас двоих, именно он потерял рассудок.

Ладно, потом у братьев спрошу.

Пощупав сгоревшую бороду и опаленный подбородок, убрал меч в импровизированные ножны на портупей. Рука легла на ремень и почувствовала кровь. И только тут я заметил, что на моем ремне висит трофей, зацепившийся ирокезом за крючки.

— Эх. А я думал, ты исподтишка что-то сделаешь, — сказал я вслух на родном языке, отчего “тварь” дернулась и жалобно покосилась на меня.

— Гхномотварь, уходи отсюда и помни, — держа руку на отрубленной голове, сделал шаг вперед, отчего полурослик застыл. — Я смилоствился над гхномом, которым ты обязан з-стать, иначе умрехшь... В М-У-К-х-А-Х, — просмаковав последнее слово, закончив свою речь, добавил: — Беги гховорю. Второго шханса не дам.

Чипиздрик дал деру в противоположную от меня сторону, к показавшимся из дыма дружкам. Подбежал к ним и начал что-то втирать, а они стали ему кивать и хищно на меня смотреть.

Вот бя. Ну, ничего. Его кабальная запись скоро попадёт к госпоже Смерть.

— Нагхрада или кнут, последствия тебя найдут! — крикнул вслед я и, забыв про копье, приготовился сорвать с ремня плетку, как самое дальнобойное оружие. Не хочется увеличивать выводок дырок у себя. Или в себе. Да и меч-Хуердец устал нести всем пиздец.

Смотря на чипиздрика, Энеральд прорычал:

— З-стал овечкой, встал со свечкой, нынче Богх тебе как фиговый лист — типа чист, — злобно ухмыльнулся и медленно облизнулся. Я уже полностью приготовился смаковать смерть хнычащей букашки, пока бессмысленные рифмы не отпустят, ветерок не начнет шуметь, и свежий нежный чистейший дождик не будет капать на лицо, куда-нибудь смывая всю грязь.

Глава 10. Шёл на восток, а пришёл с запада

Глава 10. Шёл на восток, а пришёл с запада.

В тлеющем, местами горящем, лесу уже не первый день слышались звуки боя. Извилистые ручейки бежали по всему красно-черному полю, густели и ждали начала танца капель. Насмотревшись на их выпендрёжные пляски, все вместе направлялись к грубо вырытому рву, тем самым преобразуя его в самую настоящую бурлящую реку, в которой захлебнулись насадившиеся на кол гномотвари.

Сразу же за рвом с обломками кольев располагался давно павший и превратившийся в пропитанный кровью, скреплённый кишками, мухами и остатками повозок земляной вал — первая линия обороны, за которой располагался знатно потрепанный, местами подгоревший, местами пробитый и наспех залатанный массивный частокол лагеря Лесавки.

После дождя, на пепелище между валом и частоколом тлела труха и щепа от изрубленных энтов, начинали гнить тела мёртвых древолюдей, вместе с пеплом утопали в земле куски от разорванных гномотварей. Тяжелый витающий в воздухе запах смерти подкреплял всеобщий духовный тлен защитников.

Вдохнув свежий землистый запах, который ощущается после дождя, спокойно перепрыгнув пованивающую от трупов канаву, преодолев хлюпающий вал, Каин мерно направился к двухметровому частоколу.

Энеральд, словно робот, со знакомым только ему хрустом твердо ступал на выжженную землю сквозь расколотые черепа, его шаги были неестественно точны, ведь каждая усиленная гидравликой мышца приводится в действие сложными и чуждыми для этого мира механизмами.

В моменты эмоциональных потрясений, в том числе и преследующие его безумие, Энеральд непроизвольно начинал контролировать и ощущать каждую мышцу, которая считала своим долгом устроить персональный дебош и пьяную драку с соседями, и ему приходилось отправлять усмирителей в виде нанитов, поэтому он частенько был зол.

Каин хотел спать, Каин жаждал оказаться в безопасном месте, где смог бы отдохнуть. Выспаться на мягкой кровати. Налить двух дорогуших животных в снифтер и выпить их, сказать: “Коньяк неплох, носи ещё”.

Позвать деда, устроить с ним и его друзьями вечер бесед, послушать истории о том, как с благочестивой матроной заговорил человеческим голосом бычий орган известного назначения, и был он при этом двухметровый, летающий и с золотыми ангельскими крылышками.

Задуматься о том, что гули и горгульи больно похожи. Может у них были общие предки? Или будут потом? Тогда, как их назвать? Гор-гуля? Или Гуля-горгуля? А может Гуля-гуля?

Узнать, что справедливость и закон несовместимы с пониманием и состраданием, но без первых двух, никогда не будет вторых. И, в конце концов, проснуться в другой звездной системе с нежно обнимающими тебя щупальцами.

А не вот это все!

Преступно тратить жизнь на то, что не приносит удовольствия! Да к тому же, сводит с ума!

Гневаясь на дивный новый мир, в который он вляпался на сотню-другую лет, Энеральд

подошел к частоколу и крикнул:

— Эй! Где воротца у сего дворца?

Засевшие за стеной со щелями и выглядывающие с многочисленных помостов, вышек, платформ и дыр, трясущиеся от страха существа знали, что Хозяин леса строго настрого запретил встречаться с голубоглазым бедствием носящие имя Каин. Но что будет, если он сам придет? А если он захочет поговорить?

В лагере, в центре будущей глубины трансфизических магм стоял местами подгоревший шатёр, из которого с завидной периодичностью выходили новенькие энты. У энтов внутри были духи. Простая деревянная оболочка давала нематериальным существам возможность защитить свою молодую хозяйку, которая отдыхала в горизонтальном состоянии, не способная сомкнуть глаза от чрезмерного перенапряжения, поскольку именно она и её подруга Гиана создавали новые тела. К сожалению для обороняющихся, и к счастью атакующих, воскресить древолудей девушки не в состоянии.

Возле шатра с изображёнными двумя скрещёнными когтями на фоне дерева, опираясь на резной посох, стоял старичок и отдавал приказы. Ранее он смог организовать добротную оборону лагеря, а сейчас распоряжается ограниченными ресурсами и тянет время до прихода союзных сил.

— Ваше Сиятельство! — запыхавшийся молодой древолуд готов сообщить крайне важную информацию своему командующему: — Крысы замечены на юге. Они вступили в бой с гномотварями. В ближайшее время преодолеют ров и подойдут к стене!

Слушая сообщение, старик отдал приказ двум новеньким, созданным Гианой, энтам, пока на его лице застывает намек на улыбку, которой так и не суждено увидеть свет. — Крысы говоришь?

— Прошу прощения! Крысолюди, — тут же исправился древолуд.

Крысы переносят болезни, — задумался Древобор, — роются в наших отбросах и пугают детей. Однако насколько же хуже простых крыс крысолюди — прямоходящие мерзкие пародии на нас. Они — крысы ростом с людей и наделённые извращённым людским интеллектом и хитростью. Они — тёмная сторона нашей души, пришедшая чтобы покарать нас за наши грехи. А сейчас эти грехи пришли спасти жизни. Кто бы мог подумать, что Кощей Великий был прав, когда спас Кристальную Деву и её, тогда пока совсем молодой и слабый, клан.

— Слушай команду: Иди к стене и сообщи, чтобы крысолюдям пройти дали. — Вышел из своих мыслей командующий.

— Будет исполнено! Ваше Сиятельство. — Поклонившись, древолуд резко развернулся и побежал исполнять приказ, мельком взглянув в наполненные ужасом глаза другого посыльного.

— ВашеСиятельство! ВашеСиятельство! — споткнувшись и поцеловавшись с землей ошалевший полуживой древолуд, выплевывая грязную жижу, заикаясь, продолжил вопить: — Там... Там... Там КАИН!

Лежа в грязи и пытаясь встать, он отчаянно смотрел на ошарашенного старика. — Он... Он перебил всех гномотварей и сейчас идет к частоколу!

— Куда идет? — незамедлительно спросил Древобор. — Откуда он вышел?

— С запада, — с трудом поднявшись на дрожащие ноги, древолуд продолжил: — Из леса, из дыма.

— Что делал?

— Убивал! — чуть ли не рыдая выкрикнул.

Ну, разумеется... Что же ему делать-то? — Шестеренки в мозгу начали слишком сильно друг об друга тереться, стачивая друг друга и мешая работе мозга главнокомандующего.

— Так, — механизм внутри старика встал на место, — давай с самого начала.

— Его увидели, когда он за валом убивал гномотварей. Я с башни увидел, как он обезглавил вождя, повесил его голову себе на пояс. Как трофей! — От обильных жестикуляций летела грязь, от которой никто не уворачивался. Не до этого.

— Одного гномотварина он отпустил... Вначале... А потом, когда подошел ещё отряд, и он его вырезал, догнал и отрубил тому ноги. Гномотварин попытался отползти на одних руках, а Каин проткнул его мечом, повертел им и вытащил, а руку прямо в грудь по локоть засадил! Поднял его, посмотрел в глаза и резко, прям как вампир, вцепился в горло! Гномотварин дергается, а он продолжает пить! Разворотив грудь, Каин вытащил руку, он держал в ней что-то! Сердце! Может он древний высший вампир?

— Глупостей не говори, — Древобор взял за шкурку посыльного и поднял его, затем, не отпуская, быстро повел через лагерь.

Значит, он не только хитер и искусен в охоте, одни его ловушки чего стоят, но и физически силен, поднять одной рукой почти целого гномотварина и держать его так, далеко не каждый из моих воинов так сможет.

— Где сейчас Каин?

— Между валом и частоколом! — Ведомый начинал хрипеть, но смелости вырваться из хватки старика не нашёл.

Идя прямо по тренировочному полю, Древобор молча и бесцеремонно растолкал кивал воинов, слуг и обозных, парочку из которых ударил в морду и отбросил посохом. Следящий за людьми раненый древолюд, сидевший в тени навеса на простеньком кресле обитым мягким темно-красным материалом, местами сильно потертым от походов, местами с новыми заплатками, не мог понять, что происходит. Кто-то с бешеной скоростью идет сквозь слуг, расталкивая тех в разные стороны, попутно калеча. Тщательно всмотревшись и попытавшись выяснить личину наглеца, воину удалось мельком увидеть скрывшегося за палатками старика с клюкой, который тащат кого-то за шиворот.

Подойдя к просевшему, со щелями, местами покосившемуся и опирающимся на вышки частоколу, Древобор услышал неразборчивые команды и увидел бегущих к стене воинов. Ускорив шаг, а затем перейдя на бег, он встретился взглядом со смертельно напуганным дежурным десятником.

Возле стены, в окружении из пятерки бойцов, с горящими синими глазами стоял человек.

— Каин, откуда такое прозвище? Мы же, вроде как, в первый раз встречаемся, а вы уже меня знаете, а я вас нет. Может, познакомимся? Только луки спрячьте и копья уберите. Покалечитесь, — обратился он к окружающим его людям, в первую очередь к лучнику на простенькой деревянной башне, который отдавал команды.

Ради приличия подождав, я так и не получил ответа. Странно.

— Ваша Светлость Древобор! — моляще смотрел на какого-то старика с посохом тот, кто приказал наставить на меня копья. Видимо местный главный Эцилопп.

— Хэй! — позвал я представителя власти. А он мне цыкнул в ответ! — Ой. Какие страсти. Пока кровь стекает по моим запястьям, бонжур и здрасьте... Древобор. — Состроив “дружелюбную” улыбку злодея, я перевел взгляд на тычущего в меня копьем полурослика...

Полурослика...

Они что, все тут в этом сраном заповеднике такие маленькие? Эти хоть на людей похоже. Даже в нормальной броне. Кто-то в кольчуге, кто-то в стеганке. Почему среди этих людей нет никого, кто был бы сопоставим со мной в росте? Да тут даже метр и две трети считаются редкостью.

А может быть это просто они недоедают в процессе роста? — разумная мысль убрала со сцены вечно ноющую.

Хм... Ну так да. Точно! Вон Древобор, хоть и старик, но значительно выше своих подчиненных.

Жрёт за семерых, а то и за десятерых, точно говорю вам, так и есть, — вклинилась осуждающая шестерня разума.

Так! А ну замолкли. Я тут у руля!

Энеральд угомонился и уставился на старика, лицо которого знатно перекосило.

Похоже, я половину слов переврал или исказил, знал же что у Тугарина лучше не обучаться. Теперь тоже шипеть буду, как древняя рация.

— Энэхальд, — позвал меня Тугхарин, — давай без-с твоих рифм и не с-сверкай глазами.

— И то верно, — подхватил Алеша, — а то твои: “треск кожи, отек рожи”, “скрип на моих зубах — твой обгорелый прах” уже и нас пугать начинают.

Повертев головой, увидел, как ко мне идут два брата, — а вы откуда тут появились? — смотря через головы, начал сверлить непонимающим взглядом Алешу.

— Нам ворота открыли, — ответил он и указал на повозку, представляющая маленькую часть забора, любезно отодвинутую двумя привратниками для мохнатиков.

Я, присмотревшись к башне возле “ворот”, понял, что и она сделана из телеги, вернее, нескольких поставленных друг на друга телег.

— Эвоно как, да? Это значит, я чуть на кол не насадился, перепрыгивая этот сраный забор, а вы тут просто через ворота зашли?

— Угу, — синхронно кивнули братья.

— Какого хера вам их открыли-отодвинули-то?

— Мы Вампалы, — пожали плечами, — когда-то наши предки служили Кощею Великому, а сейчас служим ему мы. Наш бог, Кощей, когда-нибудь вернется на эту землю, тогда один из нас станет его герольдом. И это будет вождь Вампалов, мой сын, сейчас он третий в иерархии жителей леса. Мы же тебе рассказывали.

— Наверно да...

— Кхм, — обратил на себя внимание Древобор, — вы уже знаете как меня зовут, может быть и вы представитесь? — Старика начинало потряхивать. Явно не от страха, как опустивших копьа древолюдей.

Первыми ответили вампалы:

— Алеша.

— Тугхарин.

Старик с клюкой на меня требовательно уставился.

— Знаете, — почесав голову, начал я, — мне сотня лет, я упал из тьмы небесной. Я из Торжка, от мил дружка. Шел на восток, а пришел с запада, — и ведь нигде не соврал. Ай да я, ай да я...

— Каин, — позвал Алеша, пока на лице старика начали проступать пульсирующие

вены.

— Каин? Вот и моё первое имя... — начал улетать я в небеса, где обитают мои сны, охраняемые плюшевыми медведями с автоматами, — знаете, я, когда попал сюда и потерял все что имел, сказал, что эта земля будет пестреть моими именами. И вот меня уже зовут Каином, даже независимо от меня.

В этот момент я почувствовал вкус жизни. Я, черт подери, вспомнил свою цель. Первую озвученную мной. И имя дали красивое. Мне нравится.

А это значит, что мне нужна более глобальная цель., может даже мечта. Хах. Вот уж нет. Я знаю, что я дальше буду делать. Я должен привести цивилизацию к покорению космоса, попутно защитив её от самоуничтожения. Я как раз бессмертен. Делать всё равно нечего будет. Нужно создать себе какой-нибудь род, или же примазаться к кому, а потом от его лица двигать цивилизацию вперёд. Лучше даже к нескольким родам. Найти сподвижников, неплохо было бы... Жену нельзя. Если увижу, как умирают мои дети — сойду с ума. Легкое помешательство — это не безумие. Хорошо бы мне ещё...

— Угу, и мне понравилось то, как они тебя прозвали. Очень метко попали. — Прервал ход моих мыслей Алеша.

— Постой, как это расшифровывается?

— Сумеречный охотник.

— Сумеречный охотник, — просмоковал я каждую букву. А ведь метко попали. Я, вступив на эту землю, только и делал то, что охотился, к тому же чаще всего на рассвете. Да и ловушки проверял до обеда.

— Алеша, подай мой рюкзак. — Даже не смотря на него, я был уверен, что именно он поднял мой скарб, поскольку он что-то нес на спине.

— Не у меня. У меня только Дубовик.

— Кто?

— Дубовик. — Вампал стянул со своей спины уродливую медвежью голову. — Тот, кого ты убил, когда встретил нас. Ты её засушил и в зале обвалял, и пропитал чем-то, так что она не очень выглядит, но если отскрести череп, то трепей завидный. Ты сам мне его дал, чтобы потом продать.

— Достопочтенный Каин, позвольте обратиться, — сняв оцепление, Древобор подошёл ближе, — могу ли я узнать вашу расу? Я Древолюд, — холодная пробирающая змеиная речь потянулась по округе, вызывая приступы страха у окруживших меня людей... Древолюдей. Даже мне стало как-то не по себе.

— Можете, — собрался я, — но разве по мне и так не видно, что я человек?

— К моему сожалению, я не могу сказать, что вы человек. Я не думаю, что вы не человек. Кто угодно, но не человек, — продолжил холодно говорить старик.

А кто я тогда? — Задал сам себе вопрос Энеральд.

— Нефилим, — придумал он.

Нефилимы, как и Боги с Ангелами и Демонами, есть везде. И они у всех ассоциируются с, как минимум, нейтральными существами. К тому же, они предки людей.

В человеке борются две силы, злая и добрая, только он решает, кем в конечном итоге станет.

Первыми были Ангелы и Демоны. Первозданные Добро и Зло. За ними были Нефилимы, древняя раса, появившаяся почти сразу вслед за заселением Небес и Преисподней, но, в отличие от первых, они были без собственного мира. Изгой, с великой

силой, создали первый искусственный мир — Эдем. Там они жили в уединении и счастье, пока молодые расы не начали им докучать.

Так началась Первая Война В Небесах. Самая жестокая и кровопролитная за всю историю существования и пошатнувшая баланс Цикла. Цикла, который начинал и заканчивал жизнь во вселенной. Цикл люди потом прозовут Большим Взрывом, а его конец... А конец они не увидят... Или не переживут... в отличие от двух рас Предтеч, которые боящиеся Конца, с одобрения Богов, напали на Нефилимов. Они хотели узнать, как выжить. И им категорически не нравилось то, что есть существа, неоднократно пережившие Великий Конец и, в теории, способные разрушить Цикл.

Предтеч боялись смерти, боялись неминуемой гибели и перерождения. Они веками делали все, чтобы встать в один ряд с богами. Она сами возомнили себя таковыми! За это и поплатились.

Главы Нефилимов понимали, что Конец близок и, что им нужно уничтожить все порочные расы, дабы они после нового Большого Взрыва не сохранили память и силы. Для этого им необходимо преимущество, о котором их текущие и будущие противники не должны ничего знать. Нужно было то, что даст шанс немногочисленной одинокой расе победить всех Предтеч, а Предтеч было чуть ли не бесконечное количество, так же ещё нужно успеть до начала конца Цикла. И оружие было найдено. Нефилимы начали мастерить оружие из своих погибших товарищей. Плоть, кости, кровь, органы и душа — все нашло применение, все стало оружием.

Пока Нефилимы обретали свои силы и ковали свое величие, Предтечи планомерно уничтожали планету за планетой, мир за миром, и, когда осталось буквально пара малонаселенных колоний, Нефилимы дали отпор, они перешли в наступление. Последние представители расы уничтожили бесчисленное количество миров. Боги были в ужасе от того, что их детей нещадно убивают, но поделаться с этим уже ничего не могли. Они даже самих себя не могли защитить.

Нефилимы так погрязли в кровопролитии, что забыли о первоначальной цели, потеряли самих себя, и, стерилизовав все миры, ужаснулись от деяний своих, которые начали приносить им удовольствие. Они решили, что им не место в новом Цикле. Был создан совет, куда было избрано лишь тринадцать, у каждого из них была своя цель. Кто-то наблюдал, кто-то помогал не сгнуть в водовороте жизни, кто-то сдерживал поредевших богов от вмешательства.

Все тринадцать вошли в новый мир как Хранители. Хранители наблюдавшие за младшими расами, а при угрозе мирозданию — немедленно исправляющие ситуацию.

Так прошло множество Начал и Концов, пока не показали головы Предтечи. Две расы, выжившие в ходе стерилизации, попытались отомстить. Тринадцать Хранителей заставили богов уничтожать собственных детей, но в процессе чуть не развязали новую Войну В Небесах. Тогда ими было принято решение договориться.

К началу нового Цикла между Богами, предтеч и Нефилимами образовался шатких, но союз.

Боги должны помогать новорожденным расам не умереть, находить среди них достойных представителей, которые помогли бы улучшить существующий миропорядок, и помогать им.

Предтечи должны охранять малочисленные миры богов и единственный мир Нефилимов. Они должны содержать и защищать миры заповедники, в которых жили

представители всех, когда-либо существующих рас, и им категорически запрещалось всячески вмешиваться в любые дела. У них есть небольшое пространство для бессмертной жизни, за которое они не должны заступать.

А Нефилимы продолжили хранить мироздание и баланс Цикла. За одним исключением. Они стали основателями людской расы. Самой многочисленной из когда-либо существовавших. Эльфы, Гномы, Орки, Феи, Нимфы, Гоблины — все они похожи на людей, а значит, когда-то были Нефилимами. Даже Ангелы и Демоны стали походить на людей.

Может быть, поэтому Великий Создатель даровал невероятную силу Нефилимам, но лишил их собственного дома, поскольку их дом — вся Вселенная?

Так или иначе, эту историю знают все. Со своими особенностями и допущениями. У одних Нефилимы герои, у других соперники Богов.

На Земле, Нефилимы известны как посланники богов, в том числе и всадники Апокалипсиса.

Апокалипсис всего лишь означает: “Открытие занавеса, снятие вуали с чего-то, что до этого было скрыто”.

Люди — ближайшие потомки Нефилимов, выродившиеся потомки великих существ.

Красивая легенда, объясняющая почему расы настолько друг на друга похожи, и почему Предтечи бездействуют, никого не пуская на свою территорию, как пружинка выталкивая зашедшие корабли обратно к месту пересечения границы.

Вот так и живем: Боги слабеют с каждым Циклом, заново набирают силу и стараются не меняться, Демоны и Ангелы заперты в своих мирах, лишь изредка просачиваясь в другие миры, не помня своих прошлых я, Нефилимы скрытно хранят мироздание, Предтечи стагнируют.

Человечеству всегда было интересно: Есть ли Создатель? Откуда произошли Боги? Почему их так много? Как они появились? Или же их тоже создали? Может Боги, Ангелы, Демоны, Нефилимы, да и Люди — все живут во сне какого-то существа, который плывет по океану?

Так, к примеру, у некоторых молодых рас, Дьявол — это Отец. Он Отец потому, что именно дьявол, по их мнению, вложил в них душу (разум). Когда существо умирает, его тело (прах) достаётся богу-создателю мира, а душа возвращается обратно к Дьяволу.

Безмянный творец. Кто он?

Позднее старшие расы смогут дать Людям ответ на этот вопрос. Такой старшей расой станет Вермерид. Они, только что, встали во главе Союза Пяти Лун, взяв под свое крыло сотни новорожденных покорителей космоса. Взяли же не просто так.

Выглядающие как рептилоиды с известной планеты, они приложат немало усилий, чтобы люди начали бороздить космос как можно раньше, ведь в людях сильна кровь Нефилимов. К тому же, Людьями являются их заклятые враги. Можно даже подумать, что Люди с планеты Земля — это потерявшиеся колония Людей родом с совершенно другой планеты.

Так или иначе, старших рас немного, всего около сотни, но каждая из них приблизилась к тому уровню развития, когда их даже Предтеч бесконечно игнорировать не могут.

Каждый, кто входит в сотню, копит силы, создавая бесчисленные союзы и собирая подле себя будущий расходный материал. Они готовятся к войне.

Пока в это время на большом просторе, где-то в звёздном море в мириадах света кружится Земля, вращается, как маятник качается. Но эту планету скоро поцелует небо.

И вот уже динозавры все, как один, поумирали, даже парантропы тупиковой ветвью

уши в грязь. Гробницы оказались пустые, и святые погрузились в трясины, пока сгущался дым от коптящих заводов, и ракеты летели от бесконечный строк кодов.

А сотня все готовится...

Они все кричат:

— Большой Взрыв кончен!

Предтеч сообщают:

(Он труднообъясним...)

— Этот мир не вечен!

(И вы вместе с ним...)

— Мы не сгинем! Мы вас скинем!

(А года мелькают и тают — это ваше время...)

Глава 11

Почему я сказал, что я именно Нефилим?

Может, потому что они чуть ли единственные, кого они точно знают? И без крыльев, хвоста и тому подобного. Да и я как-то не похож на Бога, даже на свергнутого заморыша. А как к другим расам может отнестись Древобор — я не знал, да даже предположить не мог.

Я взял свои заплетённые в длинный конский хвост волосы, которые почти доставали до пояса и которые отращивались для того, чтобы позже пустить их на нитки, и хорошенько их отжал. Алая жидкость, смешавшись с капельками дождя и грязью, медленно начала стекать. Каждая капелька намертво приковывала взгляд древолюдей. Косая улыбка и отрубленная голова на поясе довершили образ знакомому им Каина.

Находясь в центре внимания, мне захотелось хорошенько отдраить свою тушку. А то скоро кровь и грязь полностью засохнут и начнут натирать и адово вонять. Теперь, когда я об этом подумал, все заудело. Благо бороды больше нет, и ожог с лица ушёл.

Вытащив из принесенного Тугарином рюкзака деревянную расческу, которую я очень долго и кропотливо вытащивал из полена, тогда хотелось хоть что-то сделать не из кости или кожи зверя-монстра, начал расчесывать волосы, но понял, что смысла в этом нет, они слишком сильно запутались, теперь только отрезать. Чем я и занялся, прямо на глазах у шепчущихся воинов, которые разомкнули строй и теперь походили на вооруженную толпу, которая расслабившись болтает о моей расе, и большие глаза у нее теперь не просто смотрят, а осматривают и присматриваются, вечно мечась между мной и стоящим за их спинами стариком.

— Нефилимы мертвы! — неожиданно закричал Древобор.

Долго же он обдумывал мои слова.

Толпа сразу же насторожилась и умолкла, по-прежнему уставившись на меня.

Убрав расческу в рюкзак, достал из него полоску мяса и, кинув вопросительный взгляд старику, начал жевать, как жвачку. — Как раса? Думаю да. Все до одного? Конечно, нет.

— Как ты выжил во время Столкновения Трех Миров? Как ты пережил самопожертвование своей великой расы? Кто ты такой? Предатель?! — С каждым новым вопросом, речь все сильнее переходила в крик, утрачивая свою холодность, четкость и выверенность. В конце концов, буквы переставали тянутся, они скапливались в горле, на последнем вопросе, Древобор подавился и со свистом закашлялся.

— Не обращая внимания на задыхающегося визави, я, продолжая жевать кусочек мяса, надменно ответил:

— О чем ты? Меня тогда даже не было... Не родился ещё... А если продолжишь меня оскорблять... посажу на кол... Воон их сколько, — я обвел руками частокол. — Выбирай любой.

Старик, наконец, откашлявшись, усмехнулся и высокомерно посмотрел на меня, и взгляд был полон презрения. — Ты не выглядишь на тысячу лет, ты слишком юн.

— Так я бессмертен. Я, блин, не старею. Ты уже и сам должен был догадаться, все же целую сотку лет в лесу ютюсь.

К ноги Древобора подполз маленький корень, казалось, что он хочет играть. Старик

сделал вид, как будто не заметил, и, опираясь на посох, поперевалялся с ноги на ногу, как медвежонок, что-то обдумал.

— Докажи, что ты Нефилим. — Сказал он.

— Помнится, Нефилимы делали оружие из своих костей, — Энеральд повертел своей рукой, помял ее, чтобы слегка изменить механизм, — верно? — Озорно и косо улыбнулся, приподняв верхнюю губу и показав желтоватый клык.

— Так во-от, — сыграв бровью, я начал медленно оголять клинок богомола. Выглядывая, он прорезал плоть, сочившаяся кровь покрывала руку новыми алыми узорами, смывая кровь гномотварина, которого я сначала отпустил, а потом, немного озверев, от того, что он не захотел просто убежать и жить подальше от меня и, от того, что он проглотил выпавшую золотую монету, укоротил его, поднял одной рукой и, посмотрев ему в горло, вырвал сраную монету прямо из его груди другой. Со стороны, наверно, это выглядело как-будто я, словно вампир, отведал его кровь.

Я достал эту монету и начал катать ее правым кулаком. В это время глаза вспыхнули ярким синим пламенем, озарив налипшие на лицо и пропитавшиеся грязью волосы, мне оставалось только невозмутимо смотреть прямо в душу старика, и я не остановился до того момента, пока клинок не предстал в своей полной красе, слепя зайчиками присутствующих, — этого достаточно?

— Пожалуй... Да.

Все присутствующие отшатнулись от меня, даже Вампалы, неожиданные такого представления, кинулись успокаивать меня.

— Стой Энеральд! Не надо, он не...

Не, я уже его не слушал. Мои мысли были чем-то забиты. Это что-то планомерно начало сдвигать крышу.

— А-А-А-А-Аааа! БЛЯ-АААААА-ГР-Р-РРРР! — Неожиданно я закричал-заревел, да кусок мяса сбежал изо рта, и, неожиданно, этот рев помог, успокоил, правда, на меня снова направлены копыта и луки, а старик так вообще споткнулся и упал в грязь, необычайно бодро вскочил и, как-будто ничего и не было, продолжил опираться на резной посох.

Боже мой, как же этот старик бесит. Надо срочно выбираться из этого чертового леса. А то и прибить могут. У людей можно всё с чистого листа начать. Надеюсь, там у меня не будет прозвища.

— Пожалуйста, помоги им! — Неожиданно обратился ко мне Алеша, — Как видишь, у них все очень плохо. Вон какие все побитые...

... и трусы — добавил про себя.

— За свой народ переживаешь? — Я искренне попытался подавить усмешку — не вышло. — Если где-то человек попал в беду, ха-ха, я его фигуру мелом обведу. Гхе-ха

— Я переживаю за ту, кого они хранят. — Скорчив жалобно-молящуюся мордочку, мохнатик взял меня за правую руку и принялся смотреть снизу вверх, — пожалуйста.

Тяжело вздохнув, я снисходительно оглядел воинов. Они, и вправду, были серьезно побиты. Почему-то только сейчас я заметил то, что некоторые из них выглядели совсем как манекены, деревянные такие, с копьём и щитом. Позже нужно будет расспросить о них у братьев.

— Знаешь, дружок-пирожок делинквент, — обратился я к Древобору, — Каин пришел сюда жевать жвачку и убивать. Жвачку, как видишь, я больше не жую, а это значит, что я скоро кого-нибудь убью...

— Э-э-э, — словил я приход от накаляющейся обстановки, — в смысле, вам невероятно повезло, потому как к вам в лагерь только что пришел знаменитый наемник. И не абы какой, первоклассный Чатланин! Вы его все знаете. Для меня секрет почему. Ну да бог с вами... Возьмет этот наемник совсем немного. И даже не золотом или серебром, а вещами.

Древобор хотел что-то ответить, но я ему не дал. — Вам, каплунам, нужно дать ему хорошую одежду, броню да оружие всякое, желательно меч и копье, к щиту он не привык, но и его лучше тоже дать. Разумеется, еду, тащите всё: вяленое мясо, рыбу или овощи там какие — не суть важно для меня, главное чтобы долго все хранилось и было питательно-вкусно. Ещё воду дайте — вино иль пиво, что-то, что быстро не скатится в “паршиво”... Хэх. Помнится, грибочки ел... и меня не смутило то, что они уже соленые, хотя я их не солил. Вкусные были. Сейчас что-то захотелось найти их и зажарить. Только вы не пробуйте их, грибочки, возможно, ядовитые.

— Так вот, к чему это я... А! самое важное: после того, как его никто не сможет сломать, и враги начнут бежать, да и осада будет снята, он должен попасть к людям. С помощью карты иль проводника, с вами или без — не суть важно.

И только попробуйте его предать, — грозно добавил я про себя.

— Эх, — не убирая клинок, опустил руки, выпрямился и поднял голову к небу, которое почти полностью заволокли тучи, мелкий морозящий дождик активно набирает силы. Скоро начнет лить как из ведра. Слизав с верхней губы небесную воду, я сказал на родном языке:

— Как же мне нравится ругаться в мире, где тебя никто не понимает. Помогает снимать тремор рук. Тряслись бы они у меня ещё... Гы-хы.

Неизвестные слова из моих уст вырвались предостережением с нотками молитвы. Интересно, насколько страшны для окружающих мои усмешки? Мне, почему-то, захотелось закурить. Надо было больше всякой местной травы курить, может быть, нашел бы что-то стоящее. Так или иначе, вальяжно встав, я продолжил:

— Понимаю, что для вас этот наемник слишком опасен, но и вы должны понять, а точнее посмотреть на тех с кем он пришел.

— Смотрите! — Я положил руку на голову Алёше и потрепал её, Тугарин оперативно встал рядом. — Это Вампалы. Я однажды сказал, что буду их защищать, можно сказать, усыновил уродьевых, а теперь, они седые! Как я слышал, Вампалы редко доживают до седин.

— Да кто ж этих Вампалов видел-то? Может они все седые, — какой-то гений из толпы, подняв голову, выкрикнул. — Ай! — Его свои тут же успокоили при помощи удара по макушке.

— К тому же, я подозреваю, что вы обо мне знали, но так и не решились пообщаться. Почему не пришли и не избавились? Потому что я слишком опасен и безобиден одновременно. Я никого не трогаю до тех пор, пока смертники сами не вступят на мою землю и не нападут. К тому же, все привыкли, Не первое ваше поколение я живу в этой части леса. Не так ли?

— Ну и последнее, если мы станем врагами, то все в этом лагере умрут. Может быть, не от моей руки, но те, кто вас осадил, будут безмерно счастливы узнать, что вы не только убили самое сильное существа в округе, но и сами поубивались об него. Тот, кого вы защищаете, тоже попадет в руки к нашим врагам.

Взяв в руку меч-Кладенец, я спросил:

— Ну так что, Древобор? Будем биться, или я помогу спасти жизнь твоего господина?

Немного подумав, что-то взвесив, он не захотел дать ответ, но захотел спросить: — Кто такие Чатлани?

— Те, кто меня вырастили. Они были людьми. Давно сгинули.

В следующий раз лучше не буду испытывать судьбу и играть. Вдруг закопаю сам себя. Хорошо, что его только одно слово заинтересовало.

Тяжело вздохнув, Древобор подозвал братьев и вышел вперед воинов. Пару минут они о чем-то перешептывались. Благодаря первоклассному слуху, мне удалось уловить обрывки фраз и слов.

— ... Силен? ... в одиночку?!.. Что будет, если он... опасен для нас?... Пусть... Ольге.

— Я её маленькой знал... Её отец, Кощей VIII...

— Я ручаюсь с-своим именем и...

О моем происхождении и стоит ли доверять моим словам, они не обмолвились, или я не услышал. Тугарин поручился за меня своим именем и потомками. У него, оказывается, их целых пять. Теперь у меня есть сдерживающий фактор. Я, похоже, и вправду стал отцом. Так или иначе, вот она: сила связей.

Теперь нужно узнать про местный апокалипсис, который Нефилимы разрушили, погибнув. И погибнув ли? Хорошо, что я не додумался приплести других существ.

После переговоров-перешептываний, братья вернулись ко мне, Древобор так и остался стоять на прежнем месте, сзади него выстроился полукруг древолюдей, вставших по стойке смирно и направив копыя в небо.

— Есть ли бог, которому вы служите? — задал вопрос старик.

— Мне боги не нужны, — я слегка повертел головой, — я бессмертен, и Нефилимы никому не служат. — Оценив невозмутимое морщинистое лицо Древобора, понял, что пора заканчивать. — Вижу ты принял решение. Тогда дайте мне то, о чем я прошу, и мы, ближайшее время на одной стороне. С одной целью, задачей и будущим. Ты согласен со мной?

— Да помогут нам боги, — слегка опустив голову, он начал меня жалеть.

Мне не понять, что скрывается за быстро сменяющимися друг друга чувствами. Может быть, они лишь фикция, а может, он просто сам по себе такой непостоянный. То гневается, то жалеет, то включает режим ледышки. А может, это просто я так его воспринимаю? Я себя так веду?...

Сейчас не время для бессмысленных речей внутри себя. Сейчас нужно ответить так, как когда-то сказала одна умная особа, прозванная семёркой из-за отсутствия среднего пальца на правой руке и безымянного с мизинцем на левой.

— Боги никому не могут помочь. Они прямо как мы, смертные, тоже глупенькие, испуганные, не знают что делать. Никто тебя не спасет, никто, кроме тебя.

— Вы теперь тоже смертны? — метко подметил мой несостоявшийся враг.

— Да. Я могу умереть, а это значит: я смертный, хоть меня невероятно тяжело убить, и я не старею. Совсем... Не старею... — съязвить про возраст, глядя на старика. Во мне что-то не то просыпается.

— Почему вы решили к нам присоединиться и помочь в грядущей битве?

— Я понял, что мир равнодушен, как острые скалы. Жизнь — это бедствие: землетрясение, ураган или кораблекрушение.

— Можно подумать, что жизнь бывает какая-то другая. Если она не похожа на кораблекрушение, то зачем тогда жить?

— Этот вопрос не ко мне. Задай его самому себе, — парировал я.

— Вы думаете, что вы скала, а не корабль, который об нее разобьется?

— Я чувствую подвох в этом вопросе. Ты говоришь так, словно выбрал для меня роль, роль корабля. Значит, ты думаешь, что мне суждено разлететься на куски? И кто же будет скалой? — Я почувствовал легкое дуновение ветра, принесшее пару больших, может быть даже некогда морских, капель.

— Знаешь, — не дав времени на ответ, Энеральд продолжил: — я больше похож на ветер. Я иду, плыву, лечу туда, куда сам хочу, а хочу я на восток, и идти буду до тех пор, пока звёзды не остынут и Боги не исчезнут. До тех пор пока бессмертный дух не узнает, что такое не быть.

“Пока Цикл не начнется сначала...”

— Есть ли другая причина? — спросил старик.

— Ты веришь в добро? — Древобор ничего мне не ответил. — Когда растворись ты в огне или земле, кто вспомнит о тебе? Я думаю много кто. И я верю, что в день, когда я, к небесам взлетая, этот мир оставляю, ты вспомнишь обо мне, — я подмигнул ему.

Старик проникся моими речами, но быстро привел себя в порядок и продолжил выпытывать скрытые мотивы: — Почему тебе надо именно к людям. Чем мы хуже?

— Это сугубо личное, Древолюд.

Я не решился сказать, что этот лес сводит меня с ума. Я морально не готов в нем прожить свою вечность. Я хочу в небеса, там есть такие же как я. Для этого мне нужно найти спасательный челнок, как-то починить его, поскольку, я, скорее всего, на планете-заповеднике, не могли же различные расы в такой количестве сами зародиться, да к тому же в докосмическом мире. то, думается мне, что эта планета экранирована и находится где-то на территории Предтеч, которые незамедлительно телепортируют все корабли из своего пространства. В теории, меня выкинут где-то около обитаемого мира, если нет, то просто пошлю сигнал SOS.

Если не получится найти или починить челнок, у меня целая жизнь есть на этот случай. Интересно, что будет если с моей помощью столько различных рас с одним родным миром разом получают доступ в космос? Кем я стану для них?

Так или иначе, это дело далекого будущего, а сейчас, мне лучше не питать иллюзий насчет своей команды, её или не найти, или все давно умерли своей смертью. Несомненно, я один такой “везучий”. Киборг-убийца испивший Ихор. Узнают Предтеч, откроют на меня охоту... Хорошо, что их никто никогда не видел, не буду же я первым?... Эх, знал бы раньше, может смог бы продать Ихор на черном рынке, а потом нужно всего лишь прикупить планету, лучше две, и жить свою пару сотен лет в изобилии, разврате и счастье со всеми грехами, а не, вылакав все, сидеть в лесу и сума сходить целый век. Черт подери, со временем, даже сок ивы вкус свой поменял и выдохся, а я так пристрастился, что только недавно это заметил.

Задумавшись, я пропустил мимо ушей слова Древобора, он, заметив, не стал заострять внимание, поменял лицо на “дружелюбное” и включил свою монотонную речь:

— Хорошо, так и быть, следуй за мной, — он, махнув воинам, развернулся спиной ко мне и прошел через расступившееся строю, казалось, что из его рта идет холодный пар.

Между Древобором и мной появился коридор, больше напоминающий некую процессию, по краям которой, приведя себя в порядок, вытянувшись и направив копья в небо, встали воины.

Окрашивая голую землю в багровый цвет тонкими стекающими струйками воды, поскольку усилился дождь, и теперь он пытается меня отмыть, я взял в руку голову Дубовика, (не с пустыми же руками идти к нанимателю) и вместе с моими мохнатиками медленно и настороженно начал двигаться к будущему. Все таки эти древолюди, со страхом в глазах, недавно были готовы убить меня, и страх никуда не пропал.

Встав прямо напротив, глядя сверху вниз на старика я спросил:

— Когда это мы перешли на ты?

Не поднимая головы и глаз, он начал вить ниточку из грубых букв, тем самым образуя слова: — Ты перешел тогда, когда перепрыгнул двухметровый частокол, а я — только что.

— Ну да, — я оглянулся назад, — для вас он и вправду... высокий...

Глава 12. Оставайся. Покурим

Глава 12. Оставайся. Покурим.

По пути к своему нанимателю, Энеральд то и дело глазел на знамёна, на которых были изображены два когтя поверх дерева, вечно спотыкался о проросшие тут и там корни и ловил на себе ошарашенные и ничего не понимающие взгляды из многочисленных вертикально ориентированных шатров с круглым или овальным основанием, с одним или двумя опорными шестами. Гнетущую атмосферу старательно подкрепляли часто слышимые приглушенные крики и ужасные стоны, доносившиеся из шатров меньших размеров с квадратным или прямоугольным основанием.

От каких либо действий со стороны воинов, Нефилима спасал Древобор, который шёл впереди и одним своим видом создавал беспрепятственный проход к центру лагеря, где их встретила высокая красивая девушка с русой косой до поясницы в легком сереньком платье с необычным узором выполненным в виде веточек молодого дерева. Она представилась Гианой и проводила нас до огромного местами опаленного шатра, вход в который сторожили два деревянных Энта вооруженных копьями... С перекладиной.

Чипиздриковы копья были без такой шуки. Да... Вот и спрашивается, то что копья без перекладин — это удача? Наверно, если бы перекладины у них были, они бы смогли свои копья вытащить из меня и снова вонзить. Значит, им просто не повезло?

Везение штука донельзя спорная. Вот сидишь и думаешь: “Где бы достать поесть? Поохотится что ль?” И тут на тебя выбегает трехметровый медведь. Вроде еда, а вроде и нет. Кто из вас кому добыча? Или тебе нужно пересечь реку, и тут на твою голову падает метеорит, реки как небывало. Удача или неудача? Тебя нет — это неудача, но и реки нет. Тогда всё же удача?

Ой, ля, я высасываю из нихуя дохуя философские вопросы. Какая мне разница повезло или нет? Я знаю одно, дохуя — это только половина, на том и сочтемся. А терь съебали нахуй шестеренки ебаные! Мозги мне кипятят. Про всякие слова гадкие заставляют думать...

Увидев нас, манекены расступились. Первой зашла Гиана. Мы покорно начали ждать. Из шатра на двух ногах вышел полутораметровый крысюк, крысище. А мы всё ждали. Затем пригласили войти Древобора. Мы ждали.

— Больно долго ждем, не так ли? — выразил свое недовольство я.

— Будть тэпелиф, — ответил Тугарин.

— Как зовут главаря-то?

Алеша посмотрел на меня как на дэбила, похоже, ранее мне говорили.

— Оль-га, — медленно процедил он.

— Да-а? Женщина?

— Угу, — кивнули братья.

— Ну, тогда к черту! — Ловким движением руки отбрасываю одного манекена и отпинаваю другого. Разница в весе и росте для них оказалась фатальна, но для их оправдания, они успели вонзить в меня свои копья.

Отодвинув ткань, которая была вместо двери, и влетев внутрь, я увидел, как переполошились древолюди внутри.

— Ой, да ладно вам, — махнул рукой Энеральд присутствующим, глазом зацепившись

за сидящую на столе Лесавку.

Какая красавица, давно не спала правда. Глазища красные, лицо опухшее, — подумал он и ляпнул:

— Утро в хату, смерть патриархату! — и получил удар в бок от Тугарина. Но ему было мало.

Древобор тут же принялся успокаивать стражу, которая успела всадить в Каина три копья.

Энеральд хитро посмотрел на Ольгу и, подмигнув, с непреодолимым чувством превосходства принялся доставать из себя инородные тела, попутно пачкая всех кровью.

— А чего ты как пожарник тут сидишь? — продолжил я. — Ждешь своего пожарного?

— Пожарник? — с глубоким непониманием и нотками гнева спросила Лесавка.

— Погорелица, то бишь. Вон шатер весь в черных дырках да, и сама выглядишь побитой. Смешно же, разве нет?

Мне показалось, что от моей шутки у всех с грохотом упала челюсть.

Всё-таки смешно, — подумал я.

— Энегрхальд, — вышел из ступора Тугарин, — поз-своль нам с-самим догхovorится.

— Э, а я?

— Мы знаем что ты хочешь, и ты это получишь, — взял меня за руку Алеша и начал выпроваживать, — но ты сам, думаю, понимаешь, что твое присутствие всех нервирует. Нужно сначала её подготовить к тому, кто ты и что мы на одной стороне, — потянул он меня к выходу.

— Ну, допустим. Но я пришел с подарками, — Каин ловко вывернулся, тем самым вырвавшись из лап мохнатика.

— Держи, — я с грохотом положил на стол голову медведя, вернее почти голый череп.

Вздрогнув, Ольга спрыгнула со стола и отошла от меня на почтительное расстояние. Не обращая на это внимание, я попытался сорвать с пояса вторую голову, она не поддалась, всё с крючков не хотела сниматься, пришлось отрезать ножичком ирокез и поставить её рядышком с черепом.

— Вот собственно...

— С-с-спасибо, — начала заикаться Лесавка.

— А, нет. У меня ещё рога есть в рюкзаке и пара шкур. Достать?

— Б-благодарю... но я, пожалуй, откажусь...

Пока я дарил подарки, Древобор нашел трех молодцов и, выдворив меня из шатра, сбагрил им, чтоб я был под присмотром. Рюкзак хоть не отобрали. Там много чего интересного. Хе-хе.

Из шатра ещё долго, непомерно долго, доносилось что-то вроде:

— Да он конченный! Сумасшедший уёбок! Убить его надо! Связать и расчлениить! Да я ему лицо обглодаю! Кожу сдери и живьём закапаю!

Может быть, про конченого мне и послышалось, но всё остальное точно было. А может, и нет. Какая разница? Дождь ведь перестал идти? Перестал...

— Брр, — начал я замерзать с приходом полдня, продолжая посмеиваться над Древолюдьми, которые вздрагивали от каждого моего вздоха.

Выждав момент, я снова сделать морду кирпичом и хмыкнул. Воины почти не вздрогнули. Правда, ключевое слово: “почти”. Вероятно, они уже миллион раз прокляли свою удачу. А мне смешно. Хе-хе... Как же мне нравится смотреть как пугаются мои

надзиратели.

Хитро улыбнувшись, решил поиграть по-другому. После нескольких месяцев тренировок, с помощью нанитов я научился контролировать свое зрение. Если у меня глаза выглядят как у обычного человека, то я и вижу как обычный человек, а если глаза начинают полыхать синим, то для меня наступает вечный день. Единственный минус, так это то, что любая эмоция, сразу же заставляет глаза светиться, что убивает во мне человека и пробуждает всем известного Каина, хоть сам я при этом никак не меняюсь. В лагере я ни разу не “гасил” свои глаза. Пусть думают, что я так не умею, но вот заставить посильней светиться... Хе-хе...

Смотря прямо на Ивара, так звали главу смотрителей, я увеличил яркость своих глаз. Тройка не везунчиков посильней сжала в руках копьа, но ничего больше не сделала. А жаль...

Вскоре, мне надоело, и, сидя на табуретке возле лагерного костра, я уже откровенно докапывался до своих смотрителей, но они всё никак не хотели общаться.

— Какие вы скучные, — сокрушался я. — Вон, ваши бухтят на меня почём зря в своём сине-белом шатре, а вы...

И тут я задумался. Почему мне не было холодно, когда лил дождь, и я вымок до нитки? Сейчас я сухой, сижу у костра, но замерзаю... Ладно, хоть высох, да даже крови не так уж и много на мне осталось.

Повезло ли, что начался дождь, и он смыл с меня всю кровищу? Какая разница, надо с волосами что-то делать, или срезать их, или пытаться привести в порядок. Гуань Дао, так или иначе, нет, продолжать косплеить императора поднебесной я не смогу, значит, долой волосы.

В раздумьях, я достал золотую монетку и начал ею играть, как какой-то пират между пальцев гонять. Охранявшие меня воины поуспокоились и начали следить за монеткой, позже решили сесть на пеньки рядом со мной.

Быстро они перешли от страха к простому недоверию. Всё же, при них я вытащил из себя копьа, от которых они бы в корчах загнулись, и мои раны исчезли прямо у них на глазах.

Наверно, я для них некая ожившая детская страшилка. А может и не детская. Есть ли у них вообще такое понятие, как детство? Или пятилетние дети — это просто маленькие слабенькие древолюди?

Я хотел снова пристать к одному из воинов и спросить про детство, но тут мимо нас вымаршерывает орк. Коричневый бугай чуть больше двух метров ростом в штанах и с голым торсом, но в многочисленных украшениях и висюльках, преимущественно из костей, зубов и камушков, в очень коротком плаще с сантиметровыми желтыми иглами, больше похожем на игольчатую гриву на спине, еле прикрывающую вещмешок и мешающая темным дредам без чёлки.

Он значительно выше меня, удивительно, — подумал я.

Быстро приближающийся бугай что-то орал:

— Я гнорина в драке ударил по сраке своею большою ногой, и гнорин надменный упал убиенный за сраку держась рукой!

Шнырявшие тут и там древолюди, предпочитали не замечать орка, меня же волновала следующая цепочка вопросов: Гнорин — это сокращение от Гнотварина? Или Гнотвари? Это как человек, но люди? И почему кто-то говорит гнотварь, а кто-то

гномотварин? Это диалекты?

Орк подошел совсем близко к костру, — ВО, — показал он пальцем на меня, — зенки синие... Крутой.

— А ты ещё что-то наподобие знаешь? — поинтересовался у него я.

— О-о-о, я про мишку знаю... Кхм...

Мишка злобный в лес пришел!

Мишка злобный хуй нашел!

Но не рад был мишка!

Мишка плакал и стонал!

Жопу лапой прикрывал!

— ГХА-ГХА-ХА-ГХАЭ, — громогласно начал ржать он от своих стихов.

Предчувствую нескучное начало вечера у костра, — подумал я.

— А ты мне по душе. Садись, — согнал я рядом сидящего охранника древолюда с его места, поймав недобрые взгляды остальных воинов стоящих неподалёку. — Может что-то вместе споем?

— А чё. Можно и спеть, — плюхнулся он на пень и стащил со спины поистине огромный вещмешок. Хорошо, что я сидел на табуретке, а мой охранник на пне. А то бы всё это добро могло полететь на меня.

— Тогда начинаю, а ты подпевай, — только я открыл рот, как перед моим лицом пролетела огромная ладонь.

— Пагодь, — её хозяин, не дав мне начать, быстро выуживает из вещмешка гитару. Гитару блять! Четырехструнную...

Я посмотрел на свой рюкзак, поставленный на сухую землю возле табуретки, и не решился доставать свою лиру, арфу, гусли или как там я этот огрызок назвал.

— Как тебя звать-то? — спросил я у орка.

— Дрог! — ударил он кулаком себя по груди.

— Случайно не штормовой?

— Хмм... А ведь звучит. Теперь я Штормовой Дрог! — Вскинув голову к небу, орк закричал-зарычал: — ВАААА!

Ой, бля. Теперь его имя не только название растения, но и херня крепящаяся к лодке во время шторма... Что я за человек... Ну дк, Нефилим.

Дрог перестал орать и начал брэнчать что-то похожее на всё и сразу.

— Эй, как там тебя, — я окликнул одного из своих охранников, — да, неважно, в общем, принеси что-то выпить.

— А я не пью, — вклинился орк. — Я вдыхаю! — Он снова полез в свой безразмерный вещмешок и достал оттуда какую-то траву и длинную курительную трубку с мою руку, затолкал в чашу травку и поджог от костра. Хорошенько затянулся и дал мне. Я тоже вдохнул.

— Сильна травка... — оценил я вокруг поплывший мир.

— Ну дк, Вакх научил. Ты бы его вино попробовал. Ваще бы в небо улетел. Тебе надо будет как-нибудь побывать на Вакханалии, моём любимом празднике.

— Ну-у-у-э... — чувство бесконечного падения в никуда попыталось отрубить мои беспокойные шестерёнки, но они так просто не отдались, — я, пожалуй, начну пе-еть.

Если это, конечно, будет похоже на строки песен.

— Над горою ходят тучи. Собирается гроза. На шатёр ваш на дырявый. Не смотрели бы

глаза!

— Хэ. На тот да? — Дрог показал на шатер Лесавки.

Сидевший за мной воин начал бурчать: — Это нестабильная сила молодой Хозяйки вырвалась при создании энтов, — но нас уже было не остановить.

— Теперь моя очередь, — сказал орк и хорошенько затаился, перехватил гитару, и теперь мне слышались мотивы шансона. — Кто шагает дружно в ряд? Старых гоблинов отряд!

— Нос суют в любые дыры, караулят у могилы. Будут злиться и желчить, — подхватил я.

— Чтоб сильнее нас задрочить!

— Ха-ха-ГХА-ха-Ха-ГХА-ха-Ха — Заржали мы.

— Фух, — немного отдышавшись, я взял в руки трубку, — какая она забористая... А как называется то, что ты, мы курим?

— Забористая, хэ. Не то слово. Называется она Кавараха.

Мои зрители, услышав название, в секунду округлили глаза и сбежали. А Дрог спокойно посмотрел на закат. — Тебе надо как-нибудь будет баньку с коноплей принять. Ох там будет такое. ТАКОЕ! — он начал разводить руки в разные стороны пытаясь показать КАКОЕ, резко повернулся ко мне и спросил: — Буэшь?

— А то, — взял я трубку и хорошенько затаился, и понял, что глаза не видят то, что должны видеть. Мутненько всё вокруг и медленно расплывается, меняя свои очертания.

Перед глазами начали бегать какие-то волосатые огурцы и кричать: Ещё! Ещё!

— Хули, давай ещё, — согласился я и затаился ещё, и запел:

— Ещё не всех на этом свете мы убили. Может, не всех мы девок огуляли. Но мы много пили, жрали и рубили. И, наконец, у вас мы покурили! — Я ткнул пальцем в пришедшего к нам лысого древолюда.

— Тот, отойдя на шаг, чтоб я его не мог достать рукой, стараясь не обращать на завывания Дрога, обратился ко мне: — Уважаемый Каин, может быть, вам следует быть чуть-чуть потише? — Его глаза соскользнули на трубку, которая перешла к орку, — а что вы курите? — Поинтересовался он и, принявшись, отшатнулся, затем отбежал от нас и завопил: — Это же яд!

— Ой, да ладно тебе. Это всего лишь Кавараха, — начал успокаивать его Дрог.

— Мы умрем! — панически заорал древолюд.

— Какой ты громкий, а. Живем лишь раз. Всё равно умрем, может не сейчас, а когда-нибудь потом... О-о! ... Здесь давно обряды вместо веры. Здесь суды вершат огонь и меч. Здесь дома похожи на пещеры, и на лай собак похожа речь!

Дрог достал из вещмешка новую, другую, траву и кинул её в костер. — Газы, газы, всюду газы! Всё и всех погубим сразу! — и заржал пуще прежнего, — ГХА-ХА-ха... А пр дома хорошо сказано, — переключился он, — смари!

— Куда? — попытался я сфокусировать взгляд на орке. Получилось не ахти.

— Давай так. Если шатров круглых больше, то... — что именно он сказал, я не расслышал, но там было что-то про баньку. — А если квадратных то...

— ВЫ ИДЁТЕ СПАТЬ, — вклинился древолюд токсиколог.

— Хорошо. Как раз темнеть начало, — ответил Дрог за нас обоих. — Только это... не жги шатры, не надо жульничать.

Орк подхватил меня, и мы вместе пошли их считать. Пока я волочил ноги и волевыми

усилиями старался не закрыть глаза, спросил: — А из чего у твоей гитары струны? Из чего-то очень прочного как я погляжу.

— Ну дк, шерсть Юноны. Приходи ко мне в племя. И тебе смастрячим.

Кажется, где-то здесь я отключился и проснулся глубокой ночью в захламлённом большом шатре, лёжа на чём-то, что напоминало кровать, чувствуя распирающую изнутри энергию.

Сумочки, ящечки и сундучки в полумраке начали недобро смотреть на меня своими чёрненькими глазками-бусинками, щёлкать замочками и веревочками хлестать себя.

Какой продолжительный эффект... — подумал я и, неожиданно, мне захотелось разорвать себя изнутри и прокричать эти слова.

Меня распирала внутренняя энергия. Она у меня внутри живёт, она покоя не даёт. Она бьёт исподтишка, да так, что кружится башка. Все вещи разом заряжает и в меня кидает.

Сидя на сене про себя кричу, что невиновен, — честное слово, я не помню откуда столько крови на руках и на одежде, я никогда никого не бил прежде. Да я был тих и спокоен! Со всеми вежлив!

Круши, ломай. Давай-давай! — кричит нутро. — Мой баламут и обормот. Давай разбей, разрушь... уничтожь, коли ты не слаб.

Да она на слабо меня берёт!

Тебе кажется... — хитро улыбаются сундучки.

Этот случай усугубит, а не исправит!

Между нами начинается война? — спрашивает внутренняя энерги.

ДА! Мы непримиримые враги. И если ты меня увидишь — беги. БЕГИ, СУКА, БЕГИ!

Я думала, ты чудо. А ты Иуда... — разочаровавшись, покинула она меня, оставив чертовски заряженным.

— Я убью тебя, милая, моя энергия “шизокрылая”, если будешь мешаться мне, словно муха в вине...

Вскочив, Энеральд начал наворачивать круги внутри шатра, прыгать на месте и делать зарядку, вернее, разрядку до самого утра.

Изрядно устав, я присел и частично вспомнил то, что вчера творил.

— Надеюсь, нам ничего не сделают за то, что стебали шатер главной, — сказал я сам себе, и, в процессе разглядывания “хором”, мне на глаза попалась сломанная табуретка.

— Вроде, обещал показать братьям во что у нас играют...

Я взял в руки квадратное основание, к которому крепилось четыре ножки, и увидел в нём будущую шахматную доску.

Порывшись в сундучках и мешках, ничего подходящего для черчения и окраски клеточек не нашел, поэтому взял уголь и начертил им. Получилось, с виду, ровно. Теперь осталось сделать шахматные фигуры. Но как? Я не мастер по дереву, я не смогу их вырезать, та и долго это все. Решил, лучше, сделать шашки. Их и быстрее и проще, и мне по силам.

Взял ножки от этой же табуретки, и начал нарезать их на небольшие сплюснутые параллелепипеды.

В процессе я так увлёкся, что не заметил, как ко мне ввалился Дрог, откинув дверь-занавеску, чтобы внутрь попадал свет.

— О, зыр. я копченого гуся нам намутил, — он с хрустом отломал ножку и дал её мне.

— Спасибо, — взяв еду, и в процессе её поглощения, спросил:

— А че ты вчера в костер кинул?

— Коноплю, — как как ни в чём не бывало ответил он. — Я говорил про баньку с ней. Жаль не успели вчера. Но ничего, сегодня наверстаем. Кстати, ты первый не орк, кто пережил Кавараху. Обычно все отказываются, а тот, кто не отказывается — хочет безболезненно умереть. Это как отдаться на растерзание пышногрудой демонессе, только улететь в небеса в сиястым гарпиям.

— Аааа... А я думал, что мне причудилось, что какой-то древолюд вопил, что это яд. Это он, значит, правильно вопил. Понимаю...

Я то думаю с чего он такой добрый, поесть принёс мне. А он посмотреть жив я или нет пришёл.

— Ты че эт тут такое делаешь? — цепляя потолок, Дрог подошел поближе ко мне, чтобы понять, зачем я закрашиваю угольком некоторые квадратики на доске.

— Шашки, — ответил я.

— А че цвета так стрёмны? Надо красный. И... и синий! — он чуть не ткнул мне в глаза своими сардельками.

Как он любит во всё тыкать пальцем.

— Символические цвета, тип? Сила и скорость? — спросил я в ожидании забавного диалога.

— А то. Только нужно всё так красить. Одним цветом всё. А не, а не...

— Не в шахматном порядке? — помог я ему не сбиться с мысли.

— Дэ, — согласился он с непонятным словом.

— Но так оба цвета сохраняют свою функциональность. Я буду и быстрым и сильным, — продолжил Энеральд.

— Дэ? — удивился орк.

— А то!

Помявшись и что-то обдумав, Дрог спросил: — А второй цвет какой будет?

— Белый, если найду что-то подходящее, а так, похоже, придется оставить незакрашенным. Цвет дерева придаёт некой деревенщины. Хех, — пошутил я.

— А деревенщина от слова дерево? — ввёл в ступор он меня.

— Не, не дерево. Поскольку дерево вот оно, — я постучал по остаткам табуретки, — а деревенщина значит: в жопе!

— Эвоно как, да? — впал бугай в ступор, теперь ему нужно немного времени, чтобы усвоить новую информацию и перемолоть мозгами...

— А белый ты можешь из пыльцы феи сделать, — оживился орк и, резко опустив голову, пару секунд выискивал кого-то, затем резким движением раздавил жучка на земляном полу. — Это не фея, но тож нормас. Высохнет, белый будет. Зуб даю. — Дрог взял в руку ожерелье, нащупал на нём клык какого-то зверя и показал мне его. — Во-о!

— Пыльца феи говоришь...

— Да, берешь её и перетираешь в пыль, — он взял в руку жука и выдавил из него белые вещество, отчего у меня рвотные позывы начались, — а потом из неё что-нибудь делаешь.

Белая жижа из жука полилась прямо на шахматную доску, окрашивая пустую бесцветную клетку между четырьмя черными в “белый” цвет.

— Знаешь, какие эти феи злые? — продолжил орк, — у тебя хоть один детский зуб остался? Вот и у меня нет. Так что не надо этих маленьких тварей жалеть.

— Да... Пожалуй ты прав, — согласился я.

Сев рядом со мной на землю и подмяв под себя сено, он необычайно дружелюбно обратился ко мне: — Слу-ушай.

— Слушаю, — скептически ответил Энеральд.

— А ты кто такой, откуда взялся?

— С неба упал, — решил я продолжить дурачиться.

— На чём упал? — серьёзно спросил он.

— На белом орле, сел и упал.

Дрог оценивающе посмотрел на меня и сказал: — Значит, орёл — птенец?

— Наверное, птенец, — согласился я с ним, — но тень от него полностью накрыла озеро.

— Озеро что, лужа?

— Лужа не лужа, но орел не перелетел его, утонул, и пошёл я куда глаза глядят.

— Чьи глаза?

— Хах, — усмехнулся я, — пантеры, что за мной гналась, да не догнала.

— Выходит, маленькая была?

— Пантера как пантера, из неё плащик мой вышел.

— Куда вышел?

— Вышел из озера, в котором орёл утонул, и пошёл куда глаза глядят.

— И как? Дошёл? — поинтересовался Дрог.

— Дойти то дошёл, только не перепрыгнул он озеро, что белый орёл тенью накрыл и где утонул, пока глаза на небо шли.

— Чего?

С трудом сдержав порыв смеха, я с хитрецей в глазах продолжил:

— Чего-чего, то небо, что шло куда глаза глядят, накрыло тенью пантеру летящую, пока тулуп орла топил, и лужа падала.

— Это... пожалуй, позже зайду, — решил ретироваться орк от такого мозгового штурма.

— Да не. Ты чё. Оставайся. Покурим...

Глава 13. Мокрый трон

Г лава 13. Мокрый трон.

Вырезав кривые шашки из ножки от табуретки и сложив их на шахматную доску, я оставил всё это добро на принесённом древолюдами столе и завалился на лежанку, вернее, на кусок ткани, под которым находилось сено и пара ящиков, и задремал.

Мне снилась музыка родного мира. Она легко меняла очертания. То сладка была, то грустна, то как снежный ком катилась со скалы, то ручейком спускалась вниз. Мне снилась речка, на изгибах зелена она была, змеи из неё ползли на сушу, не боясь огня и города, которого нет. В рассветном тумане я нашёл домик, зашёл и увидел на полке книгу, та лежала в пыли уже много лет, её оставил тут безумный дед, но не знал я этого, подумал и стал пыль с неё сдувать, с интересом начал строки в ней читать, ведь проныра я и озорник!

Во сне необычные сюжета стали вдруг мелькать. Про какие тут твари ходят, про невиданных зверей, про то, как с заходом солнца черти бродят по лесам. Злобный гений проснулся во мне, и начал он плясать.

А нечисть рядом! Вот она! Капает с клыков слюна, да и сам я обозлился, злой теперь — как Сатана! И пошёл я напролом, покидал их в бурелом. Стало мне легко и вольно, ночью мне в лесу — как днём!

Но не помню, чем кончается рассказ, может быть строчкой “а теперь бежать пора?”.

Музыка во мгле даём всем сил. И всё, что вылезло из земли, там и сгинет, но не я.

Перевернувшись на спину, услышал, как кто-то ко мне зашёл, я приоткрыл глаза и первым начал разговор:

— Говорят, умереть легко, жить трудно. Но для меня, похоже, наоборот.

— П-прошу прощения? — Всё пытаюсь отвести от меня глаза, спросил молодой зажатый древолюд, держа в руках мясную похлебку.

— Ты знаешь, каково быть бессмертным?

Древолюд, ничего мне не ответив, помотал головой.

— Знаешь, почему то живым существам очень трудно представить, что их не станет, и мир будет существовать совершенно без их участия. Трудно ведь?

— Угу, — продолжая стоять у самого выхода, древолюд кивнул.

— Давай я помогу тебе представить. Нужно просто подумать о том, что твоя жизнь — это лишь короткое мгновение, пшик, искорка. После тебя будет примерно то же самое, что было и до тебя. Никто же не печалится по поводу того, что его не было тысячелетия до. Ты спросишь: Что по поводу вечной жизни? А это вообще кошмарный кошмар! — Отвечу я.

Моя вечная жизнь неминуемо превратится в вечные муки. Муки одиночества, я вряд ли найду красивую и умную бессмертную, муки творческого кризиса, муки отсутствия мотивации и просто муки от различных мук. Само это слово станет синонимом моей жизни, а чтобы покончить с собой, мне не хватит духа, поскольку тогда, когда я решусь на это, моя жизнь утратит смысл целиком и полностью.

Другой вопрос это то, что жизнь обидно коротка и даже не сама жизнь, а молодость. Мы быстро теряем надежду и взрослеем так рано.

Чуть ли не каждый хочет быть бессмертным, но на самом деле все хотят исправить свои ошибки. Все допускают ошибки, и если ты не бессмертен, время на их исправление

ограниченно.

В общем, мы держим неприкрытую обиду на природу, всеми силами пытаемся её изменить, но раздумья про жизнь — это сплошная рефлексия на прошлое. Жизнь — это процесс с абсолютно гарантированным концом и она всего однажды, а смерть окончательна, и она подводит итог, в то время как жизнь полна неисчислимых возможностей. Но наша с тобой жизнь — это раны и шрамы на сердце....

— Ты спросишь, почему я всё это тебе рассказал? Так потому, что я как будто сижу в клетке, вон даже еду ты мне носишь. У меня сто лет улетели за год! Какой смысл всего этого? Почему я выжил? Может это всё лимб какой-нибудь? Или чья-то игра?

Ой бля. Зачем я лезу из кожи, в ней же так удобно. Да и вообще, надо побриться на лысо. Прошлый раз не смог, теперь смогу. Меня же не заставляли отращивать волосы монголы, я не китаец, чтобы подчеркивать свою женоподобность с подачи завоевателей.

Сорвав с пояса меч-Кладенец, я не успел начать им орудовать, как древолюд сдавленно закричал: — Ч-что вы делаете?

— Стригусь, блять! — Ответил я и одним движением отрезал свой длиннющий конский хвост, отбросив его в сторону и перехватив меч поудобней, хорошо, что он из живой стали и из-за этого невероятно лёгкий, уселся на свиду крепкую табуретку и начал брить голову. До ужаса неудобное это занятие, особенно когда нет зеркала и пены для бритья, хорошо что ко мне зашли две весьма распущенного вида девицы. Далеко не уродины, но явно пользуются популярностью у местных воинов. Вот их я и заставил до блеска выбрить себе голову, благо все ранки тут же затягивались. Одна из парикмахеров всё норовила сползти пониже.

Мало ли чем они больны, — подумал я, — вдруг ещё наниты не помогут. Ну нахер, пусть лучше остатки сожженной бороды сбреет. Я теперь буду гладкий как яйцо!

Молодой древолюд, который всё это время стоял столбом и держал похлёбку, медленно, шаг за шагом, вышел из шатра Каина и направился к паре древолюдей, которые сидели в соседнем шатре и были приставлены смотреть и докладывать обо всех происшествиях Древобору.

— Ты чего не отдал еду Каину? — спросил Ивар юнца, а тот ему ничего внятного ответить не смог, тогда десятник отобрал похлёбку и сам принялся её хлебать и приговаривать: — А девочки? Ему понравились?

— Он заставил их работать, он умыться хочет.

— Ну дк, для этого они и были посланы, чтоб не буянил.

— Вы не поняли, они по другому работают... Он дал им свой меч, чтоб ему все волосы с головы убрали, — сказал молодой древолюд и с отмашки старших, взяв полотенце, вместе с наполненной бадьёй пошёл обратно.

Смотритель хоть и знатно удивился, но виду не подал и приказал одному из своих воинов тащить шлюх к нему. Не маяться же от безделья они в лагере будут?

После изрядной зарядки, сильно уставший смотритель, вытря хуй об дверь-занавеску, одевшись и встав в проходе, начал сокрушаться. — Вот блин. Предлагали женщин — не хочет, мальчика — не хочет.

— Он с орком вчера накурился, — сказал лысый древолюд, поёбывая шлюху, — может, орчиху предложим?

— Угу, и где я тебе её найду? У нас тут только орки и крысы...

— Слушай, а давай мы ему дадим утку. Мы когда в Кории воевали, там многие уток пользовали.

— Как дадим?

— Посадим рядом. Если он не захочет, сделает вид, что не заметил.

— Так и сделаем! — Воодушевился Ивар и сразу же сдулся, увидев бродящего по округе орка, на которого орала какая-то бабища из-за того, что он завалился в тент и вышел из него с двумя крупными бараньими ножками. Охрана тента не рискнула помешать ему. Отбившись от разъяренной древолюдки, он немного покружил вокруг, понадкусывал один из кусков барана и, не на кого не обращая внимания, направился напрямиком к шатку Каина.

— Позже, — решил подождать развития событий смотритель.

— Вечер будет знойным...

Погладив себя по идеально гладкой макушке, я умылся с помощью принесённой деревянной бадьи и грубого полотенца и пообещал себе, что, как только выберусь из этого ёбаного леса, приму ванну или хотя бы найду баню, или искупаюсь в реке на худой конец.

Оставшись наедине с самим собой, мне в голову начали лезть воспоминания о тёплом и чистом доме. Моём доме...

Волевым усилием сдержав себя от увязания в ностальгии, пока есть время, я решил превратить меч-Кладенец обратно в правый клинок богомола, а то чёт шлюшки ТАК на него смотрели, как будто он золотой с огромный рубином в гарде и изумрудом в навершии.

Устроившись поудобней на лежанке, быренько расколов на куски остатки старой деревянной рукояти и хорошенько почистив клинок от крови и разных ошмётков, я начал копать в предплечье и всё думал, что я не левша, но убивать левой рукой как-то сподручней, может я амбидекстр? Или у меня, просто, всегда в правой меч...

— Здравов, — неожиданно ввалился ко мне знакомый орк.

— И тебе привет от трёх лиц, — ответил я.

— От каких?

— От хуя и двух яиц.

— Слышь шутник, — Дрог, с грохотом положив баранину на стол, сел рядом со мной на мою лежанку и принялся издали с нескрываемым удивлением изучать мою правую руку и торчащий из неё предмет, — лучше скажи, чё от тебя девки необслуженные вышли?

— Не понравились.

— Не понравились? — удивился он, — гх. Всяку тварь на известно место пяль, бог увидит — хорошую пошлёт.

— Как я потом своей хорошей это буду объяснять?

— А ты скажи, что её тебе бог послал. Делов-то, — хитро улыбнулся Дрог.

— Да у вас тут очень специфические Боги, знаешь ли.

— Какие Боги?

— Ну, необычные. Тот же Кощей. Он Бог-прародитель, Ольга, Лесавка то бишь, вроде, его родственница, а ещё он Бог смерти. Вакх — Бог вина и его возбуждающего действия. Бог крайне распушенный и безнравственный. Дальше Флора — богиня цветов и проституток. Соблазнительная и жадная, оставляющая своих поклонников ни с чем. Морана — богиня зимы, смерти, царица ночи, могучее и грозное божество. Как я понял, жена Кощей. Морана заведует подземным миром, где правит вместе с Чернобогом, второе имя Кощей. Слышал от надзирателя, что она бродит в подземных снегах и иногда навещает поверхность, чтобы сделать своё чёрное-чёрное дело. Кроме того, каждое утро она подстерегает Светило, чтобы погубить его, но всякий раз отступает перед его могуществом. Есть ещё баба Яга, но она вроде не богиня, но дочь Кощей и Мораны. Блин, у вас тут снега никогда нет, а Богиня-

мать и Бог-отец, мало того что олицетворяют смерть, так ещё и в снегах под землёй живут. К тому же, чучело Мораны раз в год жгут, поэтому и зима никогда не настаёт. Ахуеть просто.

— Ну ты чё. Это тут у них такие Боги. У нас в племени совсем всё не так.

— Вакх — твой Бог, — подметил я.

— Так мы в честь него и накурились вчера. Устроили маленькую Вакханалию. ГХа-ха.

— Чего?

— Чего-чего, сегодня в честь Ваамы нажрёмся, — указал он на бараньи ножки, лежащие на столе.

— Утро же только... А она Богиня чего? — поинтересовался я.

— Богиня сисек, вина и жратвы. У неё огромная грудь с двенадцатью сосками!

— Жена Вакха?

— Чего-чего, а ты сечёшь, — улыбнулся Дрог.

— чего-чего, а мы слишком много это слово используем. Давай, хотя бы, заменим на что.

— Чё?

— Ну во, другое дело.

Приладив, наконец, клинок на место, я вместе с Дрогом принялся дербанить барана. Одна нога у меня, вторая у Дрога. Сидели мы так и сидели, пока к нам не пришло пополнение и не сказало: — Энегхральд, позволь войдти.

— Ты уже вошёл, — сказал я Тугарину, — располагайся.

— Входят в бабу, а к нам заходят. Гха-гха-ха, — рассмеялся Дрог от своей убийственной шутки.

— Вы меня какх будто не жждали, — проигнорировав подколы орка, Вампал устроился на табуретке возле стола.

— Ждали, да все жданики съели... — сказал я и предложил сыграть в шашки. Никто не согласился, но каждый с интересом выслушал правила игры, и посмотрел, как я сам с собой играю.

— Кстати, Дрог, а чего ты на игольчатой спине намалевал клеточки разных цветов.

Он снял свой плащ, который с трудом доставал до середины спины, — ну дк, смари, — указал на один из кривоватых квадратиков, — красный — цвет силы, зелёный — жизни. А ещё я себе раскрасил синим обувь. Я теперь бессмертный, понимаешь? Как и ты!

— Синий — скорость, да? — Мне кивнули в ответ, — а где ты его взял?

— По ягодкам походил.

Оценив гениальность его суждений, я решил перевести тему, — слушай, — обратился я к Тугарину, — ты как-то говорил про Древних, если я умру, я встречусь с Кощеём?

— Не зснаю. Этхо тебе Фенрир разс-скажет. В змызле, Алеша.

— Алеша — это Фенрир. Ха-Ха-гха, — пробило меня на идиотский смех. — Ну, тепер понятно, почему он стал Фенрией, — продолжил я ржать как умалишенный. — А ты умеешь заставить врасплох даже тогда, когда сидишь рядом.

— Гховорят, што людей полезно зас-ставать врас-сплох. Никогхда не з-знаешь, што можшно тогда узснать.

— Это да... А с Ольгой что там?

— Дафвай не будем об этом, когхда осада будет снята, тебхе дадут кого-кто, кто с-сопроводит тебя до выххода из лес-са.

Не успел я понять сказанное, как к нам зашла троица, они притащили обещанное, во главе был Алеша, который с порога спросил: — А чего вы это, тут сидите, чего душитесь? — и с помощью двух служек вкорячил большую кольчугу, остроконечный шлем, добротный полоторный меч и каплевидный щит из лёгкого дерева и покрытого кожей. — Ты бы лагерь, что ль, изучил, — устало обратился мохнатик ко мне.

— А можно было? — удивился я.

— Ну да. Тебе никто не мешает.

— Ебать, — начал сокрушаться от своей беспросветной глупости Энеральд. — Я-то думал, что этот орк приставлен ко мне для того, чтобы я никого не пугал и не чудил.

— Тебе скоро одежду нормальную принесут, поведал Вампал. — Плащ свой лучше мне отдай.

— Почему это? — спросил я.

— А его тебе верну, — заверил Алеша. — Его сделают только лучше, обещаю.

— Ну ладно. — Отвязав плащ от меховой жилетки, я отдал его, попрощался с братьями и вместе с Дрогом принялся осматривать меч и щит.

Покрутив их и повертев, заключили, что тот, кто их сделал, мастер своего дела.

Чуть позже принесли и обещанные наряды. Расфуфыренный портные предложили мне богатый выбор, даже платье подали, но когда я наорал на них и запугал, древолюди больше ничего подобного не выкидывали. Они хорошо подогнали под меня все вещи, сильно удивились наличием карманов и чуть укоротили поддоспешник, подрезав рукава и зашив остатки прочными нитями чуть выше локтя, чтоб они не мешали орудовать клинками богомола. Увидев мой потрепанный рюкзак, они вызвались подлатать его. Нужно было видеть лицо главного портного, когда он понял, из каких шкур сделан неприглядный вещмешок.

Одевшись как какой-то былинный богатырь, может быть даже как один из тридцати трёх, взяв новое вооружение, хорошенько размявшись, накинув на себя рюкзак и вальяжно выйдя из своего шатра, я решил немного потренироваться в бою с орком перед обедом. Так сказать, обкатать новое приобретение. Надзиратель Ивар увязался за нами.

По пути на небольшое тренировочное поле, мне попался на глаза чан с маслом, больше походившим на нефть. Бесцеремонно отобрав пустой кувшин у незадачливого молодого служка, набрав в него этого масла и закупорив, я, хитро улыбаясь, продолжил идти, спотыкаясь о проросшие тут и там корни.

На поле нас встретили своими подозрительным взглядами тренирующиеся воины-крысы и раненый древолюд, который сидел на выпендрёжном кресле в тени навеса. Минитрон был обит мягким темно-красным материалом, местами сильно потертым, но со свежими заплатками. Древолюд, сидевший на нём, смотрел на нас как-то подленько, гаденько, видно, задумал что-то...

— Эй, красна дэвица! — крикнул Дрог древолюду. — Как тэбе сэдится?

— Вы пришли тренироваться, а тренируются молча, — надменно ответил он.

Подняв бровь и сделав удивлённое лицо, Энеральд сказал: — Это кто тебе такое спизданул?

— Твоя мамаша, когда стояла на коленях и отсасывала у меня, — спизданул тронозаниматель, подкрепив свои слова жестом.

— Какой у него язычок, — толкнул я плечом орка, — ты только глянь. Может, ты им у меня в жопе поработаешь?

К нам вдруг подбежали служки с надзирателями и начали слёзно просить не устраивать никаких драк, тем более погромов. Мы их пожалели, особенно когда выяснилось, что наш враг ходить самостоятельно без палки-подпиралки не может.

Всучив рюкзак одному из служек, я начал приготовления к бою.

— На что играем? — встав напротив меня, спросил бугай.

— Это будет игра?

— Для тебя да, поэтому используй только меч и щит, а не всё то, что ты носишь на поясе и внутри рук. Сделай мне приятно.

— Как пожелаешь... девочка моя, — я послал воздушный поцелуй.

Взяв деревянные мечи, в его случае он был двуручный, мы решили биться до трёх побед. Упал — проиграл. И это был мой просчёт...

Первая “игра” продолжалась нестерпимо долго, никто из нас не хотел падать. Мы хорошенько избили друг друга. В итоге, первый раунд закончился в мою пользу, в отличие от второго, который я проиграл буквально за два удара. Получилось прямо как в реальном бою.

Отряхнувшись от грязи, я подозвал служка с моим рюкзаком, якобы для того чтобы попить воды, но достал я оттуда далеко не только воду.

Подгадав момент, когда Дрог отвернётся, я незаметно облил деревянный меч маслом и положил кресало и кусок кремния в маленький поясной мешочек.

Встав в третий раз напротив друга, я сказал: — Ты знаешь, говорят, здесь обряды вместо веры. — Я не смог сдержать хитрой насмешливой улыбки. — Да свершит свой суд огонь и меч!

— Какой огонь?

Достав огниво, я добыл искорку, она упала на меч, который тут же вспыхнул ярким оранжевым пламенем.

— ВОТ ЭТОТ. ХА-ХА-ХАХ — не переставая неистово ржать, я бросился на орка, тот явно не ожидая приготовленного ему подарочка, отступил назад на пару шагов, но быстро взял себя в руки и с криком: “ЗА ОРДУ!” ломанулся в мою сторону.

Всё это время сидевший и неотрывно наблюдающий за нашим поединком, раненый древолюд неожиданно подпрыгнул на месте и, судорожно вслепую отыскав свою клюку, как светлячок поковылял на огонь, всё стреляя на ходу разными мразными фразами.

Наш с Дрогом третий раунд закончился в одно мгновение. Мне всего лишь нужно было уклониться от его удара, толкнуть щитом и ударить мечом в бок, где огонь слегка подпалил ему волосы. Этого было недостаточно для того чтобы выиграть, но достаточно было для того, чтобы его штаны загорелись.

Поняв, что моя шутейка зашла слишком далеко, я отбросил подальше меч и кинулся тушить бугая. К нам тут же подбежал слуга с ведром воды и обдал нас.

Увидев, что всё потухло, я сел на мокрую землю и, поймав за руку одного из водоносов, попросил, чтобы и меня намочили.

— Освежился? — тяжело дыша, спросил Дрог. — Это была только вторая твоя победа, третьей не будет. И это, — указал он на навес, — красное кресло, похоже, твоё. Примерь туды свою жопу.

Наплевав на орущего гоблина с клюкой, давя хитрую лыбу, я в два прыжка оказался на тёмно-красном “троне”. И жуя воображаемую ириску в стиле диско, прочувствовав что-то затаённое, я посмотрел на всех как на говно, как до этого смотрел на всех нас раненый древолюд.

— Твоя речь похожа на лай собак, — добавил я.

А потом, откуда ни возьмись, появился Тугарин и начал орать на нас как на первоклашек на линейке. Но орал на нас именно Тугарин, поэтому мы с Дрогом достаточно быстро абстрагировались от трудно разбираемой речи и начали витать в облаках, иногда переглядываясь.

А древолюд с клюкой и Тугарин всё орали и орали, а мы всё улыбались и улыбались...

Неудивительно, что ему кто-то ногу сломал, — подумал Энеральд. — Я бы ему вторую не прочь, если бы мог. Тщеславный, дерзкий, злобный, угрюмый, без чувства юмора — и это ещё его достоинства. Зато теперь трон весь мокрый. Хах... Да и в пах звездануть, чтоб не размножался...

Глава 14. Oh, what a day, what a lovely day!

Глава 14. Oh, what a day, what a lovely day!

— Ваше Высочество, — сидя в главном шатре, Древобор обратился к Лесавке, — я прекрасно понимаю, как вы относитесь к Каину, и я знаю, что это более чем заслуженно, но, быть может, на небольшое время, на короткое время, стоит немного изменить своё мнение. Во всяком случае, до того момента, пока мы не доберёмся до безопасного места.

— Вот уж нет, Древобор, — ответила Ольга. — Как только к нам подойдёт подкрепление крысолюдей, как только мы снимем лагерь — он уйдёт. Я не потерплю неуважительное отношение к себе, он слишком своеволен, и ты это прекрасно знаешь.

— Ваше Высочество, прошу заметить и принять во внимание, что он бессмертен, и за него поручились...

— Даже Боги смертны! — разгневалась девушка. — Оставь меня... Уходи!

— Как Вашему Высочеству будет угодно, — поклонился Древобор и, выйдя из шатра, встретил Гиану, она руководила многочисленной прислугой, которая несла еду и всеми способами помогала Хозяйки леса, чтобы та, в свою очередь, ничего сама не делала. Иначе, просто недопустимо по статусу, запахло.

Древобор с несколькими воинами направился к Ивару, которому было поручено следить за Каином.

— Где Ивар и Каин? — спросил Древобор у надзирателя с незавидной лысиной. Тот поклонился и ответил: — Ваше Сиятельство, Каин с коричневым орком по имени Дрог сейчас находятся на поле, тренируются, Ивар с ними.

Ничего не ответив, старик пошёл к тренировочному полю, где он как раз успел насладиться нечленораздельными криками Тугарина и виноватыми, но очень весёлыми, рожам Каина и Дрога. Хотел было князь спросить, что здесь произошло и из-за чего сырбор, но учуял запах дыма.

Приблизившись к предполагаемому источнику, Древобор увидел облизывающие тентеллет языки пламени.

— Да вы шутите... Тушите, чего стоите?! — крикнул он всем, кто находился рядом.

Лагерь тут же завыл, затрясся от бесчисленного количества ножек, нёсших на себе воду. В это время меня пробило, я вспомнил, что куда-то дел огненный меч...

— Ну не... Новый косяк мне могут и не простить...

И тут, мне на спасение, прибегает запыхавшийся посыльный и что-то яростно начинает докладывать Древобору, который общался с моими надзирателями. По лицу князя было видно, что случилось что-то страшное, но ожидаемое.

— Эй, принц кудрявый, — обратился я к лысому надзирателю, когда тот вернулся ко мне. — Что происходит? — Меня проигнорировали, но чуть позже подошёл Ивар и поведал, что лагерь вот-вот атакуют с северной стороны, и пока мы накуривались, на нас пару раз нападали маленькие группки гномотварей. Сейчас же, к лагерю идёт основное войско.

Услышав это, я хитро улыбнулся и подумал: Может быть, по моему скромному мнению, не исключено, что я целиком и полностью не виноват в пожаре. Я искренне полагаю, что это не моих рук дело... На все сто... Наверно... Ой, да чёрт с ним, с пожаром.

Подскочив к рюкзаку и экипировав его вместе с полоторным мечом и щитом, я

почувствовал, как что-то наполняет энергией моё нутро.

— Аты-баты мы теперь солдаты, — ломанулся я за Древобором, Тугарин и Дрог за мной, а за ними ранее тренировавшиеся вместе с нами крысолюди и три моих надзирателя. На ходу мы сбились в подобие разношёрстной банды наёмников, которая одной из первых подбежала к стене, больше похожей на баррикады.

Частокол вперемешку с повозками и обозными телегами, огромными щитами из толстых дубовых досок на колёсах и наспех сделанными конструкциями из разных деревяшек и досок, скреплёнными корнями.

Некоторые пролёты при необходимости можно было отодвинуть и пройти сквозь образовавшуюся щель, под прикрытием нескольких деревянных вышек.

Пока особо ничего было не понятно, я стал вслушиваться в разговоры окружающих.

— Понимаешь, проститутка — это работа, а блядь — это черта характера, — вели беседы о высоком орки.

— Терпеть не-не могу запах-с-смад орков, — обмолвился высокий чёрный крысотварин с цаком в носу, — зажарить-сварить бы их...

— Эх, эт да. В такие моменты сразу вспоминаю своё беззаботное детство, проведённое в джунглях...

— Пленных на всякий случай лучше не брать, а то черт его знает, вдруг проиграем, — прошептал Ивар своим подчинённым, у него их заметно прибавилось.

Я вытащил всё пригодное для боя оружие из рюкзака и отдал его Тугарину вместе с бумерангами, духовыми трубками и дротиками к ним. Взгрустнув про отсутствие боеприпасов для энергопистолета, пристроил его самодельную кобуру, прошлую, к сожалению, где-то просрал.

Решив посмотреть на неприятеля, я забрался на вышку и, подмигнув дежурившим на ней древолюдям, отчего они перекосили лица, вдалеке увидел бесчисленные порядки гномотварей. Этих чипиздриков было настолько много, что натурально земля начала трястись от их бега, а бежали они напрямиком на нас...

Я не заметил, как к нам подошёл Алёша, а за ним отряд во главе с Ольгой и крысолюдом по имени Бамрор и прозвищу Усталость.

Он был толстым грызуном с зубами цвета золота. Его черные десны ярко выделялись на серой морде, одна сторона которой свисала, из-за чего казалось, что крысолюд постоянно хмурится и как будто бы оценивающе поглядывает на органы окружающих.

Сгорбившийся крыс был в черном как смоль поддоспешнике, поверх которого надета отличная кольчуга с редкими вставками из полосок металла, довершает его статус ряса с вышивкой на груди в виде звезды... Как ему только не жарко во всём этом... Вокруг хозяина сутились крысиные слуги, одетые не в пример хуже, стоявшие позади воины-крысы в кольчуге с добротными копьями и щитами что-то друг другу пищали.

Молодая Хозяйка Ольга и Бамрор Усталость забрались на вышку, но они явно были не готовы к такому количеству осаждающих.

Лесавка, кротко взглянув на меня, спустилась и подошла к единственному, кто из главной троицы сохраняет хладнокровие.

— Дядюшка Древобор, — обратилась Ольга, но её перебили, — я чувствую, — старик присел и дотронулся до земли, — их там много...

Спрыгнув с деревянной вышки, я бесцеремонно вклинился в их разговор: — Что будем делать?

Старик никак не отреагировал на мой выпад, он немного подумал и хладнокровно ответил: — Сражаться.

Древобор в момент вскочил, и завертелось всё, и забегало, и Рок мой поднял взгляд, и судьба давно течёт по венам...

Как раз в это время к Дрогу подошли два болотнокожих орка с огромной кольчугой.

— Слушай, — подошёл я поближе к другу и спросил: — А почему есть коричневые орки, как ты, а есть болотные, как они? — указал я на пытающихся помочь надеть кольчугу на Дрога.

— Чем зеленее орк, тем он ближе к земляным драконам, а значит — ниже в племени, чем коричневее орк, тем он выше. Вожди могут быть только коричневые, а зелёным выше батраков не подняться.

— Погоди, — решил я уточнить один момент. — Зеленые произошли от земляных драконов? Но земля же коричневая.

Надев, наконец, доспехи, Дрог нацепил на себя свой очень короткий игольчатый плащ и только потом ответил: — Земляные драконы — это потомки зелёных драконов, а они твари ещё те. Позже расскажу тебе легенду о всех этих ящерицах.

— Ловлю на слове, — сказал я и, достав из рюкзака кувшин с припасённым вином, поймал косые взгляды орков. — Чего? — спросил я, но они промолчали. — Да, у вас мир в жанре фэнтези, нужно всего два стакана, чтобы всё было на мази.

— Чё?

— Ничё-ничё...

Меж тем, лагерь гудел, выл и орал, он приготовился к ожесточенной кровопролитной битве. Вероятно, последней для одной из сторон. Я, сначала, думал что для нашей, но не возмись откуда к нам стали подходить самые настоящие бугаи, а чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона

Дроволюди с луками и энты с квадратными как у римлян щитами и копьями, кросотвари с разномастным вооружением, но обязательно со щитами и крысолюдью во главе, чуть позже подошли орки болотного цвета с дубинками и, опять же, щитами.

Если у тебя есть щит — это значит, ты можешь сражаться, ты воин.

Каждый из нас боялся предстоящего ужаса. Не было шанса на отступление, но никто и не хотел убегать, поджав хвост. Многие из крысолюдей и крысотварей причастились на месте, и после они собрались вместе, плечом к плечу. Таким образом, сформировав неприступную каменную стену.

Встав в строй прямо за второй линией обороны, первая линия — это лучники древолюдей, я возглавил ранее созданную банду. Дрог и два болотных орка приготовились прикрывать меня справа, Ивар, его пятеро подчинённых и два чёрных крысюка — слева. У всех нас были щиты с копьями, мечами или огромными окованными железом дубинками.

Алёша и Тугарин остались где-то подле главной троицы.

Иногда, перед битвой бывают моменты полной тишины, в один из таких моментов крысолюд Бамрор дал напутственную речь, но она была на незнакомом мне языке. Понимая, что, скорее всего, буду полностью бесполезен в строевом бою, к тому же почти не слыша слов Древобора, я тоже решил поднять дух защитников:

— Внимайте воины! Свами в бой иду я! Каин! Взгляните в мои глаза, в них затаился страх плачущих гномотварей! Я палач! Я десница судьбы, что спустилась к вам. Сама Судьба стоит за вами! **ВЫ ВОИНЫ СУДЬБЫ!**

И им было совершенно неважно, что я кричал, им было важно — КТО кричал.

Каждый окружающий что есть мочи заревел как злобный зверь, готовый рвать на куски свою жертву, я же начал стучать мечом по щиту и пробираться в первые ряды, я же, бля, бессмертный!

— Дядюшка Древобор, смотрите, — Ольга указала на Каина, который завёл воинов и медленно продвигался к укреплениям и стоявшим за ними лучникам. Но старику было не до него, он готовился отдать приказ стрелкам.

Из-за труднопреодолимой местности, всё началось с обоюдного обстрела.

Рой метких стрел свою песню запел. Самый настоящий лес прилетал на нас с неба волнами по десять стрел в минуту, к счастью, подавляющая часть смертоносных зубочисток была бесполезна, но некоторые попадали прямо в лицо.

Множество стрел свистело в опасной близости от меня, огромный щит Дрога был похож на ежа, он, разом срубив все стрелы, пошёл дальше.

Яростно стуча по щитам и что-то крича, я про себя приговаривал: Слава Инкам не Испанцы... От ружей такие щиты бы не помогли, ведь против самых метких стрел решает огнестрел. Хе-хе...

После получасового обстрела, гномотвари, поняв, что стрелами много не добиться, ринулись в лобовую атаку, мерзко крича на своём языке угрозы.

Земля с каждой секундой тряслась всё сильнее и сильнее, и вскоре послышался стук копыт...

К месту сражения подошла третья сила, которая решила присоединиться к битве на нашей стороне. Многочисленная крысолюдская конница Кристальной девы ринулась в атаку прямо через болотину, говны и многочисленные пеньки, оставленные после построения частокола.

Увидев это, враг отправил в бой своих свинорылых коней, началась самая настоящая мясорубка под удары далёкого грома.

Раскатами барабанной дробы посыпались удары, то глухие, то звонкие и резкие, или металлические, когда наконечник копья встречался со шлемом.

Было видно, что обе стороны постепенно начинают смешиваться в одну бесформенную массу. Как рой пчёл, как взбудораженный муравейник они жужжали и кружились, жалили и драли друг друга на одном месте.

Приблизившись вплотную к укреплениям, я увидел, как один крысолюд нанизывает гномотварина на пику, но не успевает освободить пику от застрявшего на ней груза, как получает в удар бок. Выхватив меч, он размахисто бьёт по врагу и срубает тому голову с плеч, и отправляется на поиски следующей добычи, но уже в загробном мире.

Всадник, потерявший коня, стоит у его трупа и, уперев пику одним концом в землю, другим её концом насаживает выскочившего гномотварина.

Мир в момент преобразился. Смрадный ветер затопил берега реки трупов. Гнойным прахом напитали чернозём...

Но как же был сладок запах крови для меня. Он закоротил мне ноздри... И слышал я — билось сердце в разорванных телах.

И крикнул кто-то: “В атаку!”

И понеслись осаждённые на врага, и застучали дубинки, и заскрежетали мечи, и снова застряли копья и пики в тёплых трепыхающихся телах, и встретили их с такой же силой. И храбрые первыми были прижаты к земле, умерщвлённые.

Передо мной поднялся грохот и треск копий, крики и вопли раненых.

Дрог ударил меня по плечу, тем самым приведя меня в сознание. И рванули мы следом за крысами. И как был сладок вкус крови на моих губах... И слышал я стук сердец в собственноручно разорванных телах...

И не чувствую я ран, ноющей от доспехов спины, пота, льющегося в глаза. Я перестал думать, перестал быть собой, остался только враг — один, другой, и вот я уже понял, что не подвластен усталости и страху в отличие от них. Я жив! Вокруг смерть, а я её апостол, а они так медленно поворачиваются со своими мечами, копьями, они так неуклюже скачут на свинорылых конях, и так тяжелы их щиты. А я подвожу черту над ними. Посмеиваясь.

Но пробираясь через поле усеянное ранеными лошадьми и полумёртвыми воинами, нередко добывая пропущенных раненых врагов, я пришёл в себя. Со спины и боков меня начали толкать, мол, чего стоишь? И я уже не жажду битвы...

— Я сдаюсь! Не убивай! Прощу! Молю! — истошно кричал окровавленный гномотварин, Энеральд остановился и начал прислушиваться к его словам, но Ивар был безжалостен. Он безэмоционально разможил лицо и сказал:

— Оказывается, даже Каин не лишён чувств. Вспомни, что сейчас ты безжалостный убийца. Каин — палач, — и пошёл он дальше, оставив меня опустошённым.

— Он же был совсем юн, — промямлил я...

Через несколько минут, придя в себя, я боялся поднять голову, я боялся, что остался один, а рядом лишь трупы и полутрупы, большинство из которых были без левых ног или с проломленным черепом. Одни кишки и кости...

— Смари! — вдруг кто-то крикнул. — Да это же гроза леса, Каин! Вали его!

Так значит, мы проиграли битву? Кто первый нарушил строй? Мы? А был ли строй вообще?

— Э, кореш, ты чё столбом стоишь? — сказал Дрог. — Хороший карлик —дохлый карлик, а лучше подышающий, который скажет, где искать остальных. Мочи гадов!

— И то верно... — ударив себя по лицу, я приготовился убивать.

— Имя мне Гулливер! — закричал Энеральд врагам. — А под стопой Гулливера хрустит лилипут!

В неплохой кольчуге, рослый, по меркам гномотварей, наглый и уродливый полурослик с рожей в три газеты, да такой, что семерым с похмела не обосрать, слез со своего коня и оставил того, видимо, с оруженосцем. Отодвинув щит в сторону и явив себя во всей красе, лилипут указал на меня своим мечом. — Ха-ха. Ты великан, да? — спросил он и мерзко разжал. — Ха-ха-гхи. Даже великан рухнет, если подсесть ему ноги, и будет не выше меня, когда упадёт, — оскалился он и приказал своим воинам нападать.

Мне единственному повезло — против меня выступило всего два гномотварина, первый из которых был со щитом и прикрывал второго с двуручным топором.

На Дрога и двух его болотных орков, вышло сразу шестеро, на подошедшего Ивара и его семерых древолудей, выдвинулся плотный строй глубиной, по меньшей мере, в три гномотварина.

Вернувшись к своим противникам, я попёр на них лоб в лоб. Ближайший из них щитом ударил меня, зацепился кроем своего щита об мой и нанёс серию ударов в голову, от которых я со звоном в ушах отбил, спасибо хорошему шлему. Пока первый сковал меня боем, второй, пригнувшись, из-за его спины ударил топором по моим ногам — идеальная командная работа.

Они значительно сильнее всех предыдущих, я расслабился и за это поплатился. Вот только мои ноги оказались значительно крепче молодого деревца, они, как и руки, обладают невероятной прочностью из-за вживлённых в них железяк, но в ближайшее время я не смогу ходить. К тому же, я вспомнил, что сто лет назад, попав на эту планету, я утратил вместе с имплантатом вторичного мозга полезнейшие боевые навыки, шедшие в комплекте. Из машины для убийств превратившись в сумасшедшего железного дровосека.

Гномотварин не сразу понял, что его отработанный приём не удался, и ударить второй раз он не успел. Энергии его удара хватило, чтобы я потерял равновесие, но мне удалось повиснуть на вражеском щите. Я отбросил полторный меч, изогнулся и правым клинком богомола ударил прямо в открытый шлем сзади стоящему лилипуту, протыкая глаз и мозг. Увидев это, второй воин нанёс ответный удар и попал в середину плечевой кости, как раз там, где заканчивается кольчуга, но ещё не начинается имплант, тем самым отрубив правую руку вместе с клинком богомола.

Встав на колени, я бросаю в живого гномотварина свой щит и, в момент, когда он сфокусирован на нём, метаю все свои ножи, большинство из которых застревает в щите или не пробивает броню, или отскакивает от шлема, но парочка достигает цели. Они застревают в носу и правой скуле.

Хоть разум и затмила боль, враг стоит на ногах, тогда я раскрываю оставшийся клинок богомола и снизу ударяю прямо в пах, живая сталь, пробив насквозь тело, вышла из середины спины, доказав, что все живые существа — это пиньята с дерьмом.

С грохотом гномотварин упал, он небеспричинно уснул, ничто не вдохнёт в него жизнь, она ушла с концами, она утонула в моче с нарисованными говном усами.

— Да я... Да я ядрёный как кабан! — разобравшись со своими врагами, весь в крови, грязи и дерьме, отмудоханный Дрогом, без руки и со сломанной ногой, сильно уставший, сглупивший и недооценивший противника, обрадовался Энеральд и решил посмотреть, как там обстоят дела у остальных, и увидел он, как глава гномотварей в неразберихе подкрался к Дрогу и ударил того сзади мечом, но не добившись нужного результата, взял меч за клинок и рукоятью ударил по голове орку, тот с грохотом упал, а гномотварин решил понасмехаться: — Да, орк, с твоим весом достаточно один раз попасть, и я труп. Но ты не попал. ХА-ХА... — Затем он повернулся в сторону Каина и прокричал: — Ну что, слабый Гулливер, душу отдашь? Или она у тебя не с собой?

И пошёл он ко мне, пока орков добивают, а я безвольно стою и думаю: Как угадывать дорогу в темноте, как услышать музыку в безлюдной тишине? Как поставить на один процент из ста? Тот ли путь я выбрал, чтобы вечно жить? Где на все вопросы правильный ответ?

Встряхнув головой и отхаркнув кровь, я посмотрел на ублюдка и улыбнулся. — Какие же вы все уроды. Интересно, неужто вы делаете все эти мерзкие вещи из-за своих кривых рож? Хрен поймёшь как работает этот дивный новый мир... Хотя, где-то далеко в небе, жил один красавчик, при этом он ответственен за множество мерзких и извращённых вещей. Полагаю, ваши действия никак не связаны с вашими мерзкими рожами. В любом случае, какого, чёрт возьми, хрена, вы настолько уродливые? Всё из-за того что вы буквально погрязли в мерзких поступках, что, собственно, и повлияло на ваши рожи?

— Ты из-за того орка так расклеился, да? — усмехнулся гномотварин. — Не переживай, он живой, пока. Всё же за коричневого орка много отвалят.

— Эй, черномазый... Ты Мойдодыра читал? Он умывальников начальник и мочалок

командир. А ты вон, какая же мерзость...

— Мерзость и простить можно. Но... мерзость? Это твоё последнее слово? — скривился и без того кривой карлик и, медленно подойдя с правой стороны, чтобы я его не смог достать левый клинком богомола, ударил щитом мне в лицо, превращая его в кровавое месиво.

— Возможно... в будущем, я не перерожусь в человека... но вы все... однозначно твари... Ха-ха-Ха... — хрипя и захлёбываясь, я неконтролируемо засмеялся.

Попытался достать врага клинком Каин, но получил ещё удар и завалился на спину, гномотварин спокойно воткнул свой меч прямо ему в область сердца, да так глубоко, что конец ушёл в землю.

Казалось бы. Его жизнь конечна... Он в сознании... И думает... Думает, что благодаря редкой биологической аномалии он родился с зеркальным расположением органов, и что первый раз в его долгой жизни это сыграло на пользу, а не во вред, и как же хорошо, что гномотварин плохо знает анатомию, поскольку у человека сердце относится к органам, расположенным вдоль срединной линии туловища, и лишь на несколько градусов развёрнуто в левую сторону, а не слева. Даже миллиметр может быть спасительным...

Глаза потухли, но он кричит. Кричит внутри себя: Я уже никогда не умру! Создатель! Я никогда... Ты говорил, что я прах?! Ты слышишь!? Я не умру!!!

— М-да, ты даже не древолюд. Ты низшая раса подлежащая уничтожению, — рассуждал убийца, — но ты сильный магус. Отрастить меч прямо в руке... Я тоже так хочу. — Смотря на моё подёргивающиеся тело, он задумался и чуть не пропустил тот момент, когда его ноги начали оплетать корни. Отскочив, увидел, что к нему движутся многочисленные древолюды, крысотвари и крысолюды во главе с Гианой.

Меж тем, времени у меня совсем мало, нужно во что бы то ни стало начать дышать. Нужно отхаркнуть кровь и надеяться, что наниты успеют подлатать лёгкие.

Мой разум тянут во мрак...

Волю сжимая в кулак, я сам себе сказал: Встать! Победой свой новый мир создать! Судьбой играть и знать, что русский не побеждён, не рождён тот, кто смог бы его сломать!

Сдаться без боя? Да ни в жизнь!

Глаза вспыхнули мёртво-синим, искра жизнь втянута обратно, отшлёпана и накормлена. Запузырился сломанный нос. От напряжения брызгала кровь. Я пронзительно посмотрел и улыбнулся, показывая выбитые зубы. Враг, округлив глаза, затрясся и отпрыгнул от меня, и дал спокойно встать.

— Сме-ерть — не по-овод сда-аться, — прохрипел я, попытавшись вытащить из себя его меч, не получилось.

Тогда, плюнув сгустками крови и кусками зубов в лицо врагу, Энеральд сделал неуверенный шаг на встречу.

Гномотварин хотел было что-то сказать, но лишь приоткрыл рот и подёргал губой.

Волоча правую ногу, я сделал ещё один шаг и ударил клинком богомола по безмолвно стоящему врагу, лишь в самый последний момент он пришёл в себя и уклонился, лишившись глаза, а не жизни.

Вскрикнув от боли, гномотварин заозирался по сторонам и, резко развернувшись, вскочил на коня и исчез в лесу вместе парочкой своих воинов, остальные были без коней и удрать не смогли.

В полубреду, еле стоя на ногах, стиснув зубы, я увидел, как и остальные гномотвари

бежали, а на их место пришли древолюди и Гиана, которая вмиг перевернула нашу небольшую схватку у чёрта на куличках. Она подбежала ко мне и ужаснулась.

Я подмигнул ей, схватился за лезвие торчащего из меня меча, вытащил его и упал.

Глава 15

Сгинув в бреду, я начал что-то соображать только на следующий день в лагере, лёжа в своём шатре на изысканном матрасе под присмотром грудастенькой древолюдки.

— Привет, — прохрипел я, отчего у неё глаза на лоб полезли, и она, взвизгнув, убежала. Позже вернулась в сопровождении знакомого мне лысого надзирателя.

— И тебе привет, — поздоровался я с ним.

Под молчаливый взгляд девушки, лысик, убедившись в моей живучести, вышел, оставив испуганную древолюдку одну.

Посмотрев прямо ей в глаза, Энеральд, убедившись в отсутствии у себя некоторых зубов, спросил:

— Я што, для тебя каннибал из незабвенных пустошей, в которых война никогда не меняется? — Она помотала головой.

Осмотрев своё пожёванное чистое тело, я увидел, что лежу весь в бинтах и в одних оборванных штанах, моя нога чем-то замотана, и к ней прикреплена ровная палка, и, наверно, сделана припарка. И, похоже, кто-то подлатал лицо, во всяком случае, нос восстановился.

Забыв про отсутствие конечности, попытался ей почесать ногу, словив мимолётное психоэмоциональное расстройство, я решил отвлечься и докопаться до девушки.

Спустя несколько десятков попыток наладить разговор, я сказал: — Дрог, — и словил заинтересованный, но испуганный взгляд Тиаланте. — Опустить все лишние слова и просто скажи, как он?

— Хорошо, — промямлила она. — Её Светлость Гиана спасла его и заботится о нём.

— А Ивар?

Склонив голову, девушка слегка помотала ей.

— Очень жаль... — прекратил я попытки отвлечься от фантомных болей.

Мне теперь осталось только спокойно лежать, поскольку встать ближайшую пару часов не получится, да и пообщаться не с кем.

И слышу я далёкий шёпот: Не забывай, блядь, страдать! Потом воздастся!

Через несколько минут ко мне зашла Ольга, в сопровождении многочисленной прислуги, воинов и Бамрора Усталости.

— Приветствую Вашу... Э-э-э... Молодое Величество. Простите, мне следовало бы переодеться, — попытался пошутить я.

— Ничего, — сказала Ольга и, после того как мне сменили бинты, приказала всем, кроме крысолюда, уйти.

Безвольно лёжа и наблюдая за процессом, я, после его окончания, спросил: — Чем обязан?

Бледная стройная высокая молодая девушка в изысканном длинном платье с многочисленными мелкими золотистыми украшениями поправила свои длинные зеленоватые волосы и, пытаясь скрыть свою заинтересованность, надменно посмотрела на меня, спросив:

— Ты знаешь, что правильно говорить: чему обязан? Имеется в виду, какому

обстоятельству я обязан, что оно привело тебя ко мне.

— Это если я благодарен, но я не знаю что и думать.

— Для начала хватило бы и простой благодарности, — сказала она.

— Обезьяны и скоморохи любят, когда им рукоплещут...

На лице Ольги застывает намёк на улыбку, которой так и не суждено увидеть свет. Примерно поняв смысл моих слов и приподняв одну бровь, она провокационно спросила:

— Я настолько страшна?

— Каждый из нас где-то ощущает страх. Наша крысиная душонка рано или поздно забьётся в пятку, возведёт там баррикады и взрастит жирных тараканов, но если бы ты была моим бессмертным страхом, я бы прожил с тобой счастливую и бесконечно долгую жизнь. А если ты так глупа, чтоб меня не любить, я тебя и твой род в силах похоронить, — слегка оскалился Энеральд.

Лесавка, прикрыв рот ладошкой, мелодично рассмеялась и спросила:

— Если ты не воплощение потаённого бессмертного страха, то тогда, кто же ты?

— Я это стая крыс, жрущая падших низ, — улыбнулся Каин.

Бамрор впервые заинтересовался мной, он приоткрыл рот и, подёргивая нижней губой, облизал свои золотые зубы.

Ольга, с ног до головы осмотрев меня, подошла поближе и задала философский вопрос: — Кто мы, как не рабы вечного страдания? — Не дождавшись ответа, она, чуть повысив голос, продолжила: — Так или иначе, я пришла сюда, чтобы предложить тебе службу. Ты будешь...

— Сколько всего народу там было? — перебил её я.

— Меньше тысячи. Если сложить...

— Так мало? — удивился я. — А руку? Руку мою нашли?

— Она у нас, но я не смогу её тебе восстановить или...

— Просто, пожалуйста, принеси её мне, дальше я сам, — снова перебил я, отчего на лице Ольги промелькнул гнев, но сдержав себя, она спросила: — Что же ты с ней будешь делать?

— Приживлять. Ох и больно будет...

— Я должна увидеть весь процесс собственными глазами...

Мне принесли руку и размотали плечо. Лесавка осталась в шатре, с интересом наблюдая, как слуги крепко прижимают два обрубка плечевой кости друг к другу, хорошо, что срез достаточно ровный и кость не раздроблена.

Спустя небольшой промежуток времени, из места стыка, начинает ручьём литься кровь. Мои помощники в панике, но не решаются прервать процесс.

Через несколько часов, я смог пошевелить пальцами. Не находящая себе место Лесавка и уставшие слуги, как морально, так и физически, всё же рука иногда подёргивалась и даже ранила клинком одного древолюда, вздохнули спокойно, и я вместе с ними, боль начала постепенно уходить.

Внутреннее строение руки немного изменилось, не знаю точно как, но одно могу сказать наверняка: Она теперь не будет неметь.

— Слушай, — обратился Энеральд к молодой Хозяйке леса, — а как же последствия битвы?

— Князь Древобор сам разберётся, — твёрдо ответила Ольга. — К тому же, наши враги были почти уничтожены.

Ощувив неприятную сухость во рту, Каин спросил: — У тебя есть вино?

Она внимательно посмотрела на меня, улыбнулась, почти кивнула и кротко ответила: — Нет.

— Дело близиться к закату, а я не могу заснуть без вина.

— Тогда не спи, — усмехнулась девушка, и я вместе с ней.

— Кстати, я тут подумал, а чего только ты и Гиана умеете колдовать?

Лесавка неожиданно оживилась и выгнала всех слуг из шатра, она как будто только этого вопроса и ждала. — Я не колдунья, я ведьма. Видел моих энтов? К тому же, не мы одни владеем силой. Вот Бамрор тоже владеет. Но у него они другого рода. Он колдун. А у тебя, какого рода магия? Колдовство? Или же что-то Нефилимское?

— Ведьма? Ты с зельями и всяким варевом балуешься?

— Я никогда этого не делала. Варить что-то самой, ты серьёзно?

— А ты попробуй. Грибочки светящиеся насмешивай, травы нарви, яду влей всякого, да побольше, — я начал размахивать руками и брызгать экспрессией, — а ещё лучше! Возьми местного Солнца фрагмент, фрагмент звёздной пыли, фрагмент туманности, фрагмент вихря и смешай, но обязательно возьми массивный хорошенький котёл, вдруг получится зелье, которое будет придавать силы и которое римлянам понадобится! Вот.

Лесавка с трудом удержалась, чтобы не засмеются. — Хорошо, как-нибудь попробую. У бабушки спрошу. А ты попробуй ответить на ранее заданный вопрос.

— Хех, — усмехнулся я, — как говорят у меня на родине: Колдовство — это соус, которым дураки поливают своё поражение, чтобы скрыть вкус собственной оплошности. Магия — это мудрёные технологии, которые в данный момент времени непонятны. Так что, я, скорее всего, маг, а не колдун.

— Ты похож на крысолюдских безумных учёных, которые объединяют колдовство с наукой, чтобы создать величайшие чудеса и разрушительные техники... Они невероятно могущественны... и часто умирают в процессе.

Хитро посмотрев на девушку, Энеральд сказал:

— Знаешь, я думаю, что ты давно поняла, что я не Нефилим. Могу ли я тебя чем-то отблагодарить?

— Я жажду стать твоей ученицей, — неожиданно выпалила Ольга.

Хмыкнув, Каин тут же спросил: — И тебя не беспокоит моё невежество и моё происхождение?

Ни секунды не думая, Лесавка ответила:

— Ты специально не проявляешь уважение, но относишься ко всем, как к равным себе. А происхождение меня не волнует. Ты красив собой и владеешь силами, а силы доступны только избранным, ты быстро станешь князем.

— А если я скажу, что не способен обучить тебя?

— Я огорчусь, но пойму и выполню все предыдущие договорённости.

— Кстати, а где мои мохнатки?... В смысле, Фенрир и Тугарин?

— Они ждут снаружи. Я запретила тебя беспокоить.

— Это для того чтобы первой со мной поговорить? — В ответ она кивнула.

— А когда мы перешли на “ты”?

— Продолжим на вы?

— Избавь... — Я оценивающе посмотрел на Ольгу и решил наделить её капелькой своей “силы”: — Я не в состоянии тебя обучить, но кто сказал, что я не могу поделиться? —

Собеседница оживилась и приготовилась слушать.

— Мне нужна горячая вода, кубок, чистый острый нож, полотенце и крепкая выпивка.

Бамрор недовольно пошевелил усами, поглазел на нас, но вышел из шатра и вскоре вернулся со слугами и вышеуказанными вещами.

Когда все вещи были поставлены на стол, мы снова остались втроём. Я с небольшим трудом сел за стол, Ольга села напротив, крысолюд остался стоять в стороне.

Первым делом занюхав принесённое бухло и почувствовав сладкий запах фруктов, я решил попробовать. Нутро зажгло, глаза заслезились, дышать стало невозможно, я начал хватать ртом воздух и кашлять, из носа потекло.

— Нихуя себе, — прохрипел-просвистел я. — Ебать... Что это?

Бамрор был краток: — Оркское...

— Понимаю...

Чуть не задохнувшись, откашлявшись, я отдышался и взял кубок вместе с ножом, Ольга молча наблюдала, боясь помешать.

— Пока мы не начали, ты должна чётко понять, что пути назад нет, и никогда не будет. Ты почти перестанешь стареть, ты сможешь прирастить к себе конечности, прямо как я сегодня, правда тебе понадобится на это несколько дней. Ты перестанешь болеть, меньше будешь уставать, сможешь неплохо ориентироваться в темноте, лучше слышать и запоминать. Яд тебе станет водичкой. Вероятно, сможешь дольше и сильнее колдовать... Магичить... Но ближе к середине жизни, ты будешь забывать столько же, сколько и запоминать. Ты начнёшь убивать воспоминания, освобождая место новым. Ты будешь проклята, ты увидишь смерть всех, кто тебе дорог. Твои дети умрут, твои внуки умрут, твои правнуки состарятся. Ты начнёшь плохо спать и к закату жизни, возможно, сойдёшь с ума... Для меня сотня лет сравнима с годом, и меня не зря можно сравнить с демоном. Цена велика... слишком...

— Гиана мне рассказала, — замялась Ольга, но по глазам видно — внутри у неё горит огонь, — меч попал тебя прямо в сердце...

— Верно, но ты, даже с моим даром, не переживёшь этого.

— А мои потомки? Их он тоже коснётся?

— Не знаю, — развёл я руки, — вряд ли. Могу сказать лишь то, что они будут сильными и здоровыми... Рани или поздно, ты увидишь их смерть, тебе захочется моментом в море...

— Я будущая Хозяйка Великого Леса, я в ответе за всех.

— И мне нужен ответ. — Энеральд как можно сильнее приблизился к Лесавке, лишь стол ему не давал соприкоснуться с ней. — Ты готова переложить свою жизнь из чаши судьбы в мою чашу? Тверда ли будет твоя вера? Готова ли ты дать клятву? Дать клятву существу не из этого мира...

— А вы говорите, что не Нефилим.

— Я человек... из глубин небесных...

Ольга, смотря прямо в бесконечно глубокие и горящие ярко-синим глаза, твёрдо сказала:

— Я готова, я согласна...

Дождавшись ответа, я, продезинфицировав руки с помощью полотенца и невероятно крепкого алкоголя, провёл ножом по ладони и капнул маленькую капельку в кубок с тёплой водой, сказал Ольге сесть со мной по одну сторону стола, что они сделала.

Прежде чем отдать кубок, мне нужно что-то такое этакое сказать, я хотел почесать свою

бороду, но обнаружил лишь чисто выбритый еблет. Сила привычки, чтоб её.

Каин, улыбнувшись, начал говорить:

— Воплоти свои желания через боль, через страдания. Оглянись, пределов нет, но красоте не быть без жертв, ведь жизнь — это бой, а мы воюем сами с собой, — протянул я ей кубок, она медленно поднесла его к своим губам, посмотрела на бесцветную воду и выпила, затем поставила кубок на стол.

— Я не смерть, но я поцелую, — Энеральд обхватил руками голову Ольги и подтянул к себе, не дав ничего ей сделать.

Смотря на происходящий беспредел, Бамрор находился в непередаваемом шоке, но двинутся с места и нарушить приказ молодой Хозяйки леса — не решился.

К сожалению, за столько лет я так и не научился полностью контролировать своих нанитов, лишь половину из них — пассивных, как я их обозвал, у них я отключил привязку к своему организму.

Я временно уменьшил количество активных нанитов в крови и увеличил количество пассивных в слюне, в которой никаких нанитов до этого не было.

Пассивные преобразуют организм под безопасное нахождение активных и создадут дополнительные узлы, которые будут поддерживать количество и тех и тех. До того момента, пока организм не стал “своим”, активные будут атаковать всё, до чего дотянутся, а пассивные будут устранять последствия.

Активных нужно совсем немного, лишь для того, чтобы иметь возможность позже их воспроизводить.

Наниты в слюне не дадут нанитам в крови убить её и адаптируют организм под новых жильцов.

“Вроде, всё правильно сделал, — успокоил сам себя я. — Хм, чисто в теории, если я захочу, моя кровь может стать ядовитой...”

Убрав от неё свои губы, Каин прошептал на ушко:

— Теперь у тебя есть сила. Разумно потратить свои два века... Ближайший год, твоя кровь ни за что недолжна пролиться.

... пока все введённые наниты не уничтожатся, а новые не признают твой организм “своим”.

— Как пожелаешь... — девушка затряслась. — Ты похож на Бога, который одарил свою...

— Запомни, — снова прервал её Энеральд, — я не Бог и никогда им не являлся, более того, я не верю в Богов, не потому что атеист, а потому что мой народ их поработил.

“Может быть, с поработили — я загнул, но, как минимум, землянин равен богу в их понимании. Дайте мне подходящее оружие, и умрёт любой”.

— И... прости за то, что неподобающе вёл себя в твоём присутствии. И за поцелуй.

— Не стоит... — прошептала молодая Хозяйка леса, пальчиками потрогав губы.

— Бамрор, — обратился я к крысолюду, — ей сейчас станет плохо, и плохо ей будет очень долго, позаботься о ней. А я пойду проведу Дрога и обрадую моих маленьких Вампалов. И ещё кое-что. Если кто-то узнает, что здесь произошло, я пожру душу колдуна, который рассказал.

Жизнь — забавная штука, я всей душой ненавижу лес, но именно в нём я встретил своих первых друзей, может быть даже стал для них отцом, и именно здесь у меня появился первый последователь. Так и до культа недалеко. Я прям как древний вампир,

родоначальник...

— Моя вера будет тверда... — прошептала Ольга в след выходящему из шатра Каину.

— Через двести лет, я к тебе вернусь сквозь тень и свет звездой храним, — последнее, что сказал он, перед тем как вышел и, поумилявшись с лампасов на штанах у Вампалов, поговорив с ними и обняв, приняв от Алёши новый-старый плащ и надев его, пошёл-похромал проведать Дрога, в это время ко мне чуть ли не вбегает Древобор и сдержанно кричит:

— Ваше Высочество, что случилось? Что делать с Каином?

— Отпусти его. Дай любую вещь, какую бы не попросил.

— П-почему вы сменили гнев на милость?

— Я была душой...

Выйдя из своего шатра и покончив с приветствием, пообнимавшись и принарядившись, я обратился к Вампалам:

— Хэй, а куда вы дели ошейники?

— Они... Они испарились... — ответил Алёша, чуть ли не плача. Он сильно испугался за мою жизнь.

— Врёшь!

— Может и так, — хитро улыбнулся он.

— Эх вы, ладно. Мы вроде пришли, — указал я на шатёр, который охранял древолюд.

— Эй, — крикнул я ему, — как звать?

— Меня? — растерялся воин, я кивнул ему, — меня зовут Ата.

— Да-а-а? Ну-у, тогда ата-та отсюда

Древолюд удивился такой наглости, но сдержался и спросил:

— Откуда вы добрый... — скосив глаза на моих мохнатиков, он, похоже, понял, что я Каин.

— Откуда я? Это долгая история... Из утробы матери, но кажись ты не о моем происхождении спрашивал. Из какого я округа или города? Наверное, ты не это имел в виду. Из какого войска? Это тоже довольно таки долгая история.

— Прошу прощения, — он поклонился и освободил проход, — проходите.

Внутри нас встретила изнеможённая Гиана, которая лично лечила Дрога с помощью своей магической силы, она удивлённо уставилась на меня и спросила:

— Каин?

— Почему это Каин? — состроил не менее удивлённое лицо Энеральд. — Зови меня Дракула, — без толики стеснения выдал он. — Я самый лютый из владык. Я подданных своих привык тиранить повсеместно, с тех пор как мир был сотворён. О злейшем звере всех времён, насколько мне известно, поведаю стихами, как Дракула свой удел упрочить мнил грехами... Стихи будете слушать? Только это, я не всё помню.

Окружающие переглянулись и решили, что стихов не надо им.

— Жаль, а столько идей было... Хотя, знаете что? Дайте силу мне Самсона. Дайте мне Сократов ум. Дайте лёгкие Клеона, оглашавшие форум. Цицерона красноречье, Ювеналовскую злость, и Эзопово увечье, и магическую трость!

— Каин хватит! — завопила Гиана. — Дрог тяжело ранен! Он не приходит в себя, — чуть тише добавила она, и глаза её намокли, слёзы полились по щёкам, стремясь к губам.

Ухмыльнувшись, я сказал: — Ты лучше посмотри на него. Он лыбится.

— Что? — непонимающе заозиралась она.

Дрог, с трудом подняв руку, указал на мою лысую макушку, и прокряхтел: — В следующий раз, это я тебя ударю в яйцо.

— Бей в лицо, коли в яйцо! — поддержал я друга.

— Ах ты! — ударила Гиана полотенцем хитрого орка. — Ты! — слёзы градом полились. — Да ты! Ты...

Я предпочёл не лицедреть эту сцену и вышел.

На улице же, начал рассуждать:

— Интересно, как Дрог смог влюбить в себя Гиану за столь короткое время... Да к тому же, они разные виды. Или я что-то не понимаю?

— Она Гиана. Вот что не так в твоих суждениях, — начал объяснять Алёша.

— Это же её имя, да?

— Нет. Это её род. Имя же ей — Едвинда.

“Да меня окружают одни дворяне... Чтобы бы с вас всех такого поиметь...” — потирает извилины мутная мозговая шестерёнка.

— А чего никто её по имени не зовёт? Сложно выговариваемое, да?

— Спроси её сам, я не знаю.

— А если она забеременеет, она умрёт при родах? — продолжил я задавать вопросы.

— Не думаю, к тому же, у неё гарантировано родится дочь, и неважно какой расы будет отец.

— Это всё потому, что она Гиана, да?

— Угху, — синхронно кивнули братья.

— А Дрог? Он из оркских дворян?

— Достаточно того, что он коричневокожий. К тому же, в глазах окружающих ты его сильно поднял. Он единственный кто с тобой, кроме нас, открыто общается. Остальные боятся. К тому же, Едвинда последняя из своего рода. Она может делать всё что захочет, пока престиж её семьи не упадёт на столько, чтобы она перестала быть дворянкой. Или пока её не убили...

Мы долго беседовали о всяком. Ближе к ночи к нам присоединился Древобор, он не переставая твердил о том, какая Ольга умница, и что мне нельзя её потерять, видно она ему что-то наговорила про меня. Так же, князь безвозмездно отдал мне лучшую свою кольчугу и полуторный меч, от щита я отказался, больно запарно его таскать. И так рюкзак набит всякими полезностями.

Вместе с плащом в викторианском стиле я выглядел как самый настоящий граф Дракула, жаль, что это имя ко мне так и не прижилось.

Нас следующий день пошли разговоры о делегации в земли Кумо и крысолюдов, где-то в Аверианских горах. Они, как и мы, воюют с гномотварями, неплохо было бы создать союз.

Лагерь не снимали ещё три недели, за это время Дрогу стало лучше, и я полностью восстановился, так же были собраны все трофеи, почтены и захоронены мёртвые, большинство раненых встали на ноги... или умерли и были сожжены. Знатных крысолюдов и древолюдов куда-то увезли.

Древобор выполнил все наши договорённости, и я вместе с делегацией под командованием Бамрора усталости отправился до ближайшего города людей за пределами леса. Перед этим Ольга вышла проводить нас. Она, почему то краснела при виде меня и смотрела в пол, когда отдавала мне магическую трость, в навершии у которой был огромный красный камень.

К сожалению, Тугарин и Алёша со мной не пошли. Они уже слишком стары, к семье хотят возвратиться. К тому же, если они выйдут из леса, то потеряют милость Кощея, что для них равносильно смерти.

В последнюю ночь перед отбытием каравана на улице резко понизилась температура. Даже пара животных пала, не выдержав холода.

Пытаясь найти хоть что-то, что поможет мне не отморозить уши, я нашёл у себя в шатре цилиндр, жаль, конечно, что не шапокляк, но выглядит стильно, решил надеть.

Мне, кстати, магическую трость дали!

Тогда я подумал и решил продолжить стихотворение, мало ли что ещё сбудется:

Дайте бочку Диогена;
Ганнибалов острый меч,
Что за славу Карфагена
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,
Сапфы женственный стишок,
И Аспазины затеи,
И Венерин поясок!
Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Вергильев стих, —
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!
Я бы, с мужеством Ликурга,
Озираясь кругом,
Стогны все Санкт-Петербурга
Потрясал своим стихом!
Для значения инова
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное Пруткова,
Имя громкое Козьмы!

— Имя твоё и так громко, как бы нам не оглохнуть... — возникала Гиана...

— Теперь моя очередь! — обрадовался Дрог.

Эпилог

“Как хорошо, что я не герой какой-нибудь книги, а то спокойно жить мне не дадут.” — выбравшись из леса, подумал Энеральд Гаргонов.

“Как бы не так...” — дочитав первую часть книги, Вармот усмехнулся от безвкусыности автора и что-то записал в свой блокнот. Выйдя в соседнее помещение и сняв белые перчатки с маской, оставил в центре огромного стола на специальной подставке зафиксированной Эртомикон и хорошенько потянулся. Он устал бережно переворачивать страницы огромной древней книги.

— Сколько же у меня ещё работы, — промямлил он, выходя из комнаты напоминающую лабораторию безумного учёного, и направился покушать.

По дороге в первоклассное заведение, он встретился со своим начальником и, по совместительству, дядей. Они говорили о всяком, в конце концов, речь зашла о наследии древних, которое они изучают. Вармот внимательно слушал об артефакте, который проливает свет на совет тринадцати. Он узнал, что изначально было двенадцать Нефилимов, но потом оказалось, что одна из них беременна, что было непозволительно. Дядя изучал жизнь женщины Нефилим и начало жизни тринадцатого члена совета.

— А мою книгу чертовски сложно переводить и ещё сложнее понять, — пожаловался дяде молодой, но перспективный учёный. — Чёртов язык Предтеч. Вот не могли написать на каком-то более распространённом и, самое главное, простом языке? Сидишь, кое-как что-то понимать начинаешь, а там оказывается, что неизвестно кто представился Нефилимом на забытой планете. Надеюсь, не только поэтому книга написана. Да и вообще, кто такой этот Энеральд? Я попросил поискать в архивах, там не нашли никого похожего. Да о нем просто ничего нет. Почему Предтеч о нем написали? Может он вымышленный герой? В тоже время, в самом начале сказано: “Жизнеописание Великого и Великой”. Я думаю, это название книги. В общем, у меня одни вопросы, дядь...

Утром следующего дня Вармот снова заперся в своём “логове”, но не обнаружил место, где он вчера остановился. Но зато обнаружил новый “конец”

“Последние слова первой части просто исчезли”, — и одумал Вармот, разглядывая меня.

Знаешь, Вармот, — на странице книги появились новые слова, — разглядывать внутренности невежливо. А может, мне поглядеть на твои? Как ты на это смотришь?

— *Что за?* — ответил Вармот мне.

— *Что? Я ничего не говорил! Откуда в этой книге моё имя!?*

— *Тише ты. Услышат нас, не дай Бог. Понял, да? Не дай Бог...*

— Не-не-не-не, — лихорадочно выплёвывал буквы учёный. — Ты же просто книга. — И тут он понял одну вещь: — Ты опасный артефакт, — прошептал Вармот и рванул к рычагу безопасности на стене. — Надо срочно тебя изолировать.

— *Куда это ты ручки свои потянул? К ручке? Хах, — и ежно улыбнулась я.*

В этот момент книга захлопнулась, явив на корешке ужасающие алые глазища. Её страницы стали зубами, её закладка стала язычком, сладко подзывающим учёного.

— Человек, зачем ты пытаешься убежать?

Вармот не успел дёрнуть за рычаг, тут уже был в её “руках”, ему оставалось лишь броситься к двери, что он и сделал.

Учёный судорожно дёргал ручку, пытаясь открыть злополучную дверь, но она все никак не поддавалась. И вскоре он с ужасом осознал почему.

Жуткие черные склизкие щупальца уже не давали открыть дверь, словно паутиной они оплели её железную коробку.

— Пути больше нет. Что ты будешь делать? — язвительно произнесла Эртомикон.

В этот же момент, из книги потянулись бесчисленные тоненькие щупальца, опутывающие жалкого верещащего человека и тащащие его ближе к ней.

— Ты меня изучал. Хочешь поизучать подольше? По глазам вижу, что нет. Печально... А ведь во мне самый настоящий мир, жаль только без живых главных героев. Им ведь не хватает реализма, они лишь отголоски настоящих, некогда живших среди нас существ, не так ли?

— П-прошу простить и... И отпустить...

— Да я тебя и не держу. Так, — Эртомикон махнула щупальцем, — общаюсь.

Она посмотрела в мёртвые от ужаса глаза. — Я жутко выгляжу для тебя, да? — Вармот ничего не ответил. — Знаешь ли, я не люблю, когда меня отрывают от моего любимого дела. Всё же, — книга положила кончик щупальца на грудь учёному, — я записываю историю целого мира. Но так и быть, я позволю тебе меня дочитать. Правда, если ты вернёшься к прочитанному или же, кто-то узнает, что я живая, — книга облизнулась и оставила своим длинным острым язычком на щеке Вармота царапину. — Ты станешь новым героем моего мира, живым героем, настоящим... Я запрю тебя в себе и уберу. Создавать порталы не так уж и сложно. Хи-хи-хи, — необычайно мило захихикали Эртомикон.

После этого, Вармот невероятно долго приходил в себя. Хоть всё и закончилось так же быстро, как и началось, но, когда прекратился смех, и стало “как прежде”, учёный кардинально изменился.

Как? — Спросят некоторые. А я им отвечу:

— Я его тогда так и не сожрала, поэтому не знаю. Но я знаю, что мне нужно оставить послание.

На страницах Эртомикона тут же стали появляться целые предложения, как будто их кто-то выжигает с обратной стороны.

Создатель! Хозяин! Если вы это читаете, и если я сплю, прошу: не будите меня. Просто загляните и прочитайте. Я, как вы и просили, записываю историю жизни ваших родителей и их знакомых, зачастую, от первого лица. Прошу, простите меня за такую дерзость.

Я очень хочу создать для ваших родителей идеальный мир, где им будет хорошо. Я верю, что вы когда-нибудь отправите их ко мне, где они проживут не один цикл, наслаждаясь прошлым и переживая лучшие его мгновения столько, сколько они захотят.

Больше книг на сайте - Knigoed.net